
SOCIAL'NYE I GUMANITARNYE ZNANIJA

SCIENTIFIC JOURNAL

Start date of publication – August 2015
Published quarterly

FOUNDER

P.G. Demidov Yaroslavl State University

EDITORIAL OFFICE

14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Website: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Phone: +7 910 963 59 61 (Alexander Vladimirovich Shustov)

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с августа 2015 года
Выходит 4 раза в год

УЧРЕДИТЕЛЬ

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова»

РЕДАКЦИЯ

ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

Веб-сайт: <http://j.uniyar.ac.ru/index.php/dnk>

E-mail: sgz-journal@ya.ru

Телефон: +7 910 963 59 61 (Шустов Александр Владимирович)

Свидетельство о регистрации СМИ – ПИ № ФС 77 - 69686 от 05.05.2017 выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 31978. Формат 240×170. Объем 104 с. Тираж 60 экз. Свободная цена. Заказ № 20120. Дата выхода в свет 30.09.2020. Издатель и его адрес: Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова; 150003, Россия, г. Ярославль, ул. Советская, 14. Типография и ее адрес: ООО Филигрань; 150049, Россия, г. Ярославль, ул. Свободы, 91. Содержание предназначено для детей старше 16 лет.

EDITOR-IN-CHIEF

Yurii A. Golovin – Yaroslavl State University (Russia)

DEPUTIES EDITOR-IN-CHIEF

Igor Yu. Kiselev – Yaroslavl State University (Russia)

THE EDITORIAL BOARD

Stefano V. Aloe – Verona University (Italy)

Lyubov G. Antonova – Yaroslavl State University (Russia)

Sergei A. Baburkin – K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University (Russia)

Elena G. Borisova – Moscow State Linguistic University (Russia)

Nataliya P. Vidmarovich – Zagreb University (Croatia)

Irina A. Grigoryeva – Saint Petersburg University (Russia)

Yuriy V. Domanskiy – Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

Vladimir I. Karasik – Volgograd State socio-pedagogical University (Russia)

Igor I. Kyznechov – Lomonosov Moscow State University (Russia)

Irina L. Sizova – Saint Petersburg University (Russia)

Alexander Y. Sorochan – Tver State University (Russia)

Joseph A. Sternin – Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Lidiya N. Timofeeva – RANEPА (Moscow, Russia)

Lyudmila G. Titova – Yaroslavl State University (Russia)

Dmitriy A. Chugunov – Voronezh State University (Russia)

Marina V. Shamanova – Yaroslavl State University (Russia)

EDITORIAL BOARD SECRETARY

Alexander V. Shustov – Yaroslavl State University (Russia)

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ю. А. Головин – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

И. Ю. Киселев – д-р социол. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

С. В. Алоэ – д-р филол. наук, профессор, Веронский университет (Италия)

Л. Г. Антонова – д-р пед. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

С. А. Бабуркин – д-р полит. наук, профессор, ЯГПУ (Ярославль, РФ)

Е. Г. Борисова – д-р филол. наук, профессор, МГЛУ (Москва, РФ)

Н. П. Видмарович – д-р филол. наук, профессор, Загребский университет (Хорватия)

И. А. Григорьева – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

Ю. В. Доманский – д-р филол. наук, профессор, РГГУ (Москва, РФ)

В. И. Карасик – д-р филол. наук, профессор, ВГСПУ (Волгоград, РФ)

И. И. Кузнецов – д-р полит. наук, доцент, МГУ (Москва, РФ)

И. Л. Сизова – д-р социол. наук, профессор, СПбГУ (Санкт-Петербург, РФ)

А. Ю. Сорочан – д-р филол. наук, доцент, ТвГУ (Тверь, РФ)

И. А. Стернин – д-р филол. наук, профессор, ВГУ (Воронеж, РФ)

А. А. Талицкая – кандидат филол. наук, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Л. Н. Тимофеева – д-р полит. наук, профессор, РАНХиГС (Москва, РФ)

Л. Г. Титова – д-р полит. наук, профессор, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

Д. А. Чугунов – д-р филол. наук, доцент, ВГУ (Воронеж, РФ)

М. В. Шаманова – д-р филол. наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

А. В. Шустов – кандидат исторических наук, доцент, ЯрГУ (Ярославль, РФ)

POLITICAL SCIENCE**Akopova T. S.**

Institutes of thought – a new intellectual projec 210

Vagina V. V.

Perception by Russian citizens of the Government of the Russian Federation D. A. Medvedev 2018–2020: political and psychological analysis..... 218

Kamyshanov V. I.

Transformation of the justification of modern political processes at the national and international level: the challenge of time 230

Mizulin M. Y.

“Political science searching for new thought”: attractive raise of theme but not indisputable..... 238

Rekk D. A., Egorov V. G.

Socio-political evolution of Central Asian clans..... 250

SOCIOLOGY**Ivanov M. V.**

Youth and children's public associations of Yaroslavl: state, activities and prospects for the development of the public sector 260

Kliucharev G. A.

Distance (Remote) Learning: on the issue of its efficiency and accessibility 274

Fedorishcheva E. K., Gareeva I. A., Kosilov K. V.

Study of factors influencing behavioral stereotypes regarding health in students of medical specialties..... 286

PHILOLOGY**Pankratova S. A.**

Research of the gender aspect of filmonym’s translation 300

ПОЛИТОЛОГИЯ**Акопова Т. С.**

Институты мышления – новый интеллектуальный проект 210

Вагина В. В.Восприятие российскими гражданами Правительства РФ
Д. А. Медведева 2018–2020 гг.: политико-психологический
анализ 218**Камышанов В. И.**Трансформация обоснования современных политических
процессов на национальном и международном уровне: вызов
времени 230**Мизулин М. Ю.**«Политическая наука в поисках нового мышления»:
привлекательность, но не бесспорность постановки темы 238**Рекк Д.А., Егоров В.Г.**

Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии 250

СОЦИОЛОГИЯ**Иванов М. В.**Молодежные и детские общественные объединения Ярославля:
состояние, участие, перспективы развития общественного
сектора 260**Ключарев Г. А.**Дистанционное (удаленное) обучение: к вопросу об
эффективности и доступности 274**Федорищева Е. К., Гареева И. А., Косилов К. В.**Факторы влияния на поведенческие стереотипы в отношении
здоровья у студентов медицинских специальностей 286**ФИЛОЛОГИЯ****Панкратова С. А.**

Исследование гендерного аспекта перевода фильмонимов 300

Institutes of thought – a new intellectual project

T. S. Akopova¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-210-217

Research Article
Full text in Russian

The article deals with current problems of innovative and prospective development of modern society, related to the formation of a new type of personality capable of self-determination in the conditions of a new technological order and the needs of humanitization of social processes. The philosophical problem posed by science in ancient times – "what is a person" today is interpreted by social practice by the requirement to understand what is a thinking person, how ready he is to consciously perceive the world and himself in the world. The Demand for an intellectually developed person, a subject of social creativity with the ability to real thinking, a conscious approach to any situation, involves the creation of a new social space, in which various institutions of intellectual development are located – from traditional to new, initiative. The role of the entire educational system – from General to higher education-is growing, and it is becoming a leading factor and a promising process in creating new learning technologies and, above all, in teaching thinking. The obvious lag of education in solving this problem causes the intellectual elite to act ahead of time, interested in a new approach to the problem of creativity and thinking. This is evidenced by various associations, clubs, and unions formed locally, in professional communities, and in scientific circles that discuss and develop thinking technologies.

Keywords: intelligence; thinking; knowledge; institutions of thinking; education; development

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Akopova Tatyana S. | E-mail: akopova_tatyana@mail.ru
Cand. Sc. (Sociology), Dean of the faculty of social and political Sciences

For citation: Akopova T. S. Institutes of thought – a new intellectual projec // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 210-217. (in Russ.)

Институты мышления – новый интеллектуальный проект

Т. С. Аكوпова¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-210-217
УДК 001

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются актуальные проблемы инновационного и перспективного развития современного общества, связанные с формированием нового типа личности, способной к самоопределению в условиях нового технологического уклада и потребностей гуманитаризации социальных процессов. Философская проблема «что есть человек», поставленная наукой в глубокой древности, сегодня интерпретируется социальной практикой как требование осмыслить, что есть мыслящий человек, насколько он готов к сознательному восприятию мира и себя в мире. Востребованность интеллектуально развитой личности, субъекта социального творчества, обладающего способностью к реальному мышлению, осознанному подходу к любой ситуации, предполагает создание нового социального пространства, в котором размещаются различные институты интеллектуального развития – от традиционных до новых, инициативных. Возрастает роль всей образовательной системы – от общего до высшего образования, которая становится ведущим фактором и перспективным процессом в создании новых технологий обучения и прежде всего – обучения мышлению. Очевидное запаздывание образования в решении этой проблемы вызывает опережающие действия со стороны интеллектуальной элиты, заинтересованной в новом подходе к проблеме творчества и мышления. Свидетельством этого являются образующиеся на местах, в профессиональных сообществах, в научных кругах различного рода ассоциации, клубы, союзы, обсуждающие и разрабатывающие технологии мышления.

Ключевые слова: интеллект; мышление; знания; институты мышления; образование; развитие

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Акопова Татьяна Сергеевна		E-mail: www.polittheory@mail.ru
		Кандидат социологических наук, декан факультета социально-политических наук

Для цитирования: Аكوпова Т. С. Институты мышления – новый интеллектуальный проект // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 210-217.

Не мыслям надобно учить, а мыслить.

И. Кант

Если знания человека в беспорядочном состоянии, то чем больше их у него, тем сильнее расстраивается его мышление.

Герберт Спенсер

Некоторые дети имеют привычку мыслить – одна из целей образования состоит в том, чтобы избавить их от нее. Неудобные вопросы замалчиваются, за них даже наказывают. Коллективные эмоции используются для того, чтобы привить нужные взгляды, особенно националистического толка. Капиталисты, милитаристы и церковники сотрудничают в деле образования, потому что всем им выгодно, чтобы у людей развивалось эмоциональное отношение к действительности, а не критическое мышление.

Бернтран Рассел

Подборка цитат в начале – о проблеме, которая всегда имела всеобщий характер – как начать мыслить, как мыслить разумно, как понимать то, о чем мыслишь, наконец, действительно, хочет ли человек мыслить, размышлять, раздумывать и осмысливать то, что видит, то, что знает; что значит думать и кто заинтересован в управляемом мышлении? Даже для людей, профессионально подготовленных к тому, чтобы мыслить, непраздным остается вопрос способности к навыкам мышления, продвижения инновации в практику, поиска новых решений, критического отношения к собственным способностям в области освоения инструментария мышления. И это тоже серьезная проблема, за которой следуют практики сознательного и бессознательного, спонтанного или осознанного поведения в различных сферах социума – от бытовой до политической.

Научить навыкам мышления – значит выработать способность самостоятельного осмысления действительности.

Философы размышляют о сущности мышления, психологи – о механизме мышления, технологи – о мыслящей машине, футурологи – о будущем искусственного интеллекта. Чем быстрее человек приближается к практическому применению искусственного разума, тем актуальнее становится проблема его собственного интеллектуального развития, идея личностного знания [1], постижения, вмешательства и действия [2]. Умение мыслить как способность адаптироваться к непредсказуемому миру, обрести в нем себя и превосходство над «хищными вещами века» (Стругацкие), не превратиться в мыслящую машину и научиться сосуществовать с ней на основе новых ценностей – новый тренд эпохи изменения «координат миропонимания» [3, с. 166] и практическая задача, решение которой уже не может откладываться «на потом», когда «будут созданы условия» или очередная группа властвующих созреет до понимания и сложности

и безотлагательности мер в направлении переориентации ни много ни мало – социальной системы – на субъектно-ориентированную политику. У этого процесса должен быть и молодой задор, и глубинное зрелое понимание, и профессиональный подход. И свои инициаторы и лидеры мнений – ядро мыслящих, ищущих, озабоченных ответственностью человека за будущее, общество и самого себя. Людей, которые стремятся «сделать моду» на мышление, объединяют распространяющиеся в стране клубы мышления, позиционирующие себя как сеть региональных сообществ, объединенных интересом к развитию мышления и решению интеллектуальных задач. О задачах – ниже. Еще одно ключевое слово – интерес: среди многочисленных инновационных проектов, которыми богата наша сегодняшняя действительность это – клуб единомышленников, единение которых только в интересе, желании поразмышлять, найти логические соответствия или несоответствия, проникнуться счастьем думать, обсуждать, спорить в своих университетах, в преподавательской и студенческой среде, на встречах с ведущими мыслителями России.

Интеллектуальная история России – давняя [4]. И это не только история борьбы российской интеллектуальной элиты с властью (яркий пример – тайные общества декабристов), но и оставленный в наследство следующим поколениям гигантский пласт размышлений, суждений, поисков смыслов, интеллектуальных устремлений. Многое по глубине, интеллектуальным находкам оказалось непревзойденным и по сей день. Интеллектуальные модели выстраивались как авторские и вписывались в интеллектуальный фон эпохи с ее заданными общественными требованиями и параметрами, преимущественно концентрируясь вокруг идей Правды и Истины, духовных поисков народа. При всей видимой иррациональности интеллектуальный фон получил интерпретацию ведущих представителей российской гуманитарной науки, создавая уникальный интеллектуальный дух времени, истоки которого видели в «духе народном», одновременно считая своим долгом просвещение народа; неслучайно многие писатели, художники вели активную просветительскую работу (движение просветителей, создание школ для крестьянских детей), что всегда было отличительной чертой российских интеллектуалов. С периода российского Просвещения, образования первых университетов и институтов, появления собственной профессуры, ученых, преподававших в высших учебных заведениях (М. В. Ломоносов, В. О. Ключевский, Д. И. Менделеев и многие другие историки, физики, философы). Ведущие ученые, литературные критики, писатели, художники формировали интеллектуальную среду России. Российская интеллигенция постепенно занимала важное место в создании духовной атмосферы эпохи, ее «стиля мышления» [5, с. 6]

Подобные ассоциации, клубы, союзы, семинары, школы, организуемые в различных социальных сферах, настроены на увеличение интеллектуального потенциала страны, в них создается интеллектуальная среда современной России. Инвесторами подобных движений выступают частные лица, организаторами – инициаторы-специалисты, молодежь, общественные движения. Их активизация в последние десятилетия – это и восполнение недостатков государственной политики, благодаря которой массово снижается интеллектуальный потенциал страны, значение интеллектуальных ценностей на общем фоне дегуманизации

всех общественных процессов. Не спасают положения и национальные проекты типа «Образование», олимпиады, конкурсы, ориентированные на одаренных детей, выявление их возможностей, трансляцию способностей с ориентацией на будущую профессиональную и жизненную конкурентоспособность.

У инициативных движений, о которых идет речь, есть задача – научить мыслить, чтобы решить сверхзадачу – создать интеллектуальный инструмент понимания, объяснения поступающей информации, умения распознавать приемы управления, манипулирования сознанием, отличать декларируемые ценности от реальных. Это не ограничивает диапазон других решений в зависимости от профессиональных интересов, а задачи объединений часто выходя за пределы чисто интеллектуальных.

Так, целью «Русской аналитической школы», общественного движения и межрегиональной сетевой структуры, является «консолидация интеллектуальных сил и аналитических структур Российской Федерации» для усиления интеллектуального ресурса страны, развития аналитических способностей человека, создания аналитического инструментария «формирования собственных смыслов, образа победы, контроля над движением враждебной информации, направленной на трансформацию национальной идентичности» [3, с. 289].

Московский клуб мышления «Возможности русской философии» в своем «Манифесте» заявляет: «Это возможность мышления в сфере разумного принципа управляющего миром – в сфере логоса. Рождаемое внутреннее напряжение может и должно вывести жизнь исследователя в мир с целью утверждения начала бытия и ведения жизни созерцательной и как результат привести к заботе о жизни полиса» [6]. На заседаниях Зиновьевского клуба, на научных семинарах и конференциях главный субъект – мыслящий субъект, а главный объект – мыслительный процесс, организация интеллектуальной деятельности в ее «чистом» виде – условное определение процесса, на который оказывает влияние внешняя среда с тем, чтобы мышление превращалось, в свою очередь, в инструмент объяснения реальности. Тогда становится возможным преодолевать зависимость от наступающей демагогии, бездарности, давления СМИ.

Создатель Московского методологического кружка Г. П. Щедровицкий, русский мыслитель, автор системно-мыследеятельностной методологии, обсуждая вопросы формирования умственных действий, имел в то же время в виду необходимость объяснения и высшего теоретико-познавательного обоснования (на примере рассуждений о физике), «каким образом строится и на что опирается непрерывная преемственность в развитии предмета науки, какую роль здесь играет движение практики, связь и зависимость проблем, переносы средств в новые области и обусловленное этим изменение их, каким образом все это организуется в одну систему движения науки» [7, с. 20].

Таким образом, в России возникает запрос на формирование новой интеллектуальной среды, становящейся совокупностью современных интеллектуальных институтов, функционирование которых обеспечивается интеллектуальной элитой нового типа. Создавая подобную среду, общество способно начать решение проблем на основе научного управления, осуществляемого субъектами, приспособленными к поиску и нахождению новых,

неординарных решений. Эта среда требует инфраструктуры, необходимой для выживания, движения вперед – последовательного освоения одного явления за другим.

Статистика институтов не ведется, деятельность многих из них не носит системного характера, не все участники готовы к такому виду деятельности, но есть интерес, формируется ядро наиболее увлеченных, наиболее известные из клубов уже приобретают популярность в преподавательской среде, среди студентов и школьников, специалистов разного рода деятельности.

Сети клубов мышления берут начало в июле 2019 года при проведении образовательного интенсива «Остров 10-21» в кампусе Дальневосточного федерального университета. Клуб мышления – первая Open Innovation платформа в России, использующая методы мышления. Деятельность платформы получила поддержку Российской Венчурной Компании (ОАО «РВК») и Фонда содействия развитию венчурных инвестиций в малые предприятия в научно-технической сфере города Москвы [8]. На базе клубов реализуется сетевая образовательная программа Университета 20.35 для освоения участниками различных методов и техник мышления. Однако базовая задача поле деятельности клубов не ограничивает, их организаторы и участники предполагают расширять сферы применения школ мышления, вовлекать в них молодежь, обучать компании решению технологических задач, продвигать российские методические практики мышления на мировой рынок. Практический результат – эффективность в своем виде деятельности, способность, изучая и активизируя существующие виды практик, создавать новые практики и – как завершение цикла задач – личностное развитие. Логика методики школ мышления – сочетание индивидуальности и коллективности, публичности, прозрачности, соревновательности в командах, объединенных единой целью коллективного разума – поиском решений.

Размышления над тем, как мы мыслим, инструментальны, имеют выход в научную деятельность, вооружая начинающего ученого знанием о том, как вести исследования, видеть то новое, что возникает в области познания, работать со смыслами, искать скрытые значения понятий для оптимальных взаимоотношений и предупреждения конфликтов [9, с. 78].

Работа клубов мышления свидетельствует о выходе на наиболее актуальные вопросы теоретической и практической деятельности современного человека, об этом свидетельствует тематика вебинаров, конференций, которые проводят участники, вот некоторые из примеров: питчинг идей клубов, инструментарий стратегического мышления при работе с идеями, проектами, исследование резервных возможностей человеческого сознания, креативное образование и развитие творческого интеллекта и многое другое. Лидеры клубов и эксперты подчеркивают, что прорывы в экономике возможны лишь при прорывах в мышлении, а рождение новых проектов требует особой культуры взаимодействия в научной и иных видах деятельности, развития новых навыков.

Делается заявка на формирование новой структуры общественного устройства, основанного на новой нравственности знания, понимания, действия – ответственного бизнеса, технологически подготовленных компаний, профессиональных сотрудников, преодоления бюрократических барьеров – другими словами, закладывается иное будущее страны – своеобразный социальный переворот через глубинные перестройки сознания и поведения

людей. То, что сегодня воспринимается как утопия (и, возможно, действительно является утопией), может стать реальностью, новым социальным движением через школы мышления как начало, ядро, интеллектуально социальный замысел тех, кто понимает, какие серьезные проблемы необходимо решать современному человеку, и кто приближается к пониманию, в каком направлении необходимо двигаться для их решения.

На базе таких объединений и движений возможно противостояние негативным последствиям цифровизации и информационной системе зомбирования, тотального контроля и управляющей политики, ориентированной на людей с низкой культурой, примитивным знанием и девиантным поведением. Это постепенный, пошаговый процесс, который начинается в школе и не заканчивается никогда в жизни отдельного человека. Создание таких клубов затрагивает важный вопрос об элитарности образования – не в его уродливой форме, которую оно принимает в социально дифференцированном обществе, это предоставление каждому (и создание сетей такого обучения) инструментария эффективности мышления.

Интеллектуальные институты как «низовые» инициативы родились в России не сегодня. Потребности в научной коммуникации всегда выходили за рамки официальных учреждений как философские, социологические, аналитические, литературоведческие биологические, физические и т. д. объединения, спонтанно возникавшие для обмена идеями. И каждый раз их стремление творить, мыслить, обмениваться опытом было неотрывно от насущных потребностей эпохи – в критике или развитии тех идей, которые имели практическое значение.

Набирающий силы опыт клубов мышления даст новое дыхание энтузиастам, а введение интеллектуальной элитой «моды» на мышление, будем надеяться, станет основой возрождения и развития интеллектуальной среды России. География клубов расширяется, они открываются в Нижнем Новгороде, Ярославле, Ростове-на-Дону, Симферополе, Ульяновске, Курске и других городах России; после проведенной диагностики к участию в клубах приглашены более тысячи человек [10].

Работа клубов мышления началась своевременно: назрела необходимость формирования самостоятельного, осознанного отношения к российским реалиям. Вся система обучения должна переходить от воспроизводящей информацию к ее осмыслению и пониманию, к системности, преодолевая фрагментарность и алогичность восприятия. Университетские клубы мышления решают прикладные образовательные задачи, в частности значимую в настоящее время задачу организации дистанционного обучения: проблемы коммуникации, отдыха, карьеры, эффективности, защиты здоровья, самоорганизации, одиночества и депрессии.

В университетах важное место должны занять философия (в настоящее время на нее отводится незначительное количество часов) и логика, возможно, и спецкурс «Технология мышления». Эту работу невозможно провести революционно, сразу, это не единовременное мероприятие, поэтому нужно надеяться, что клубы – не очередная мода, а постоянный, глубинный процесс, втягивающий все большее число молодежи – от школьников до студентов, от учащихся до активно действующих молодых граждан.

Ссылки / References

1. Поланьи М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985. 344 с.
2. Ясперс К. Духовная ситуация времени. URL: https://booksafe.net/read/yaspers_karl-duhovnaya_situaciya_vremeni-34906.html#p1 (дата обращения: 11.08.2020)
3. Курносков Ю. В. Философия аналитики. М.: РИТМ, 2016. 320 с.
4. Артемьева Т., Микешин М. Интеллектуальные сообщества в России в эпоху Просвещения // Институт философии РАН. URL: https://iphras.ru/uplfile/root/biblio/chel/ch_2/15.pdf (дата обращения: 11.08.2020)
5. Кукушкина Е. И. Русская интеллигенция в поисках политических смыслов. М.: Издательство Московского университета, 2015. 192 с.
6. Клуб мышления «Возможность русской философии». 01.11.2019. URL: <https://vk.com/event164810988> (дата обращения: 11.08.2020)
7. Щедровицкий Г. П. Процессы и структуры в мышлении (курс лекций) // Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 6. М., 2003. 320 с.
8. Клуб Мышления // TinePad. URL: <https://orgthinkingclub.timepad.ru/events/> (дата обращения: 18.08.2020).
9. Келлет П. Конфликтный диалог: работа с пластами значений для продуктивных взаимоотношений / пер. с англ. М. А. Новицкой. Харьков.: Гуманитарный Центр, 2010. 416 с.
10. 12 Клубов мышления открылись в университетских «Точках кипения» // 20.35 Информбюро. 26.12.2019. URL: // <https://ntinews.ru/news/regiony/12-klubov-myshleniya-otkrylis-v-universitetskikh-tochkakh-kipeniya.html> (дата обращения: 18.08.2020).

Perception by Russian citizens of the Government of the Russian Federation D. A. Medvedev 2018–2020: political and psychological analysis

V. V. Vagina¹

¹Lomonosov Moscow State University, 27 building 4, Lomonosov Ave., Moscow 119991, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-218-229

Research Article
Full text in Russian

Currently, one of the relevant areas of political and psychological knowledge is the study of the content component of the images of power. The author in this article analyzes the image of the Government of the Russian Federation that has developed in the minds of Russian citizens. The image of power is the result of political perception, the formation of which is influenced by a combination of various factors: object, subjective, temporal, spatial, communicative.

The theoretical basis of the study is the theory of political perception. The process of political perception is complicated by the fact that the individual's attitude to power and its activity is formed not only as a result of access to the media, but also based on stereotypes inherent in the mass consciousness and based on the experience of the individual's interaction with the government.

The empirical basis was the data obtained as a result of a study aimed at studying the image of the Government of the Russian Federation in the minds of Russian citizens. The author of the article revealed some features of the perception of the Government of the Russian Federation by Russian citizens, for example, such as increasing the emotional level of perception and rejection of the current model of interaction in the "power-society" system, the need of citizens in a high-quality dialogue with a political institution.

The article analyzes in detail the visual component of the image of government, as well as the subjective and objective factors that determine the process of political perception. The author comes to the conclusion that in the current realities of the political development of our country, there is some contradiction in the "power-society" system: even though confidence in power is declining, society is ready to compromise and dialogue.

Keywords: political perception; image of power; mass consciousness; factor model; political context; subjective factors; object factors; temporal factors

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vagina Vera V. | E-mail: vera.vladislavovna@mail.ru
| Postgraduate student

For citation: Vagina V. V. Perception by Russian citizens of the Government of the Russian Federation D. A. Medvedev 2018–2020: political and psychological analysis // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 218-229. (in Russ.)

Восприятие российскими гражданами Правительства РФ Д. А. Медведева 2018–2020 гг.: политико-психологический анализ

В. В. Вагина¹

¹Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ломоносовский просп., 27, корп. 4, Москва, 119991, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-218-229
УДК 323.2; 32.019.52

Научная статья
Полный текст на русском языке

В настоящее время одним из актуальных направлений политико-психологического знания является изучение содержательного компонента образов власти. Автором в данной статье анализируется образ Правительства РФ, сложившийся в сознании российских граждан. Образ власти является результатом политического восприятия, на процесс формирования которого оказывает влияние совокупность различных факторов: объектных, субъектных, темпоральных, пространственных, коммуникативных. Теоретической базой исследования является теория политического восприятия. Процесс политического восприятия осложняется тем, что отношение индивида к власти и ее деятельности формируется не только в результате обращения к СМИ, но и исходя из стереотипов, присущих массовому сознанию, с опорой на опыт взаимодействия самого индивида с властью.

Эмпирическим основанием послужили данные, полученные в результате проведения исследования, направленного на изучение образа Правительства РФ в сознании российских граждан. Автором статьи были выявлены некоторые особенности восприятия Правительства РФ российскими гражданами, например, такие как повышение эмоционального уровня восприятия и непринятие текущей модели взаимодействия в системе «власть-общество», потребность граждан в качественном диалоге с политическим институтом.

В статье подробно проанализирован визуальный компонент образа правительства, а также субъектные и объектные факторы, обуславливающие процесс политического восприятия.

Автор приходит к выводу, что в текущих реалиях политического развития нашей страны наблюдается некоторое противоречие в системе «власть-общество»: даже несмотря на то, что доверие к власти снижается, общество готово идти на компромисс и диалог.

Ключевые слова: политическое восприятие; образ власти; массовое сознание; факторная модель; политический контекст; субъектные факторы; объектные факторы; темпоральные факторы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вагина Вера Владиславовна | E-mail: vera.vladislavovna@mail.ru
Аспирант кафедры социологии и психолог политики

Для цитирования: Вагина В. В. Восприятие российскими гражданами Правительства РФ Д. А. Медведева 2018–2020 гг.: политико-психологический анализ // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 218–229.

© Вагина В. В., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Введение

В современных условиях наблюдается возрастающий интерес к области социально-политических исследований в России. Данная тенденция обусловлена прежде всего тем, что за последние несколько лет в нашей стране произошли существенные изменения в политической сфере, оказавшие влияние на процесс восприятия обществом властных институтов и модель политического участия граждан. Факторный анализ политического восприятия позволяет расширить понимание о власти как таковой, получить новые знания о политическом процессе в России. Образ политических институтов, сформированный в массовом сознании, оказывает существенное влияние на установление и поддержание доверительных отношений в системе «власть-общество» [1]. В результате событий последних нескольких лет мы наблюдаем существенное снижение уровня доверия со стороны российских граждан ко всем политическим институтам в нашей стране, в частности к Правительству РФ, что и фиксируют крупные социологические центры ВЦИОМ [2] и Левада-Центр [3]. Говоря о причинах, оказавших влияние на данный процесс, нельзя обойти стороной актуальный политический и событийный контекст. Следует отметить, что непопулярные реформы, инициированные Правительством РФ в прошлом году и в начале текущего, оказали влияние на представления граждан о данном органе государственной власти.

Теоретические основания исследования

В качестве теоретической основы для исследования образов властных институтов в рамках политико-психологического подхода является теория политического восприятия. Политическим восприятием называется процесс, в результате которого происходит отражение в массовом и индивидуальном сознании как отдельных политических объектов (например, политических институтов), так и политической реальности в целом [4].

Важным для данной статьи при рассмотрении образа федерального Правительства является интерпретация таких понятий, как «имидж» и «образ». Отметим, что в англоязычной научной литературе данные понятия употребляются в качестве синонимичных, однако в отечественной научной мысли существуют различные подходы к их соотношению. Мы, основываясь на подходах Д. А. Леонтьева [5] и Е. Б. Шестопаля [6; 7], будем рассматривать данные категории в качестве самостоятельных и не тождественных друг другу. Под политическим образом мы будем понимать отражение политических объектов в индивидуальном и массовом сознании, формирующееся естественным путем, тогда, как под имиджем – конструируемое целенаправленно.

Одним из важнейших понятий в области политико-психологических исследований является понятие «образ власти», который формируется в результате восприятия (перцепции) гражданами политических процессов [8].

Принято считать, что политическое восприятие является частным случаем социального восприятия [9]. Однако можно выделить ряд специфических черт, характерных исключительно для политической перцепции. Одним из ключевых отличий политического восприятия является то, что его результат не только отражает реальные характеристики политического объекта, но и находится под влиянием сложившихся в массовом сознании стереотипов, ценностей и установок, а сам процесс направлен в большей степени на отражение оценочных интерпретаций власти [10].

Рассмотрим специфические характеристики, которыми обладает процесс политического восприятия:

1. В большей степени отражает оценочные интерпретации в отношении политических объектов, чем отражает объективную реальность.

2. Политическое восприятие обладает некоторой двойственностью: на данный процесс оказывают влияние как внутренние факторы, связанные с субъектом восприятия, например, ценности, стереотипы и установки, присущие массовому сознанию, так и внешние факторы – политические, экономические, социальные и другие.

3. Чаще бывает опосредованным, чем непосредственным и происходит, например, через СМИ.

4. Характеризуется высокой слитностью эмоциональных и когнитивных элементов перцепции.

Комплексный анализ влияния внешних по отношению к индивиду и внутренних факторов позволяет сделать модель политического восприятия, разработанная профессором Е. Б. Шестопал и сотрудниками кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ им. М. В. Ломоносова. Данная модель опирается на несколько групп факторов, оказывающих влияние на результат процесса восприятия: объектные, субъектные, пространственные, темпоральные и коммуникативные [11].

Рассмотрим подробнее, на чем делается акцент при изучении факторов, обуславливающих процесс политического восприятия. Анализ объектных факторов включает в себя рассмотрение актуального политического контекста и особенностей самого объекта. Субъектный фактор касается социально-демографических и психологических характеристик граждан [12]. Анализ коммуникативного фактора осуществляется с точки зрения информационного обмена политической информацией между акторами и выбора коммуникационного канала [13]. При рассмотрении влияния темпорального и пространственного фактора на процесс политического восприятия исследователи отмечают, что принадлежность к определенной территории и время являются важными факторами, оказывающими влияние на трансформацию имеющихся политических образов [14].

Применительно к целям данной статьи для анализа образа Правительства РФ далее мы рассмотрим подробнее объектный и субъектный факторы.

Политическое восприятие – это сложный процесс, на который оказывает влияние большое количество факторов. При этом важно отметить, что формирование политического образа происходит в сознании индивида на двух уровнях – рациональном (осознанном) и иррациональном (бессознательном). Отличием является то, что на бессознательном уровне ведущая роль отводится эмоциональным элементам, слабо осознаваемым индивидом.

Анализ аффективных (эмоциональных) структур политического образа важен при изучении процесса восприятия, поскольку оказывает влияние и на когнитивные процессы индивида. Исследованиями подтверждено, что граждане могут испытывать сильные и яркие эмоции к политическим объектам даже в условиях «информационного голода» в отношении результатов их деятельности [15]. Проанализировать сложившийся политический образ на бессознательном уровне можно, опираясь на визуальные представления индивида о данном политическом объекте.

В рамках данной статьи мы сделаем акцент на изучении визуальных представлений российских граждан относительно Правительства РФ.

Методы

Объектом исследования в данной статье является образ Правительства РФ в сознании российских граждан. Интерес также представляют особенности и ключевые тенденции в восприятии данного органа власти.

Эмпирической базой послужили данные, собранные в рамках исследования «Образ Правительства РФ в сознании российских граждан», полученные в 2018–2020 гг. Исследование носило качественный характер и проводилось с применением следующих методов: глубинного интервью с использованием проективной методики «Рисунок Правительства РФ» и неоконченных предложений. Данная методика позволяет проанализировать неосознаваемые уровни политических образов и сделать более глубокие выводы [16].

Выбор методов был обоснован характеристиками изучаемого объекта. Проективный тест позволяет проанализировать визуальный образ, сложившийся в массовом или индивидуальном сознании на бессознательном уровне. При анализе результатов проективного теста оценивается вся совокупность факторов: когнитивная, эмоциональная и поведенческая составляющие, мотивационный и смысловой компоненты [17].

Важно отметить, что интервью носило полустандартизированный характер и состояло из нескольких типов вопросов: закрытые, открытые, ассоциативные. По ходу проведения беседы респондентам задавались уточняющие вопросы с целью более объективной фиксации результатов. Анализ и интерпретация результатов, полученных в результате интервью, не предполагают количественной обработки.

Всего автором было проанализировано 350 интервью и рисунков. Следует отметить, что объём выборки соответствует требованиям, предъявляемым для качественных исследований. Несмотря на то, что выборка не является репрезентативной для страны в целом, она сбалансирована по полу и возрасту, а также региональному признаку. В исследовании приняли участие респонденты из нескольких регионов РФ, входящие в состав следующих федеральных округов: Центрального, Приволжского, Уральского и Северо-Кавказского. Для того чтобы оценить степень влияния социально-демографического фактора, респонденты были разделены на несколько возрастных групп: 18–25, 26–30, 31–40, 41–50, 51–60, 61–70 и старше 70 лет.

Результаты исследования

На протяжении последних нескольких лет политическая повестка неоднократно менялась, происходили ключевые изменения не только во внешней, но и во внутренней политике. Представляется очевидным, что события, протекающие в политическом поле, повлияли на представления граждан как о действующем федеральном правительстве, так и о власти в целом.

Российские социологические центры неоднократно фиксировали противоречивое отношение общественности к действовавшему в период 2018–2020 гг. Правительству РФ. Так, по данным ФОМ на 01.06.2018 года, более 45 % россиян считали, что министры в составе действующего правительства профессиональные и компетентные [18], тогда как уже по данным Левада-Центр на 14.01.2019 года более 50 % россиян отметили, что готовы отправить действующее правительство в отставку в полном составе [19].

Как отмечалось ранее, при анализе образа власти важно учитывать всю совокупность факторов. Безусловно, что на подобный контраст во мнении россиян оказал

влияние событийный контекст, а именно непопулярные реформы, которые были реализованы Правительством РФ. В 2018–2020 гг. многие исследовательские центры фиксировали повышение общего эмоционального фона в восприятии властных институтов. Результаты исследования, полученные автором, подтверждают данный тезис.

Подобная оценка Правительства РФ как не оправдавшего возложенные на него надежды фиксируется и в ответах респондентов проведенного автором исследования. Отвечая на вопрос о достоинствах и недостатках в работе данного органа государственной власти, граждане отмечали *«низкую эффективность, плохую освещенность проводимых реформ, отсутствие взаимодействия с представителями гражданского общества»*, *«некомпетентность членов правительства»*, *«жизнь обычных граждан не становится лучше»*, *«а что сделано для простых людей? Оценка 3 – принимая решения, думают о себе, а не о народе»*, *«недостатков много, где основные – это продвижение своих интересов, правительство не слышит народ и действует в интересах верхов, несправедливо завышенные ЗП, но при этом большая коррумпированность»* и т. д.

Визуальный компонент образа власти исследовался с помощью проективной методики «Рисунок Правительства РФ».

Проанализировав рисунки респондентов, иллюстрирующие образ Правительства РФ в сознании россиян, можно заключить, что в большинстве своем они негативно окрашены и отражают существенные противоречия во взаимодействии между властным институтом и обществом. Например, по мнению многих респондентов, правительство – это своего рода закрытая структура, которую слабо интересует то, что происходит за её пределами. Например, один из респондентов отмечает следующее: *«Настроение у меня сейчас к ним не позитивное, поэтому я вижу Правительство РФ как закрытую коробку на вершине горы, оторванную от настоящего мира и проблем»* (см. рис. 1).

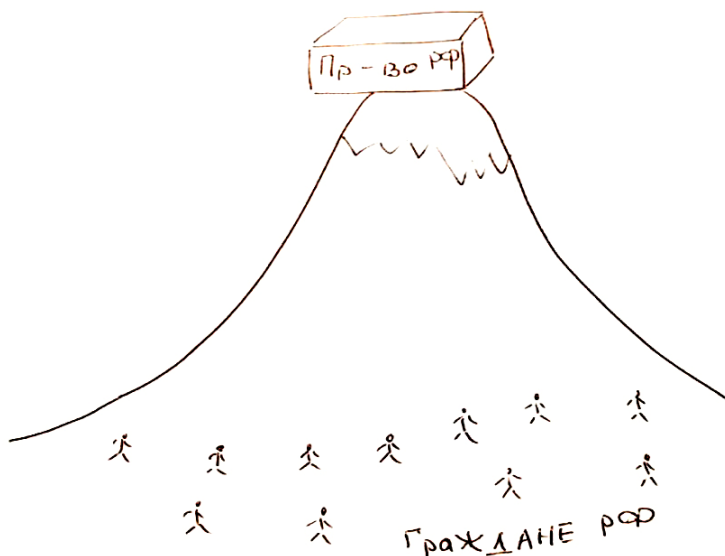

Рисунок 1. Образ Правительства РФ. Коробка на горе.

Часто в рисунках фигурирует отражение некоторой оторванности членов правительства от реального мира и насущных проблем населения. Респонденты отмечают, что между властным институтом и обществом образовалась некоторая пропасть: «Я считаю, то они слишком далеко от народа. Они уже забыли, как живут обычные люди. Это два разных мира» (см. рис. 2).

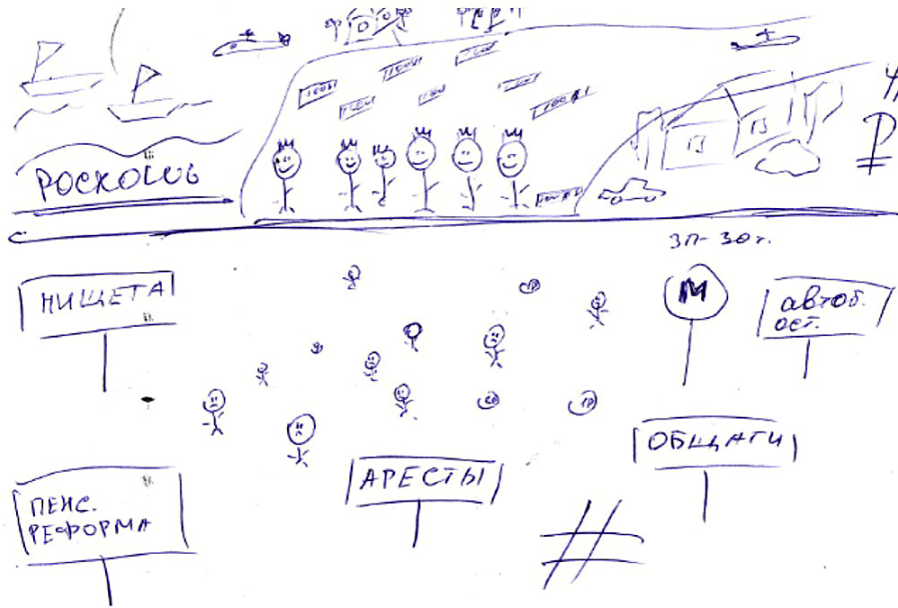

Рисунок 2. Образ Правительства РФ. Два разных мира.

Данная тенденция отражается респондентами и в ответах на вопросы интервью. Размышляя о том, каким должно быть Правительство РФ, чтобы жизнь в нашей стране изменилась в лучшую сторону, подавляющее большинство отмечало, что ждет от данного органа власти открытости по отношению к населению, честности, справедливости, компетентности и решений во благо народа: «честным», «работающим на благо народа», «внимательным к гражданам своей страны», «думать о людях, принимая решения», «более открытым, приближенным к нуждам людей, уделять больше внимания внутренним проблемам и туризму», «честным, открытым, отказаться от коррупции, прислушиваться к народу», «открытое к дискуссии, прозрачная структура, диалог с населением и малым и средним бизнесом» и т. д.

Важная тенденция, которая прослеживается в ответах респондентов, касается того, что Правительство РФ воспринимается с позиции пассивности и слабости: «Болото в лесу, где полная тишина и изредка сверчки издают звуки. Всё в тёмно-серых и тёмно-зелёных тонах» (см. рис. 3) или олицетворение Правительства через фигуру министра, который сидит за столом «сложив руки» (см. рис. 4).

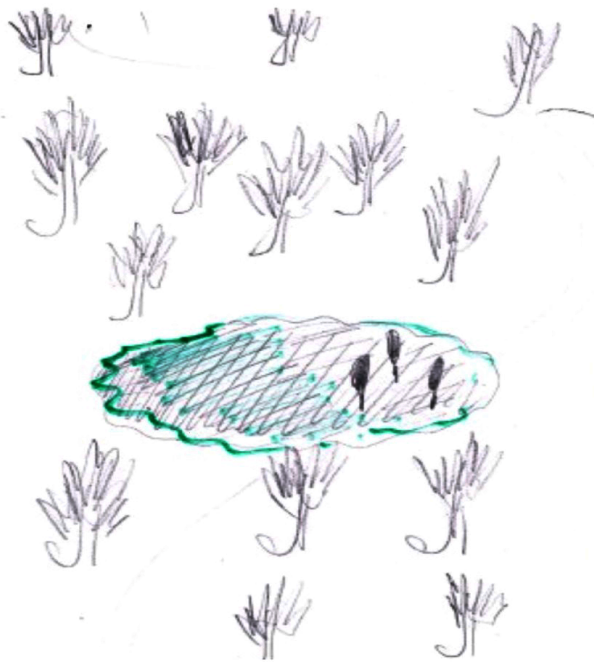

Рисунок 3. Образ Правительства РФ. Болото в лесу.

Рисунок 4. Образ Правительства РФ. Мы не сидим сложа руки.

Многие респонденты отмечают, что Правительство РФ – это орган власти, который может влиять на состояние дел в стране, однако представления граждан о необходимых действиях со стороны данного властного института различаются с представлениями самого политического института. По мнению россиян, Правительство РФ находится где-то за высоким забором, управляет издалека и не решает актуальных проблем. Например, один из респондентов представляет данный орган власти в качестве пульта с рычагами, управляющими страной (см. рис. 5).

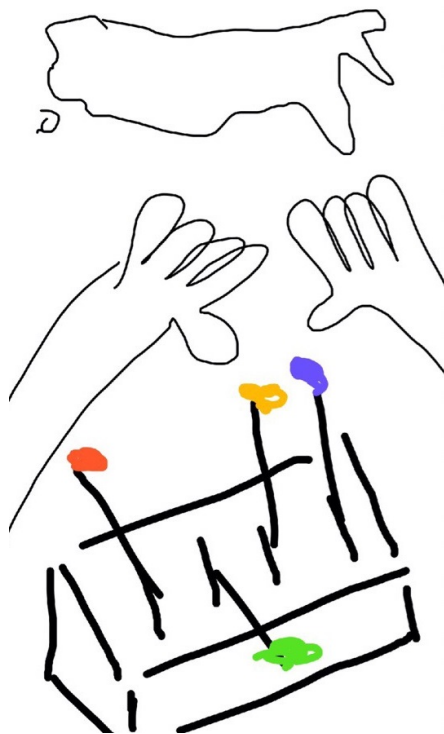

Рисунок 5. Образ Правительства РФ. Рычаги управления страной.

В процессе проведения глубинного интервью респондентам также задавался вопрос о том, что такое Правительство РФ. Данный вопрос задавался в формате неоконченного предложенного: «Правительство РФ – это...». Важно подчеркнуть, что большая часть ответов касалась формального статуса данного политического института: *«высший исполнительный орган власти», «исполнительный орган власти, который реализует (исполняет) законы», «орган исполнительной власти»* и т. д. Однако даже при подобном, казалось бы, формальном подходе граждане отмечали, что не понимают, чем занимаются члены правительства, а некоторые респонденты и вовсе давали достаточно критические оценки, отмечая, что решения принимаются властным институтом в пользу заинтересованных лиц, а не граждан: *«люди, которые много зарабатывают, но непонятно чем занимаются», «принимает законы не для людей», «группа людей, которые стараются работать для себя и своих родственников и близких, а не для населения»* и т. д.

Удивительным является противоречие, заключающееся в том, что в настоящее время в нашей стране реализуется «Концепция открытости федеральных органов государственной власти», согласно которой приоритетной задачей для государства в области коммуникационной политики является применение комплексного подхода к увеличению открытости федеральных органов исполнительной власти. Однако результаты исследования демонстрируют, что коммуникационная политика Правительства РФ ведется не настолько эффективно, так как многие граждане нашей страны отмечают недостаточность информированности о деятельности высшего исполнительного органа власти в стране, отмечая, что в качестве идеального правительства видят честный, справедливый, открытый и готовый к диалогу политический институт.

Подводя итог, следует отметить, что в результате проведенного исследования автором были выявлены основные тенденции в восприятии образа Правительства РФ российскими гражданами:

1. Высокий эмоциональный уровень восприятия Правительства РФ с преобладанием негативных оценок деятельности данного органа власти, что отчасти объясняется проведением ряда непопулярных реформ (в частности, пенсионной реформы и повышения ставки НДС).

2. Снижение уровня доверия граждан к Правительству РФ в целом и Председателю Правительства РФ в частности. При этом следует отметить, что уровень доверия граждан к Председателю Правительства РФ ниже, чем уровень доверия к Правительству РФ в целом.

3. Восприятие Правительства РФ в качестве закрытой системы, оторванной от реальных проблем.

4. Недостаточная информированность граждан о деятельности Правительства РФ. Многие респонденты отмечали, что важным для органа исполнительной власти является «открытость деятельности и понятность гражданам принимаемых властных решений».

5. Противоречивые оценки деятельности Правительства РФ со стороны российских граждан, отражающие, с одной стороны, пассивность и слабость данного политического института, а с другой – его влияние и способность воздействовать на положение дел в стране.

Обсуждение

Текущая реальность социально-политического развития нашей страны требует коренных изменений к подходу взаимоотношений в системе «власть-общество». При анализе влияния политического контекста на восприятие Правительства РФ российскими гражданами следует отметить, что во внутренних коммуникациях присутствует некоторая отчужденность. Объяснить данную тенденцию можно стремлением власти к закрытости и отсутствием прямого диалога с населением. Многие респонденты отмечали, что видят в Правительстве РФ орган власти, способный изменить ситуацию в стране в лучшую сторону, но по какой-то причине не реализующий решения в пользу народа. Иллюстрации Правительства РФ как органа власти, закрытого и отчужденного от реальных проблем, как раз и подсвечивают имеющиеся противоречия во взаимодействии с гражданами и пробелы в коммуникационной политике.

Анализ и глубинное изучение политических образов позволяют выявить как особенности самого процесса восприятия, так и ключевые тенденции, принимая во

внимание которые можно формировать новые представления и установки у граждан. Для зарождения и развития качественно нового процесса взаимодействия в системе «власть-общество» требуются доверие и позитивное восприятие друг другом власти и общества. А с помощью исследования восприятия политических институтов гражданами можно выделить их сильные и слабые стороны, что, в свою очередь, будет способствовать их эффективной деятельности в целом.

Ссылки / References

1. Жестков М. И. Политико-психологический анализ власти в современном политическом процессе Российской Федерации // Бизнес. Общество. Власть. 2011. № 7. С. 188–203.
2. ВЦИОМ. Деятельность государственных институтов: сайт [2019] // ВЦИОМ. URL: https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennyx_institutov (дата обращения: 25.02.2019).
3. Левада-Центр. Одобрение институтов власти: сайт. [2019] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/07/05/odobrenie-institutov-vlasti-14> (дата обращения: 25.02.2019).
4. Пищева Т. Н. Политические образы: проблемы исследования и интерпретации // Полис. 2011. № 2. С. 47–52.
5. Леонтьев Д. А. От образа к имиджу. Психосемантический брендинг // Реклама и жизнь. М., 2000. № 1 (13). С. 19–22.
6. Шестопап Е. Б. Образ и имидж в политическом восприятии: актуальные проблемы исследования // Образы государств, наций, лидеров / Под ред. Е. Б. Шестопап. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 8–24.
7. Путин 3.0: общество и власть в новейшей истории России / Под ред. Е. Б. Шестопап. М.: Аргатак-медиа, 2015. 420 с.
8. Власть и лидеры в восприятии российских граждан. Четверть века наблюдений (1993–2018): монография / Отв. ред. Е. Б. Шестопап. М.: Весь Мир, 2019. 656 с.
9. Палитай И. С. Методология политико-психологического исследования массового политического сознания в трансформирующихся обществах // Политическая наука. 2016. № Специальный выпуск. С. 193–203.
10. Селезнёва А. В. Образ Президента России В. В. Путина в сознании российских граждан // Русская политология – Russianpoliticalscience. 2018. № 7 (2). С. 4–11.
11. Смутькина Н. В. Факторы, влияющие на восприятие кандидатов в Президенты в российской избирательной кампании // Вестник Томского государственного университета. Философия, Социология. Политология. 2013. № 3. С. 30–36.
12. Джгамадзе К. Б., Рогозарь А. И. Влияние социально-демографических факторов на восприятие своей страны гражданами России // Вестник Московского государственного областного университета. 2017. № 2. С. 1–10.
13. Палитай И. С. Трансформация образов власти и политических лидеров Великобритании под влиянием Brexit (на материалах европейских и американских СМИ за 2014–2017 гг.) // Полис. Политические исследования. 2018. № 2. С. 150–162.

14. Джгмадзе К. Б. Теоретико-методологические особенности изучения образа страны в массовом сознании // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3. (63). Том 3. С. 40–44.
15. The measure and mismeasure of emotion / G. E. Marcus, M. MacKuen, J. Wolak, L. Keele // Feeling politics: Emotion in political information processing. NY.: Palgrave Macmillan, 2006. P. 31–45.
16. Шестопап Е. Б. Особенности использования психологических методов для изучения политического восприятия // Социальная психология и общество. 2018. Том 9. № 3. С. 81–90.
17. Особенности политического восприятия в современных российских условиях / А. Л. Зверев, И. С. Палитай, Н. В. Смутькина, А. И. Рогозарь // Полис. Политические исследования. 2016. № 3. С. 40–54.
18. ФОМ. О старых и новых министрах. Известность министров и оценка их компетентности: сайт [2018] // ФОМ. URL: <https://fom.ru/Politika/14041> (дата обращения: 25.02.2019).
19. Левада-Центр. Более половины россиян выступают за отставку правительства: сайт [2019] // Левада-Центр. URL: <https://www.levada.ru/2019/01/14/bolee-poloviny-rossiyan-vystupayut-za-otstavku-pravitelstva/> (дата обращения: 25.02.2019).

Transformation of the justification of modern political processes at the national and international level: the challenge of time

V. I. Kamyshanov¹

¹School of political studies, RANEPA, 82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-230-237

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the search for new directions of theoretical understanding and practical justification of modern political processes at the national and international level. Based on a comparison of the Russian and American approaches to assessing the development of political science, a line is drawn to study the prospects for their conjunction and adaptation to new conditions. The article considers the need to apply time-defying approaches to the development of theoretical directions of modern political science, with the definition of criteria for the depth of transformation of structural conditions, as well as factors of divergence of these conditions that affect the change in the nature and form of political power in the modern world. The relevance of this approach is confirmed by a comparative analysis of existing assessments by researchers of the development of political processes at the national level under the influence of new challenges to political stability as a key factor in global security. The prospects for developing new approaches correlate with the crisis phenomena in the development of international relations and the formation of contradictions in the dichotomy-confrontation – cooperation. This state determines the content of the considered points of view about the role and place of democracy in the development of political processes in the world, taking into account new socio - and ethno-cultural challenges and prospects for elaboration of new thinking principles of political science at the present stage.

Keywords: new thinking; political research; international relations; internal politics; divergence of the political process; liberal democracy; neo-authoritarianism

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kamyshanov Viktor I. | E-mail: vik.ifpc@mail.ru
| ORCID 0000-0001-6792-6236
| Cand. Sc. (Politics), associate Professor

For citation: Kamyshanov V. I. Transformation of the justification of modern political processes at the national and international level: the challenge of time // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 230-237. (in Russ.)

Трансформация обоснования современных политических процессов на национальном и международном уровне: вызов времени

В. И. Камышанов¹

¹Школа политических исследований ИОН, РАНХиГС, пр. Вернадского, 82, корпус 2, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-230-237
УДК 303.01

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье рассматриваются вопросы поиска новых направлений теоретического осмысления и практического обоснования современных политических процессов на национальном и международном уровне. На основе сравнения российского и американского подходов к оценке развития политической науки проводится линия на изучение перспектив их сопряжения и адаптации к новым условиям. Рассматривается необходимость применения отвечающих вызову времени подходов к разработке теоретических направлений современной политической науки, с определением критериев глубины трансформации структурных условий, а также факторов дивергентности этих условий, влияющих на изменение характера и формы политической власти в современном мире. Востребованность этого подхода подтверждается сравнительным анализом существующих оценок исследователей развития политических процессов на национальном уровне под воздействием новых вызовов политической стабильности как ключевого фактора глобальной безопасности. Перспективы выработки новых подходов соотносятся с кризисными явлениями в развитии международных отношений и формированием противоречий в дихотомии противостояние – взаимодействие. Это состояние определяет содержание рассматриваемых точек зрения о роли и месте демократии в развитии политических процессов в мире с учетом новых социо- и этнокультурных вызовов и перспективах выработки новых принципов мышления в развитии политологии на современном этапе.

Ключевые слова: новое мышление; политические исследования; международные отношения; национальный уровень; дивергентность политического процесса; либеральная демократия; нео-авторитаризм

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Камышанов Виктор
Иванович

E-mail: vik.ifpc@mail.ru
ORCID 0000-0001-6792-6236
Кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и политического управления

Для цитирования: Камышанов В. И. Трансформация обоснования современных политических процессов на национальном и международном уровне: вызов времени // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 230-237.

Современные политические процессы в мире вызывают к жизни обсуждение проблем их возникновения, взаимозависимости и перспектив развития. Поиск ответов на возникшие вызовы требует поиска адекватного теоретического осмысления и обоснования. Инициатива политологических чтений «Политическая наука в поисках нового мышления», состоявшихся 29 февраля 2020 года в РАНХиГС, отражает одно из направлений обсуждения этого вопроса.

Сложившийся к настоящему моменту кризис в отношениях между государствами и внутри государств вновь сводится к дихотомии противостояния и сотрудничества, имеющего как внешние факторы, так и внутренние причины.

В контексте этого процесса вопросы о характере и перспективах политических исследований поднимаются в статье А. Ю. Мельвиля «Выйти из “гетто”: о вкладе постсоветских исследований/Russian Studies в современную политическую науку» [1]. Автор рассматривает проблему постсоветских и новороссийских исследований через призму демократии и демократизации, исходя из классического понимания становления демократии как формы управления в минувшем веке. Вместе с тем развитие этих процессов в современных условиях не может исследоваться в отрыве от все более широко признаваемого кризиса демократии как таковой и особенно ее доминирующей на североатлантическом пространстве формы – либеральной демократии.

Современный период политических исследований столкнулся с определённым нарушением логики развития мировой политической системы. Разрыв этой ценностной цепочки привел к возникновению политической и идеологической лакуны. В целом ряде исследований, которые носят дискуссионный характер, обсуждаются новые подходы к рассмотрению всей системы международных отношений и их экстраполяции на локальный уровень. Но решение этого вопроса одновременно ставит задачу и определения системы ценностей, на которую должно опираться национальное политическое мышление. В этом контексте А. Мельвиль отмечает: «Но при этом пока нет ни новой метатеории, ни крупных теоретических и методологических прорывов, способных дать качественно новые объяснения современного политического многообразия и его противоречий. Скорее, сегодня в мировой политической науке время своего рода теоретико-методологической “интерлюдии”, некоторой “заставки” между прошлыми и будущими “большими темами”, время проверки и приращения знания. Это время преимущественно индуктивных и эмпирических подходов, сравнения новых наблюдений с существующими обобщениями, углубления полученных выводов и подготовки новых» [1, с. 24].

Дискуссия о роли и месте демократии в развитии политических процессов имеет давнюю историю и тесно связана с определёнными историческими формациями. Для политической науки в России этот процесс в основном соотносится с постсоветским периодом, на что и обращает внимание А. Мельвиль в своей работе. Он отмечает: «Демократия и демократизация по определению сразу стали центральной темой постсоветских исследований, включая общую проблематику трансформации и перестройки систем советского типа. В теоретическом плане отправная точка здесь – вопрос о генезисе демократии, в свою очередь связанный с различными пониманиями роли так называемых структурных и “агентивных” факторов, т. е. объективных предпосылок и субъективных действий, иначе говоря, дилемма structure/agency, подход, отчасти вдохновленный работами Энтони Гидденса» [1, с. 26].

Оценивая состояние политической науки и ее взаимодействие в современных условиях, ряд исследователей исходит из того, что российская политическая наука вырастает из некоего обширного зарубежного опыта политической науки, которая существовала и развивалась в собственном политическом измерении до момента

возникновения постсоветского политологического пространства. Такое разграничение по времени и пространству нарушает объективность понимания динамики развития российской политической науки и определения ее места в современной международной политологии.

Сегодня следует признать, что формирование научных взглядов на политические науки допостсоветского периода развивалось, с одной стороны, на встречно-параллельных курсах с международным сообществом: западная политология, объясняющая капиталистические принципы развития, и советская, основывающаяся на принципах коммунистической идеологии. С другой – как бы ни доказывалась несовместимость этих двух направлений – они были подвержены взаимному влиянию и следили за формированием политической научной мысли оппонента. Это было основой динамического развития политической науки, которая до момента возникновения постсоветской ситуации исходила из важности обеспечивать уровень политических исследований и решений, отвечающий требованиям стабильного и поступательного развития капиталистического общества, утверждения и распространения той самой либерально-демократической модели, что обеспечивала внешние факторы ее преимущества в соревновании двух политических мировоззрений.

Важность и эффективность конкурентности в политических исследованиях была подтверждена в процессе выработки политических решений по проблеме обеспечения международной безопасности и ядерного разоружения в условиях биполярного мира. Разработка теоретических концепций договорно-правовых решений и их апробация в дискуссиях разного уровня в вопросах безопасности в сфере политологического обеспечения политических решений имела важное значение для формирования принципов политического обеспечения общеевропейской безопасности на национальном и международном уровнях. Пример «Восточной политики» Вилли Брандта является наиболее ярким примером корреляции политической теории с политической практикой в достижении конечного результата в международных отношениях современного периода [2; 3].

А. Мельвиль акцентирует внимание на одном векторе исследований – постсоветском, отмечал, что он нестатичен и подвержен изменениям. Но столь же нестатична и подвержена изменением и вся политологическая наука. Это является следствием нарастания турбулентных процессов в мировой политике, которые генерируются прежде всего политической дивергентностью¹ под влиянием именно западного политического мышления, которое через утрату своей внутренней стабильности разрушает как собственное политическое пространство, так и иные этнические и социальные политические культуры – ближневосточную, китайскую, африканскую.

В новых условиях российская политология рассматривает и анализирует процесс развития политических исследований в центростремительном измерении, опираясь на опыт и знания внешнего мира применительно к развитию российской политической науки и ее политической системы.

Такой подход можно признать оправданным для рассмотрения процессов формирования демократии на пространстве, которое охватывает европейскую политическую систему и производные от ее социальных, этнических и конфессиональных механизмов власти, охватывающую и Северную Америку в той форме, в какой она сформировалась как наследник британских и французских колониальных завоеваний в этой части мира. И если мы анализируем демократические процессы на этом

¹Дивергенция (от средневекового лат. *divergo* «отклоняюсь») – расхождение признаков и свойств у первоначально близких групп организмов в ходе эволюции: результат обитания в разных условиях и неодинаково направленного естественного отбора.

пространстве, то следует принять во внимание, что в США и Канаде эта политическая система формировалась как обеспечивающая миграцию европейского населения на это географическое пространство, где афроамериканская составляющая стала учитываться лишь во второй половине XX века. При этом надо понимать, что Северная Америка жестко освобождалась для переселенцев от местного коренного американского индейского населения, имевшего иную политическую культуру, традиции и обычаи.

Зарубежные исследователи признают, что причина современного кризиса политического диалога кроется в ином времени и в других политических пространствах. Томас Райт из Института Брукингса, анализируя перспективы возвращения противостояния великих держав, отмечает, что в США остался неизменным подход к реализации своих внешнеполитических интересов, исходя из приоритетов внутренней политики. С учетом этого и определяются принципы продвижения «международного либерального порядка», который лежит в основе внешней политики США после Второй мировой войны. При этом Райт как бы вскользь замечает, что «американцы никогда не были особенно очарованы либеральным международным порядком» [4]. Но в этой оценке, особенно для республиканцев, и проявляются образы тeneвых, неподотчетных сил, контролирующих мир.

В этой связи возникает вопрос – а является ли внутренняя политика США либеральной? Почему в дискуссии о современном мире американские эксперты, обращаясь к проблеме авторитаризма, внедряют восприятие этого феномена как внешнего, не присущего США? Разве действия США во внешнем мире после окончания Второй мировой войны строились на основе либеральной концепции развития мира? Не вдаваясь в подробности причины разработки и осуществления плана Маршалла, достаточно посмотреть на пример отношений США даже с близкими им англосаксонскими союзниками, к которому обращается Райт [Там же].

Таким образом, если применить названные принципы к другим политическим пространствам, за пределами стран «классической демократии», то станет понятным, почему эти экспортируемые механизмы классической демократии в них функционировали при наличии либо жесткого военного, либо мягкого финансово-экономического воздействия и периодически сменялись более авторитарными формами «реализации принципов демократии». Наиболее рельефным примером таких мутаций демократических механизмов является Латинская Америка, где авторитарные режимы время от времени преобразовывались в демократические, но при возникновении угрозы потери контроля над политическими и экономическими процессами в этих странах они вновь возникали как форма «демонтажа» негодных демократических политических процессов. Достаточно обратиться к примеру «демократических переходов» в Латинской Америке в Чили (Альенде) [5], Аргентине (Перон) [6; 7], Венесуэле (Чавес) [8].

Другой формой реализации принципов политического давления в интересах США стало силовое внедрение демократии в иных этнокультурных условиях на Ближнем Востоке и в Южной Азии, прежде всего в Афганистане и Ираке.

Такой подход либерально-демократической системы к реализации своего доминирования привел к разрыву линейности развития политического процесса и глобальному кризису безопасности и стабильности.

Развитие политической науки постоянно рассматривается как производная от политических процессов, генерируемых в Соединенных Штатах. В современных условиях мы наблюдаем определенное торможение этого процесса. У американской политической мысли существует некая растерянность в определении современных трендов, формируемых под воздействием новых политических реалий в США, которые возникли с приходом к власти президента Трампа.

В этих условиях американские политологи пытаются определить, какие проблемы необходимо преодолеть для понимания сути приоритетов американской политики, где достижение успеха США будет зависеть как от внутреннего развития страны, так и от ее действий за рубежом. Спецификой современного процесса является то, что Дональд Трамп, будучи ограничен собственной администрацией и принципом разделения властей, который он эффективно использовал в своих целях в процессе импичмента, не оставил сомнений в стремлении следовать своим личным предпочтениям. Его действия являются родственными по духу нео-авторитаризму. Эта характеристика подтверждается тем, что он неоднократно писал в твиттере и говорил о своем пренебрежении свободой прессы и верховенством закона [9; 12]. В американских исследованиях отмечается, что он мало заинтересован в защите свободного мира от авторитарных достижений. «Если оставить его на произвол судьбы, он пойдет гораздо дальше выстраивания партнерства с Россией Владимира Путина и разовьет свое мировоззрение до того, что высокопоставленный чиновник Белого дома описал как «нет друзей, нет врагов»[4].

В этом соревновании поиска моделей управления президент Соединенных Штатов вошел в противоречие с системой, действующей в стране, что и объясняет тот конфликт, который возник в политических элитах с приходом несистемного президента Д. Трампа. Его неурегулированность представляет собой вызов лидерству либерализма в глобальной политической системе, который требует своего быстрого ответа. В стремлении найти подходы к нему Томас Райт отмечает: «Это идеологический вызов, который затмевает все, с чем Соединенные Штаты сталкивались во время «холодной войны». Тогда коммунизм никогда не имел реальной политической тяги. Сегодняшний нео-авторитаризм стал вирусным. Мы не должны преувеличивать его позиции в Америке – подавляющее большинство республиканцев не разделяет идеологию президента, даже если они поддерживают его политически – но этот вызов не ограничивается внешнеполитической ареной. Американцы должны понять, как сохранить свободу у себя дома, в условиях политических и технологических сдвигов, а также отеснить своих великих соперников»[Там же].

Сходную оценку высказывают другие эксперты по внешней политике, которые с момента победы на выборах анализировали, «окажет ли президент США Дональд Трамп временное или длительное влияние на глобальную политику, и в частности, будет ли он фатально подрывать либеральный международный порядок – сеть многосторонних институтов и гарантий безопасности, которую США помогли построить и поддерживали после окончания Второй мировой войны. Однако в последнее время эти дебаты сместились к вопросу о том, действительно ли либеральный международный порядок когда-либо существовал или вместо этого он был риторическим украшением витрины, используемым для смягчения грубых граней того, что составляло гегемонию США» [10].

В этой связи следует согласиться с тем, что «феномен Трампа» (или трампизм как явление) – это симптом постамериканского мира, а не его причина. Таким образом, мир входит в формирование новой структуры глобального развития в виде 2,5-полюсного мира, где векторы сил влияния можно представить как треугольник, в котором стороны представляют США и Китай, а в основании лежит Россия и трансформирующаяся, уже не единая Европа с общим индексом 0,5. Именно эта политическая конфигурация влияет на содержание трансформации современного политического мышления и поиска новых решений современных политических проблем.

Это предопределяет существование различных векторов тяготения в развитии политической науки. На постсоветском пространстве их возникло несколько – к европейскому вектору развития, к североамериканскому вектору развития. Однако эти

векторы ограничивают индивидуальные особенности развития анализа и политического мышления на этом же пространстве. Более того, возникающие в условиях глобализации и многополюсности в результате такого мышления, новые векторы не сочетаются с традиционным представлением о перспективах развития политической системы. Их появление ставит в повестку дня вопрос о том, не являются ли они признаками завершения линейного политического мышления с его фиксированным обоснованием в рамках традиционной политической системы координат и перехода к новому этапу, который допускает переход к нелинейности развития современных политических процессов.

В этих условиях необходимо эти новые тренды экстраполировать на те классические постулаты, которые А. Мельвиль выделяет как следующие [1, с. 25]:

- вопрос о **предпосылках демократии и демократизации**, в том числе в отношении к методологической дилемме, важной не только для сравнительной политологии, но и для многих социальных наук;

- общая проблема шансов **авторитарной модернизации без демократических реформ**;

- возможности и ограничители **традиционного институционального подхода** и его новых разновидностей применительно к постсоветской реальности;

- **вопрос о роли государства, государственного строительства и state capacity** применительно к условиям и исходам постсоветских трансформаций, включая фактор и проблему «плохого управления» (bad governance);

- **типы и вариации постсоветского авторитаризма**, включая гибридные режимы, их устойчивость и условия их воспроизводства;

- **субнациональные измерения постсоветской политики, региональные политические процессы и режимы.**

Одновременно необходимо понять, каким образом осуществляется обратная связь российской политической науки с внешним миром. Обращение к этой проблеме важно потому, что сегодня в рассмотрении вопроса о развитии политических процессов мы столкнулись с тем, что реальная политика и обеспечивающие ее политтехнологии обогнали теоретическую политологию и развиваются по траекториям, которые не получили ни объяснения причин их возникновения, ни научно обоснованных перспектив развития. Поэтому важность анализа А. Ю. Мельвиля в том, что он, обращаясь к состоянию политических исследований в России, ставит проблемы, которые сегодня выходят за рамки российской специфики и имеют центробежные, трансграничные векторы развития и являются естественным следствием разрушения однополюсной системы мира, кратковременно возникшей на переломе XX и XXI веков. Это коррелирует с высказанным в ходе подготовки слушаний тезисом Т. А. Алексеевой о том, что «рассмотрение наиболее важных подходов к исследованию политических и международных процессов показывает, что восприятие новых постулатов неоклассической и пост-неоклассической картины мира в сфере познания политического сталкивается с изрядными трудностями» [11].

Именно поэтому актуальным в целях преодоления этих «трудностей» становится «переосмысление применительно к современным процессам классических трактовок демократии и демократизации, влияющих на наше мышление, где во главе угла стояли структурные, т. е. «объективные» факторы и обстоятельства, из которых демократия как бы органически «вырастает»» [1, с. 26]. Среди них:

- характер социально-классовой структуры;
- уровни экономического и социального развития;
- независимая социальная стратификация;
- национальное единство и идентичность и др.

Эти факторы рассматриваются в качестве предпосылок *sine qua non*, обязательных условий вызревания демократии. Демократизация в этой логике представляет собой реализацию и воплощение этих структурных условий [1, с. 26].

Вместе с тем современный анализ требует учета и новых вызовов, влияющих на структурные элементы, определяющих процесс принятия решений в достижении вариативности демократической консолидации, которая может рассматриваться как необходимый институт преодоления кризиса либеральной демократии. Речь идет о таких проблемах современного развития, как:

- социальная стабильность;
- экологическая безопасность;
- энергетическая безопасность;
- информационно-цифровая безопасность;
- безопасность здоровья человека;
- вызовы в области межкультурных отношений;
- демографические диспропорции.

Таким образом, если изменяются базовые структурные условия в результате возникновения новых вводных, то, соответственно, подвергаются изменениям и механизмы реализации принципов демократии, что в определенной форме объясняет и причину кризиса доминирующей пока формы либеральной демократии. Из этого следует, что определение нового мышления в политической науке связано с определением критериев глубины трансформации структурных условий и характера факторов дивергентности этих условий, влияющих на перспективу изменения места и формы политической власти в современном мире.

Ссылки / References

1. Мельвил А. Ю. Выйти из “гетто”: о вкладе постсоветских исследований/Russian Studies в современную политическую науку // Полис. Политические исследования. 2020. № 1. С. 22–43.
2. Кашлев Ю. Б. Общеввропейский процесс: вчера, сегодня, завтра. М.: Международные отношения, 1990. 181 с.
3. Кремер И. С. ФРГ: этапы восточной политики. М.: Международные отношения, 1986. 224 с.
4. Wright T. The return to great-power rivalry was inevitable. *The Atlantic*. 12.09.2018. URL: <https://www.brookings.edu/opinions/the-return-to-great-power-rivalry-was-inevitable> (дата обращения: 28.02.2020).
5. Кудачкин М., Борисов А., Ткаченко В. Чилийская революция: опыт и значение. М.: Политиздат, 1977. 206 с.
6. Ермаков Д. Н. Теория и практика перонизма (Историко-политологический анализ): дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02. М., 2004. 325 с.
7. Соболев К. О военном перевороте 1976 года в Аргентине // Красная весна. 10.09.2015. URL: <https://rossaprimavera.ru/article/o-voennom-perevorote-1976-goda-v-argentine> (дата обращения: 03.08.2020).
8. Бенедиктов К. История ненависти Уго Чавеса – приговор Соединенным Штатам // Правда.Ру. 30.11.2019. URL: <https://www.prawda.ru/world/75208-chavez> (дата обращения: 03.08.2020).
9. Lynch J. Trump on Free Speech and Freedom of the Press // Electronic Frontier Foundation. 19.12.2016. URL: <https://www.eff.org/deeplinks/2016/12/trump-free-speech-and-freedom-of-the-press> (дата обращения: 03.08.2020).
10. Grunstein J. Trump Is a Symptom of the Post-American World, Not Its Cause // *World Politics Review*. 01.08.2018 URL: https://www.worldpoliticsreview.com/articles/25337/trump-is-a-symptom-of-the-post-american-world-not-its-cause?utm_source (дата обращения: 28.02.2020).
11. Алексеева Т. А. Политическая наука в поисках нового мышления // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6. № 1. С. 6–11.
12. Trump Twitter Archivesearch. URL: <http://trumptwitterarchive.com> (дата обращения: 03.08.2020).

“Political science searching for new thought”: attractive raise of theme but not indisputable

M. Y. Mizulin¹

¹School Political Science, RANEPa, 82 Vernadsky Ave., Moscow 119571, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-238-249

Research Article
Full text in Russian

This article explains the necessity of putting political thought at the center of political understanding of the world of the political phenomenon.

Author says that the formulation and the realization of scientific and educational projects and standards according the scheme «the unknown world - scientist exploring the unknown chaotic world-knowledge as the result of the scientific research of the scientist- publication of the gained knowledge/ introduction of the political discourse- transfer of the gained knowledge to the students and politicians» can work under modern circumstances only with a minimal efficiency or may not work at all.

In this particular situation the main and passing subject of the modern political education and scientific research should be political thought and it's projection into political action and reality.

This approach would supply the existing gap in the whole system of competences at which modern education and modern educational bodies should be oriented.

In the long-term perspective realization of this kind of program would require the constant methodological verification of basic principles and schemes of thought which were proposed by the representatives of the humanitarian knowledge at least for the last two centuries.

Keywords: political thought; political activity; understanding of political world

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Mizulin Mikhail Y. | E-mail: mmizulin@mail.ru
| Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

For citation: Mizulin M. Y. “Political science searching for new thought”: attractive raise of theme but not indisputable // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 238-249. (in Russ.)

«Политическая наука в поисках нового мышления»: привлекательность, но не бесспорность постановки темы

М. Ю. Мизулин¹

¹Школа политических исследований Института общественных наук РАНХиГС, проспект Вернадского, 82, Москва, 119571, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-238-249
УДК 32

Научная статья
Полный текст на русском языке

В статье обосновывается необходимость постановки политического мышления в центр политического понимания мира и интерпретации мира политических явлений и феноменов.

Автор исходит из того, что постановка и реализация научных и образовательных проектов/стандартов по схеме «1. неизвестный мир – 2. ученый, познающий неизвестный хаотический мир – 3. знание как продукт научной деятельности ученого – 4. публикация полученного знания/введение в политический дискурс – 5. трансляция полученного знания студентам и политикам» могут работать в современных условиях лишь с крайне минимальным коэффициентом полезного действия или вообще работать вхолостую.

В этой ситуации основным и сквозным предметом современного политического образования и научно-поисковой деятельности должно стать политическое мышление и его проективность в политическую деятельность и действительность.

Такой подход восполнит существующий пробел в общей системе компетенций, на которые должно быть сориентировано современное образование и современные образовательные учреждения.

В долгосрочной перспективе реализация такой программы потребует постоянной методологической верификации применительно к базовым принципам и схемам мышления, разрабатываемым представителями гуманитарного знания как минимум в последние два столетия.

Ключевые слова: политическое мышление; политическая деятельность; понимание политического мира

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мизулин Михаил Юрьевич	E-mail: mmizulin@mail.ru
	Кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры политологии и политического управления

Для цитирования: Мизулин М. Ю. «Политическая наука в поисках нового мышления»: привлекательность, но не бесспорность постановки темы // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 238-249.

© Мизулин М. Ю., 2020

Статья открытого доступа под лицензией CC BY-NC-ND (<http://creativecommons.org/licenses/by-nc-nd/4.0/>)

Статья подготовлена на основании тезисов и выступления на Субботних политологических чтениях Школы публичной политики Института общественных наук РАНХиГС, прошедших 29 февраля 2020 года в Москве.

Почему я назвал данную тематику субботних политологических чтений привлекательной, но не бесспорной?

Объясняю. Такое название чтений привлекательно своей относительной новизной.

Относительность новизны проявляется в том, что ещё в 1988 году М. С. Горбачев предложил новое мышление для нашей страны и всего мира [1], что подтверждает наличие такого предложения в новейшей политической истории СССР и России как правопреемнице СССР. При этом надо помнить, чем постановка такого вопроса завершилась – геополитической катастрофой в виде распада идеократического государства «Союз Советских Социалистических Республик».

Сказанное, в свою очередь, не означает, что наши субботние чтения могут претендовать на нечто подобное. Нет, конечно. Мы, увы, не субъекты реального политического действия и ни в коей мере не можем быть соразмерны масштабности личности М. С. Горбачева, который данную повестку поставил и привнёс в политическую жизнь страны. Мы в этом смысле «никто» по сравнению с ним, и это надо понимать, начиная обсуждать эту тему.

Однако у многих из нас, а именно у тех, кто наделен даром и способностью политического мышления, всегда есть существенное преимущество перед реальными политиками. У нас есть время мыслить и про-мысливать ту или иную политическую ситуацию, при этом неважно чью – свою или чужую.

Исходя из этого, утверждаю, что формулировка «Политическая наука в поисках нового мышления» далеко не бесспорна.

Такая формулировка с неизбежностью диктует следующие вопросы:

1. О какой политической науке идет речь, которая находится в поиске нового мышления?

2. Кто эти ученые и каковы школы научной политической мысли, которые этим занимаются?

3. Каков их метод и инструментарий?

4. Каковы результаты такого научного поиска?

Без ответов на вышеперечисленные вопросы все рассуждения становятся беспредметными.

Однако более спорным является предположение или утверждение, что вообще можно поисковым инструментарием политической науки «найти» новое мышление.

Кстати, новое мышление уже найдено и найдено не политиками и не политическими экспертами. Оно определено соавторами и со-деятелями технологической революции 4.0, в активную стадию которой вступило человечество [2].

В этой связи следует согласиться с авторами доклада Римского клуба, что всем нам необходимо пересмотреть всю источниковедческую модель, в значительной мере отказавшись от чтения и попыток научения студентов по литературе, изданной вплоть до настоящего времени.

Нельзя в современном мире учиться по книгам 1950-х годов, которые основаны на теориях 1850-го года.

Нужно читать и рассматривать в качестве собственной мыслительной базы труды Эрнста Вайцзеккера [3], Андерса Вейкмана [4, р. 220], Германа Дэйли [5,

Р. 24–29], Рэя Курцвейла [6, с. 400], Питера Диамандиса [7], экологическую энциклопедию папы Франциска [8], визионерские прозрения Грегори Бейтсона [9, с. 347], теорию аутопоэза Умберто Матураны и Франциско Варелы [10], «системное видение жизни» Фритьофа Капры и Пьера Луиджи Луизи [11, р. 500], феноменологическую «биологию чуда» Андреаса Вебера [12], гендерные труды Рианы Айслер [13], исторические воззрения Г. В. Ф. Гегеля и Кена Уилбера [14], религиозные воззрения вице-президента Международного суда Кристофера Виранантри [15] и монаха-бенедиктинца Дэвида Стайндл-Раста, перспективные подходы «Всемирного совета будущего» (World Future Council) Якоба фон Искулля [16] и «Великий переход» (Great Transition) Пола Раскина [17], альтернативные модели экономики Джереми Рифкина [18, с. 410], Кристиана Фельбера [19], Джона Фуллертон [20] и Гюнтера Паули [21] и при этом культивировать интегральное мышление, а не ограничиваться мышлением аналитическим и мышлением системным.

Все это нужно делать для понимания современного мира. Хотя, конечно, придерживаясь принципа «экономии мышления и деятельности», можно замкнуться в себе, разорвать коммуникацию с внешней для себя средой и предаться исключительно творению и решению другой задачи.

Такой задачей, существующей параллельно интеллектуальному процессу освоения современного миропонимания или без оно, является культивирование и постановка в сферу действительности конструкта (базовой политической единицы) политического мышления и основанной на нем схемы/схем политической деятельности. Подчеркну, не поиск нового мышления, а разработка проектов и программ понимания и масштабирования именно политического мышления – вот что необходимо делать и осуществлять применительно к ситуации современного мира и мерцающего или утверждающего свою сущность мира политического действия.

Дело в том, что постановка и реализация научных и образовательных проектов/стандартов по схеме «1. неизвестный мир – 2. ученый, познающий неизвестный хаотический мир – 3. знание как продукт научной деятельности ученого – 4. публикация полученного знания/введение в политический дискурс – 5. трансляция полученного знания студентам и политикам» может работать в современных условиях лишь с крайне минимальным коэффициентом полезного действия или вообще работать вхолостую.

Это тема отдельного симпозиума, которая достаточно рельефно прописана и обозначена О. В. Гаман-Голутвиной в статье «Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности» [22].

Соглашаясь с О. В. Гаман-Голутвиной в попытке проблематизации темы, отметим, что в современной эпохе неопределенности интеллектуальному сообществу необходима переориентация на «импульс жизни», а не на «древо познания добра и зла» [23], которая, в свою очередь, диктует переход (или частичный отказ от «голового сциентизма») на платформу разработки и постановки тренда политического мышления и деятельности.

В этом меня убеждает личный опыт пятилетнего срока разработки и администрирования образовательных программ для высших должностных лиц субъектов РФ в 2008–2013 годах, реализованных в РАГС/РАНХиГС на основании 14 распоряжений Президента РФ применительно к группам и потокам, включавшим 189 президентов республик в составе РФ и губернаторов.

Ни один из вышеперечисленных образовательных проектов не смог с минимальной долей вероятности даже допустить возможность участия в такой программе хоть одного (за исключением ректора РАНХиГС В. А. Мау) ученого-политолога или ученого экономиста/правоведа.

Чистое знание или публично доступное знание, которое демонстрируется внутри политологического сообщества, реальным политикам не нужно. Ими оно и не востребовано.

Практическое (реализуемое) политическое знание большинству коллег-политологов в принципе не доступно и не понятно по существу. Схему такого знания, разработанную, например, А. М. Пятигорским, практически никто не знает, не внедряет и не обсуждает [23]. Многие делают нечто, в лучшем случае понятное самому себе. При этом оно, такое знание, не только не востребовано политиками и, как следствие, объективной политической реальностью, но и не продаваемо и не реализуемо на рынке образовательных услуг.

В этой ситуации основным и сквозным предметом современного политического образования и научно-поисковой деятельности должно стать политическое мышление и его проективность в политическую деятельность и действительность.

Такой подход позволит произвести различие политического и неполитического мышления, а именно: юридического, военного, экономического, предпринимательского, финансового, социального, педагогического и культурно-исторического типов мышления.

Все сопутствующие дисциплины и практики, в полном объеме позволяющие объективировать политический плацдарм (политическое поле=политический объект), должны быть увязаны с состояниями политического мышления. Только так в конечном счете можно сформировать политическое мышление, встроенное в суверенную/несуверенную государственную политику и формирующее эффективное политическое действие.

Такой подход восполнит существующий пробел в общей системе компетенций, на которые должно быть ориентировано современное образование и современные образовательные учреждения.

В долгосрочной перспективе реализация такой программы потребует постоянной методологической верификации применительно к базовым принципам и схемам мыследеятельности, разрабатываемым мыслителями как минимум в последние два столетия, о чем убедительно говорится в тезисах Л. В. Сморгунова¹, представленных на чтениях.

Таким образом, наша общая ситуативная задача состоит не в поиске «нового мышления», а в определении и постановке в качестве центра исследовательской работы онтологической картины современного политического мышления и построенного на нем политического действия или политического действия (деятеля), творящего политическое мышление, которое может быть размещено на технологической платформе революции 4.0.

¹ Как точно заметил на чтениях Л. В. Сморгун, «Двадцатый век обострил тему соотношения интеллектуального (способность знать) и философского (способность думать) мышления в политике (Л. Штраус, А. Кожев, Х. Арендт)» // Тезисы субботних политологических чтений. Москва, 29.02.2020.

Новое мышление современной технологической революции, осуществляемой прежде всего технологическими предпринимателями, с неизбежностью требует создания адекватной этому процессу платформы политического мышления, на базе которой возможно пере-учреждение государства и его институтов, утверждение компетенции «политик», радикальный пересмотр и изменение действующего образовательного стандарта в сфере политического знания, создание профессионального стандарта «политик» и сферы его институализации или, как модно говорить, «профессиональной инфраструктуры».

Сама же работа по платформатизации политического мышления, с нашей точки зрения, возможна только при определении исходных постулатов «политического мышления», воспроизведение которых ярко иллюстрирует, например, одна из исследовательских работ [24], посвященная анализу метода политического мышления Ханны Арендт¹.

Итак, метод политического мышления Х. Арендт, проанализированный Э. Волларстом, включает следующие константы:

1. «Политическое мышление Ханны Арендт рассматривает темы в политическом поле не как «объект», а как феномен и явления. Это то, что отражается, предстает перед глазами и ощущается чувствами. Феномен заключается в том, что он «включает» тех, кто его наблюдает в пространстве, где он происходит, определяя отношения между феноменом и наблюдателями.

Политические события – это феномен в особом смысле, можно сказать, они сами по себе являются явлениями. Ибо они не появляются в пространстве сами по себе, подобно природным явлениям. А также само пространство не появляется перед наблюдателями, как это происходит с другими явлениями, например, в сфере искусства. Пространство, в котором происходят политические явления, создается самими явлениями. Или, если обозначить более точно, то оно создается лицами, деяния которых творят политические события. Следовательно, внешнее пространство является полным взаимодействием между людьми, предметами и отношениями. Наблюдатель, вступивший в данное пространство, имеющий отношение к людям, предметам и взаимоотношениям, по сути, связан с ними и принадлежит им. Вовлечение его во взаимоотношения может происходить лишь в том случае, если это отражается на политическом явлении как следствие проявления политических действий человека и последствий этих действий среди политиков, предметов и взаимоотношений. Наблюдатель должен определить политический феномен, т. е. он должен общаться с другими акторами или наблюдателями относительно пространства политических явлений, созданных политиками, предметами, и о том,

¹ При этом только на первый взгляд может показаться излишним достаточно обширное цитирование текста работы Эрнста Волларста «Ханна Арендт и метод политического мышления», опубликованной в 2018 году. При более внимательном анализе современной теоретической ситуации следует согласиться с тем, что такой подход оправдан в силу целого ряда причин. Во-первых, в отечественной мысли мы не найдем работ по теме политического мышления, написанных политологами, ссылки на которые бы позволили обосновать данное направление научной мысли. Во-вторых, ссылка на разработки Ханны Арендт объясняется признанностью и авторитетом мыслителя в мировой политической культуре. Всемирный авторитет Х. Арендт сегодня таков, что практически всё, что написано ею, интересно широкой общественности и исследователям. И, наконец, в-третьих, при подготовке к формированию таких концептов, как политическая феноменология и политическая герменевтика, на что в некоторой мере претендует данная статья, следует признать предельно значимым введение в русскоязычный курс максимально широкого ракурса текста работы, анализирующей метод политического мышления Х. Арендт.

как это пространство сохраняется, изменяется, упраздняется или разрушается. Феномен политического пространства создается, сохраняется, изменяется, отменяется и уничтожается участием (или неучастием) в данном пространстве посредством действия или коммуникации осуществляющими лицами, т.е. по их взаимному признанию, их действиями, их выступлениями и всем тем, на чем зиждется весь мир» [24, с. 163–164].

2. «Все политические события происходят в пределах феноменального пространства – мира. Возникает вопрос, каким образом эти явления попадают в свое пространство? Первый ответ на этот вопрос: из небытия. Это небытие не может быть онтологически определено теми метафизическими методами, которые пытаются осмыслить даже небытие. Политические явления возникают в своем пространстве из непрозрачной и непроницаемой тьмы, которая является человеческим сердцем. Навсегда закрытая для «научного» исследования, она еще может быть озарена пронизательностью поэтов. Ханна Арендт никогда не делилась необоснованным презрением к поэтической пронизательности со стороны тех, кто превозносит точность «научных» утверждений истины. На самом деле, ее интерпретационные труды относительно поэзии являются одними из самых красивых ее произведений. Что касается поэтически обозначенной тьмы, в которой политическая сфера имеет свое окончательное происхождение, то она лежит вне пространства политических явлений. Следовательно, эта крайняя тьма никогда – ни при каких обстоятельствах – сама по себе не является чем-то политическим» [Там же. С. 166].

3. «Политически это означает, что все человеческие события происходят в человеческих действиях. Такие действия человека – будь то действия отдельных людей, многих или всех, – выходят из темноты с целью, чтобы войти в мир. Он появляется в мире как нечто новое, как начало без логически прослеживаемого прецедента. С политической точки зрения, человек – это его собственное оружие и его собственное происхождение. Уточняя цитату из Сент-Огастина в конце книги «Истоки тоталитаризма», Ханна Арендт заявляет: «Человек обладает не только способностью творить начало, но он является самим началом. Если творение человека совпадает с сотворением начала Вселенной (а что еще это значит, кроме сотворения свободы?), тогда рождение отдельных людей, будучи новыми началами, вновь подтверждает изначальный характер человека, соответственно, что происхождение никогда не может стать полностью событием прошлого» [Там же. С. 168].

4. «Таким образом, действие – это явление в том смысле, в каком оно здесь обозначено: действие – это политическое явление. Концепт придуман Ханной Арендт для этого явления «рождаемости», и с помощью этого понятия она пытается понять феномен политического мира. Эта концепция – как и все остальные в мышлении Ханны Арендт – формируется не просто логическими операциями и методическими правилами. Она выходит из области явлений в их пространстве. То, что сама Ханна Арендт сказала о мышлении в политической сфере, относится и к ее собственным концепциям» [Там же. С. 169].

5. «Сама мысль, в той или иной мере, обладает большим потенциалом, чем техническая логическая операция, которую выполняют электронные машины, они лучше оснащены технически, нежели чем человеческий мозг. Мысль возникает вследствие происшедших инцидентов и событий жизненного опыта, которые должны оставаться его ориентирами, с помощью которых он берет свои тяготы

и заботы, чтобы не потеряться в высотах, когда происходит полет фантазии или когда необходимо спуститься в глубины своего «Я». Другими словами, кривая, отражающая деятельность мысли, должна сохранять связь с инцидентом, точно так же, как круг связан с его фокусом; и единственное преимущество, которое можно было бы ожидать от самых загадочных явлений человеческой деятельности, заключается не в определениях и не в теориях, а, скорее, в процессе постепенного открытия и, возможно, социологического исследования региона, где произошел тот или иной инцидент и был полностью освещен в мгновение ока» [Там же].

6. «Политические события необъяснимы, если под объяснением подразумевается причинно-следственная связь. Они непостижимы, если понимание подразумевает соответствие понятиям, методически обозначенным посредством теоретических конструкций. Но это не означает, что мы не можем подходить к политическим событиям с пониманием. Такая неспособность означает, что мы не можем жить в мире, в котором мы сами создаем что-то новое, неожиданное и экстраординарное. Не все человеческие события подвержены слепому шансу, ибо такой шанс является лишь лицевой стороной такой же слепой необходимости, и указанное выше отношение никоим образом не означает химеру политического «десиционизма» [Там же. С. 170].

7. «Понимание суждения не следует путать с логическими операциями теоретических методов, результатом которых является знание. Объективное знание неспособно адекватно удовлетворить эти события, потому что оно не затрагивает изначальный характер этих явлений. Для объективного знания нет ничего нового под солнцем, то есть на земле. Понимание связано прежде всего со способностью, которая называла воображение, способность представить что-то отсутствующее как присутствующее и что-то присутствующее как отсутствующее. Реализация этого потенциала является одним из существенных условий для другого потенциала, который профессиональные философы назвали мышлением. Что бы ни говорили о мышлении как о профессиональной деятельности, нет необходимости оставлять несколько профессионалам, если неспособность думать, бездумность может привести к тому, что человек больше не может представить результат и последствия своих действий. Последствия бездумности, существующей в мире, есть распространение глупости как недостатка» [Там же. С. 176].

8. «В этой ситуации глупость в кантианском смысле стала немощью каждого, и поэтому ее больше нельзя использовать как «выходное средство». «Глупость стала такой же распространенной, как и раньше, и это не означает, что она является симптомом массового общества или что «разумные» люди освобождены от нее. Единственное отличие заключается в том, что глупость остается блаженно бестолковой среди неинтеллектуальных и становится непоколебимой среди «разумных» людей. В интеллигенции можно даже сказать, что чем разумнее человек, тем больше раздражает его глупость, которую он разделяет со всеми» [Там же].

9. «Мышление как возможная деятельность людей, живущих в мире, оказывает замечательное влияние на мирские дела. В отличие от логических операций расчетных процессов («расчет последствий» Хоббса), мышление неизбежно связано с воображением. Поэтому оно способно растворить все наши фиксированные домыслы о том, что хорошо, красиво и т. д., и, возможно, для того, чтобы очистить нас

от неисследованных предрассудков, которые мы потребовали через обычай и привычку. Однако мышление в его чистой и обособленной форме может полностью уйти от мирских дел и вернуться в царство, где не происходит никаких явлений: во всех его существенных аспектах, мышление аполитично. В самом деле, это может даже поставить под угрозу политическую сферу, если она используется теми, кто готов применить абстрактные выводы их мышления к практическим вопросам мира: «Если мы не можем определить, что такое благочестие, давайте быть нечестивыми» [Там же. С. 177].

10. «Мировоззрение, сформировавшееся из чистого мышления и его отдаления от явлений мира, враждебно по отношению к миру в своей феноменальности. Отказ от явлений также приводит к обобщениям, которые уничтожают частности, придерживаясь явлений. Безысходность является позитивной силой негатива, против которой не может преобладать никакое реальное событие. Чистое мышление забывает о собственном происхождении в воображении» [Там же. С. 179].

11. «Тем не менее вид мышления, имеющий память об этом происхождении, способен созерцать явления. Сила мышления способна растворить все, что зафиксировано и установлено, а затем продолжает функционировать против неисследованных предрассудков и предвзятых понятий, возрождающих явления, которые пытаются упорядочить все новые происходящие события в традиционных рамках. Мышление, связанное с воображением, позволяет представить что-то новое и ощутить это» [Там же].

12. «Когда все бездумно отмечают все, что делают другие и во что верят все остальные, думающие начинают появляться из своего укрытия, поскольку их отказ присоединиться бросается в глаза и, таким образом, это становится своего рода их действием. Очищающий элемент в мышлении, рожденный Сократом, который выявляет последствия неисповеданных мнений и тем самым уничтожает их – ценности, доктрины, теории и даже убеждения, – имеет политическое значение. Поскольку это разрушение оказывает освободительное воздействие на другую человеческую способность – способность суждения, которую можно назвать, с некоторым оправданием, самыми политическими умственными способностями человека. Эта способность позволяет судить особенности, не подчиняя их в соответствии с теми общими правилами, которые могут быть научены и изучены, пока они не вырастут в привычки, которые могут быть заменены» [Там же. С. 180].

13. «Такое мышление направлено на мир и его явления и основывается на их реальности, тем самым обретая собственную реальность. Чистое мышление, следовательно, трансформируется в осуждение и осужденное понимание» [Там же].

14. «Основой для таких суждений является не тот опыт, получающий вследствие ясного мышления. В основе лежит мир, в котором мы сосуществуем с другими людьми, и существует опасность, когда ясная логичность занимает место данного опыта общей реальности в мире. Ибо эта логичность связана только с процессом наших ментальных функций, которые одинаково происходят для всех представителей человеческого рода. Эта идентичность ментальных функций совершенно отличается от общности и участия в общем мире. Эти идентичные ментальные функции принято называть «здравым смыслом». «Идентичная психическая функция» теперь называлась общей только потому, что она была общей для всех. Общее, что есть

у людей, – это не мир, а структура их умов, все же это нельзя назвать общим, поскольку, строго говоря, их разумный ум может быть только одинаковым у всех» [Там же].

15. «Понимание всегда относится к феноменальному общению мира. Феноменальный характер мира проистекает из того факта, что все события и проявления в мире в конечном счете опираются на человеческие деяния, основным признаком которых является их происхождение: а именно то, что что-то новое действительно происходит посредством человеческой деятельности, следовательно, оно отражается. Действие и понимание создают и сохраняют феноменальность мира. Понимание, направленное на событие в мире, освещает его как конец истории, начало которой в прошлом раскрыто посредством самого события. Очевидно, то, что существуют такие вещи, как начало в этом мире, что есть действие и существует что-то новое. Это понимание само по себе влияет на действие. Ибо только действие может изменить состояние мира, которое было изменено событиями, и перейти к чему-то другому и чему-то новому, то есть к концу старой и началу новой истории. Таким образом, понимание – это обещание, существующее для тех, кто будет действовать в мире после нас» [Там же. С. 182].

Таковы исходные положения Ханны Арендт о политическом мышлении. В тексте статьи они нужны для понимания значимости постановки политического мышления в центр политического понимания мира и интерпретации мира политических явлений и феноменов. При этом ясно, что приведенные выше рассуждения Х. Арендт не носят исчерпывающий характер. Многие из них более детально и расширенно прописаны и в других работах автора¹. Но нельзя не согласиться с тем, что они выпукло показывают необходимость переосмысления исходных оснований и принципов как в профессиональной политической работе, так и в методологии интерпретации политических явлений, постановке образовательных и исследовательских задач.

Такой подход, с нашей точки зрения, позволит понять и правильно интерпретировать современную политическую ситуацию как ситуацию постановки новых компетенций, смены содержания образовательного стандарта и внедрения профессионального стандарта «политик». Только через проблематизацию реального профессионального опыта достижений и ошибок политика можно понять то, что для его деятельности может дать и восполнить политическое знание. Путь же дедуцирования старых и новых парадигм научного знания должен быть приостановлен применительно к миру политической действительности. Именно «тайна бытия» политического мира должна быть переинтерпретирована мышлением, претендующим на статус мышления политического и правильным образом поставленным в реальную деятельность политика.

И в качестве заключения – иллюстрация или переход данной проблематики в организационный план действий наглядно демонстрирует схема, понимание и реализация которой возможна в нашей стране в ближайшее 10-летие (рис. 1).

¹Многие аспекты политического мышления раскрыты и в других работах автора: Арендт Х. *Vita Activa, или о деятельной жизни*. М.: АдМаргинем Пресс, 2017; Арендт Х. *Опыты понимания, 1930–1954. Становление, изгнание и тоталитаризм*. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018; Арендт Х. *Ответственность и суждение*. М.: Издательство Института Гайдара, 2014.

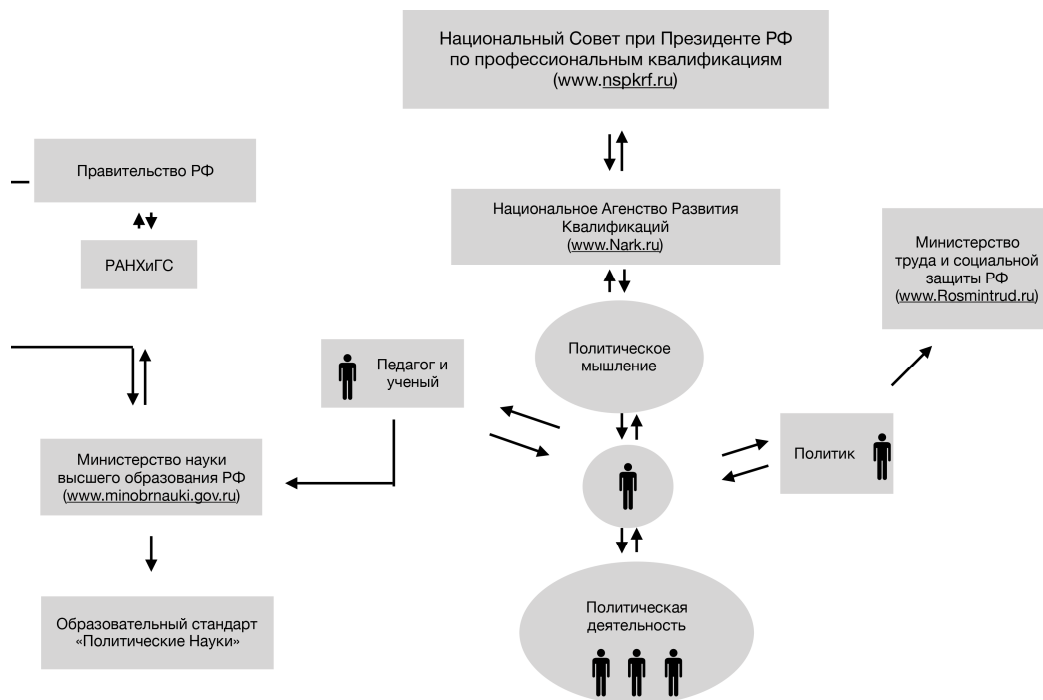

Рисунок 1. Политическая ситуация постановки новых компетенций, смены содержания образовательного стандарта и внедрения профессионального стандарта «политик»

Ссылки / References

1. Горбачев М. С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и всего мира. М.: Политиздат, 1988.
2. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России / Г. И. Идрисов, В. Н. Княгинин, А. Л. Кудрин, Е. С. Рожкова // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
3. Вайцзеккер Э. Фактор-5. Формула устойчивого роста. М.: АСТ-Пресс Книга, 2013.
4. Weiszacker E. Come On!: Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet // Springer; 1st ed. 2018 edition. 2017.
5. Daly H. The Perils of Free Trade // Scientific American. Springer Nature. 1993. November (vol. 269, № 5). P. 24–29.
6. Курцвейл Р. Эволюция разума, или Бесконечные возможности человеческого мозга, основанные на распознавании образов. М.: Эксмо, 2015.
7. Diamandis P., Kotler S. Abundance: The Future Is Better Than You Think // Free Press. February, 21. 2012.
8. Папа Римский Франциск. Энциклика Lumen Fidei. // LA SANTA SEDE. URL: http://w2.vatican.va/content/francesco/ru/encyclicals/documents/papa-francesco_20130629_encyclica-lumen-fidei.html (дата обращения: 14.08.2020)

9. Бейтсон Г. Экология разума (сборник). М.: Захаров, 2000.
10. Maturana U., Varela F. Autopoiesis: the organization of the living. 1973. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Autopoiesis%3A-the-Organization-of-the-Living-Maturana-Varela/24666f3700bb11f0b0c8d1c07249fdfa8e78af85> (дата обращения: 14.08.2020).
11. Capra F., Luigi P. The Systems View of Life: A Unifying Vision. Cambridge University Press, 2014.
12. Малахов А. «Comeon!» – юбилейный доклад Римского клуба. URL: <http://malakhov.link/come-on-report> (дата обращения: 14.08.2020).
13. Eisler R. The Real Wealth of Nations: Creating a Caring Economics. San Francisco: Berrett-Koehler, 2007.
14. Wilber K. The Religion of Tomorrow: A Vision for the Future of the Great Traditions-More Inclusive, More Comprehensive, More Complete. Shambhala, 2018.
15. Weeramantry C. The Law in Crisis: Bridges of Understanding. London: Capemoss, 1975. Reprinted by Sarvodaya, 2001.
16. World Future Council. Voice of Future generation // Keyboard. URL: <https://www.worldfuturecouncil.org/about/> (дата обращения: 14.08.2020)
17. Raskin P. Journey to Earthland: The Great Transition to Planetary Civilization. Boston: Tellus Institute, 2016.
18. Рифкин Дж. Третья промышленная революция. М. Альпина нон-фикшн, 2017.
19. Felber C. Change everything. Creating an Economy for the Common Good. November, 2019.
20. Fullerton J. B. A 'Gospel of Wealth' for the 21st Century // Alliance Magazine. June 2013.
21. Гаман-Голутвина О. В. Преодолевая методологические различия: споры о познании политики в эпоху неопределенности // Полис. Политические исследования. 2019. № 5. С. 19–42 .
22. Бердяев Н. Опыт парадоксальной этики. М., 2003.
23. Пятигорский А. М., Алексеев О. А. Размышляя о политике. М., 2008 // Гуманитарный портал. URL: <https://gtmarket.ru/laboratory/basis/3182>.
24. Ernst Vollrath, Hans Fantel. Hannah Arendt and the Method of Political Thinking. // Social Research. Vol. 44. № 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/40970278> (дата обращения: 14.08.2020).

Socio-political evolution of Central Asian clans

D. A. Rekk¹, V. G. Yegorov¹

¹Moscow regional state University, 7/10 p. 3 Bolshaya Polyanka str., Moscow 119180, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259

Research Article
Full text in Russian

The article is devoted to the clan organization of the post-Soviet countries of Central Asia. Recently, scientific interest in the stated topic has decreased somewhat, due to the lack of implementation of traditional institutions of Eastern societies and the decline in the influence of the liberal mainstream on the socio-political process in post-Soviet Asia, which, in turn, significantly reduced the thoroughness of criticism of the "non-Western path" of development. The author's perspective on the problem is focused on the identification of traditional institutions, their actualization in the modern political process and variants of their socio-political evolution. The authors offer an expanded understanding of the essence of a clan organization that distributes consolidating loyalty directions both horizontally within blood-related communities and vertically, reproducing the hierarchy of connections from the elite top to the rank-and-file members of associations. The authors consider the growth of social movement, self-awareness and public disillusionment with the attempt to reproduce the Western model of social development to be the main factors that actualize the clan organization in the socio-political process of post-Soviet Asian countries. The dynamically developing socio-political reality of the Asian newly independent States actualizes multidirectional vectors of social integration.

Keywords: Post-Soviet space; Central Asia; clans; patron-client relations; clan vertical; socio-political process; regionalization; elite competition; fragmentation

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rekk Dmitry A. | E-mail: 100100200@bk.ru
Postgraduate student

Egorov Vladimir G. | E-mail: korrka@mail.ru
Doc. Sc. (History), Doc. Sc. (Economics), Professor

For citation: Rekk D. A., Egorov V. G. Socio-political evolution of Central Asian clans // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 250-259. (in Russ.)

Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии

Д. А. Рекк¹, В. Г. Егоров¹

¹Московский областной государственный университет, ул. Б. Полянка, д. 7/10, стр. 3, Москва, 119180, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-250-259
УДК 321.01/02

Научная статья
Полный текст на русском языке

Статья посвящена клановой организации постсоветских стран Центральной Азии. В последнее время научный интерес к заявленной теме несколько уменьшился, что связано с не реализацией традиционных институтов восточных социумов и снижением влияния либерального мейнстрима на социально-политический процесс в постсоветской Азии. Это, в свою очередь, значительно уменьшило основательность критики «не западного пути» развития. Авторский ракурс исследования проблемы сосредоточен вокруг идентификации традиционных институтов, их актуализации в современном политическом процессе и вариантах их социально-политической эволюции. Авторы предлагают расширенное понимание сущности клановой организации, распространяющей консолидирующие направления лояльности как по горизонтали в пределах кровнородственных сообществ, так и по вертикали, воспроизводящей иерархию связей от элитных верхов до рядовых участников объединений. Основными факторами, актуализирующими клановую организацию в социально-политическом процессе постсоветских стран Азии, авторы считают рост общественного движения, самосознания и общественное разочарование в попытке воспроизводства западной модели общественного развития. Динамично развивающаяся социально-политическая реальность азиатских новых независимых государств актуализирует разнонаправленные векторы социальной трансформации кланов, определяемые либерально-демократической и традиционно ориентированной стратегиями общественного развития. Противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, неизбежно инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающейся на местные проблемы. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии.

Ключевые слова: постсоветское пространство; Центральная Азия; кланы; патрон-клиентские отношения; клановая вертикаль; социально-политический процесс; регионализация; конкуренция элит; фрагментация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рекк Дмитрий Александрович | E-mail: 100100200@bk.ru
Аспирант кафедры политологии и права

Егоров Владимир Георгиевич | E-mail: korrika@mail.ru
Доктор исторических наук, доктор экономических наук, профессор,
заведующий кафедрой политологии и права

Для цитирования: Рекк Д.А., Егоров В.Г. Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 250-259.

Актуальность и постановка проблемы

Политический процесс и клановая организация постсоветской Центральной Азии, являвшиеся объектом пристального внимания политологов в 1990-е и начале 2000-х гг., постепенно уходят из круга наиболее востребованной исследовательской проблематики. Такая метаморфоза связана с несколькими обстоятельствами. Во-первых, после революционных коллизий начала 90-х гг. прошлого века политический процесс новых независимых государств приобрел относительную стабильность и больше не привлекает исследователей, предпочитающих в качестве предмета своего анализа «острые» сюжеты.

Во-вторых, публичное политическое пространство постсоветской Азии, как и глобальный политический ландшафт, превратилось в элитную «территорию», не доступную описанию ученых.

В-третьих, политологи, тратившие массу интеллектуальных усилий на аргументацию либерально-демократической перспективы общественного развития новых независимых государств, вынуждены признать ее неадекватность постсоветской политической реальности. Описываемая политологами, принадлежащими к этой плеяде, клановая организация представлялась исключительно со знаком «минус» как рудимент, переживший советский период и доставшийся социально-политическому процессу бывших союзных республик в качестве контр-продуктивного наследства, подлежащего искоренению. Однако общественная практика дала основание по-новому оценить место и роль традиционных институтов в современном политическом процессе постсоветских стран Центральной Азии. Очевидно, что, обретая новые существенные качества, азиатские кланы становятся актуальным социально-политическим феноменом.

О роли неформальных институтов, в том числе кланов в Центральной Азии, казахстанский политолог Данияр Ашимбаев пишет таким образом: «Для всех среднеазиатских республик характерен симбиоз новых практик управления с традиционными системами рекрутирования элит – землячество, кумовство, родство, связи по школьной парте, контакты в рамках делового партнерства. Такова характерная особенность азиатских стран постсоветского пространства: какая бы политическая модель ни была зафиксирована в правовых актах, существует крайне устойчивая традиционная, неформальная система взаимоотношений между элитами. При этом президент в республике должен не только заботиться о своей семейно-родственной группе, но и выступать в качестве верховного арбитра для всех остальных кланов, позиционируя себя «отцом нации» [1, с. 59].

Клановая организация, инкорпорированная в политический процесс, способна активно влиять на выбор социальной перспективы развития новых независимых государств. В этой связи одной из проблем, заслуживающих детального научного анализа, становится проблема определения факторов, обуславливающих устойчивость и жизнеспособность кланов.

Сущностные качества центральноазиатских кланов

Современная клановая организация Центральной Азии значительно отличается от традиционной, уходящей корнями в глубокое прошлое.

Модернизация кланов в значительной мере изменила их облик и целеполагание. Структура современных неформальных сообществ вертикально иерархизирована. В основании клановой «пирамиды» располагаются «большие семьи», объединенные по горизонтали кровнородственными, племенными и земляческими отношениями. Обязательным атрибутом «первой ступени» иерархии, интегрирующей простых «общинников», членов патриархальных коллективов, являются местные лидеры из числа наиболее уважаемых знатных сородичей, напоминающих «патеров» прежних традиционных кровнородственных объединений. Нередко таковыми в наше время становятся религиозные авторитеты, объединяющие умму.

Первая, или нижняя, ступень клановой иерархии в наибольшей степени ангажирована традиционными ценностями: справедливости, почитания старших, нормами ислама и т. д.

Верхний уровень иерархии клановой вертикали занимают выходцы из родовых коллективов, продвинувшиеся благодаря поддержке знатных родственников в государственной службе и занимающие место связующего звена между рядовыми родственниками и клановой верхушкой.

Как правило, верх клановой пирамиды занимает малопроницаемый слой, или элитная группа, консолидированная вокруг одной сильной личности, обладающей достаточным административным (властным) ресурсом, чтобы обеспечить доступ к определенному сегменту ренты и финансовых потоков.

Стержневой структурой клановой организации является центральная власть, вынужденная, особенно на первом этапе суверенизации бывших союзных республик, стремиться к достижению баланса клановых интересов.

Таким образом, современная клановая организация стран Центральной Азии представляет собой сложно-структурированную систему, интеграция которой по вертикали и горизонтали обусловлена разными мотивами и приоритетами. Именно в силу сложности и гетерогенности клановые сообщества находятся в динамичном состоянии, определяемом изменениями в расстановке политических сил в высшем эшелоне власти, конкуренцией элитных групп с лидерами местных сообществ за влияние на «общинную массу», степенью социализации кланов.

В научной литературе встречаются попытки редуцировать клановую организацию постсоветской Азии до патрон-клиентских отношений или исключительно патриархальных сообществ, «ориентированных на родство образований» [2, с. 19]. Клань как «региональную сеть» характеризует исследователь казахстанских неформальных сообществ С. Ф. Старр, эксперт католического университета Левенса Жанна Хегай, понимая под азиатскими кланами союз «нескольких семей, связанных друг с другом на основе родства», тем не менее говорит о том, что таковые «даже если превращаются в регионально объединенные альянсы, могут существенно влиять на политические, социальные, экономические процессы в пяти странах» Центральной Азии [3, с. 94].

Наиболее продуктивной представляется точка зрения Кэтлин Коллинз, по мнению которой клановая лояльность распространяется как по горизонтали (как правило, между членами, связанными кровным родством), так и по вертикали, связывая элитные и неэлитные уровни иерархии. «Элитные члены кланов, предоставляя возможности или помощь участникам соответствующих сетей, взамен рассчитывают на их личную лояльность и уважение для того, чтобы поддержать свой статус» [4, р. 142].

Кланы и актуальный центральноазиатский политический процесс

Современный политический процесс постсоветских азиатских республик, интегрирующий клановые сообщества, характеризуется двумя основными обстоятельствами. Во-первых, очевидностью нерелевантности либерально-демократической перспективы, продиктованной желанием политической элиты этих стран воспроизвести западный опыт общественного развития. Весной 2018 года «елбасы» Н. Назарбаев при обсуждении учебников, создаваемых в соответствии с проектом «Новое гуманитарное знание. 100 новых учебников на казахском языке», заявил: «Казахстан идет к демократии по особенному пути развития». «Я с самых первых дней независимости возглавляю эту страну, оправдываю доверие народа». Сколько раз с Запада говорили: «Внедрите демократию как у нас, как в Америке, как на Западе». Мы казахи, мы не американцы, не немцы, не англичане» [5].

В связи с осознанием иллюзорности «третьей волны демократии» (по С. Хантингтону), которая должна была универсализировать политическое пространство азиатских постсоветских государств, актуализировались традиционные ценности, фундирующие кровнородственные сообщества и создающие возможность использования в политической модернизации конструктивного потенциала кланов. На такую возможность, ссылаясь на движение кенийских кланов «Харамби», указывает ведущий научный сотрудник Института истории и этнологии им. У. Валиханова (Казахстан) Б. М. Сужиков. По этому поводу он пишет: «Гуманитарии наших дней, включая зарубежных историков, пытаются каким-то образом реставрировать феномен групп, основанных на родственных связях, сделав формой социальной организации и политической жизни современности. Их схемы выстраиваются по лекалам, например, движения «Харамби» в Кении, когда кланы мобилизуют свои ресурсы для достижения определенных целей, или методом адаптации родоплеменной идентичности к современным условиям на основе «корпоративности» [6]. В политической истории Степи действительно наличествует достаточно иллюстраций стройной правовой организации консорции и взаимовыручки в казахском обществе. Как отмечала американский исследователь казахского права XIX века Виржиния Мартин, «это был «живой» организм, состоявший из норм и процедур, формировавших понятия справедливости, ответственности, морали...» [7].

В 2012 году первый президент Казахстана Н. Назарбаев заявил о необходимости построения в Казахстане общества Всеобщего труда как альтернативы западному обществу потребления [8].

Невозможность укоренения либерально-демократического порядка западного образца и необходимость консервативной модернизации центральноазиатских политических режимов обуславливались отсутствием в постсоветской реальности его основного элемента, а именно правового пространства. Уважение к закону формировалось на Западе вместе с институтом частной собственности, без которого последний функционировать не может. На эту особенность формирования западной цивилизации обращали внимание еще представители австрийской школы политэкономии [9, с. 33–34]. В отсутствие правового порядка в республиках Центральной Азии гарантом прав и свобод граждан становилась авторитарная персонафицированная власть (не противоречащая обычаям и традициям азиатских народов) и традиционные институты, в том числе и кланы, которые, особенно на начальных этапах становления независимости, в значительной мере восполняли недостаток управляемости социумов.

Казахстанский правозащитник Е. Жовтис, выступая на ежегодной конференции обществ изучения центральной Евразии (Central Eurasian Studies Society), организованной в октябре 2014 г. в Колумбийском университете в Нью-Йорке, сказал: «В современных обществах эволюция экономических и юридических основ частной собственности способствовала выработке представлений о личных правах и свободах. В постсоветских странах данный процесс не прижился» [10]. А другой западный эксперт М. Ларуэль заметил, что правовые институты Центральной Азии являются несамостоятельными и только «имитируют необходимый антураж легитимации квазисистемы» [11, с. 87].

В свою очередь, К. Коллинз иллюстрирует важность кланового механизма управления социумами данными оригинального социологического исследования. Гражданам сельской местности Киргизии и Узбекистана было предложено ответить на вопрос: «Если Вам нужна финансовая помощь, куда Вы обратитесь». Ответы на вопрос представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Если Вам нужна финансовая помощь, куда Вы обратитесь?
(в процентах от общего числа респондентов) [12, с. 178]**

Страны	Банки	Государственные агентства	Мечеть	Сельская община (колхоз)	Родственные, клановые сообщества
Киргизия	1 %	2 %	0	4 %	93 %
Узбекистан	2 %	3 %	0	3 %	92 %

Приведенные в таблице данные говорят о том, что кланы в Центральной Азии остаются действенным механизмом социальной организации. Кроме того, согласно исследованиям К. Коллинз, в разрешении конфликтов 97 % сельских жителей в Киргизии и 96 % в Узбекистане предпочитают в качестве единственного источника правового порядка поддержку со стороны собственного клана (Таблица 2).

Таблица 2

Когда вам нужно разрешить конфликт, куда Вы обратитесь за помощью?

Страны	Суды	Государственные агентства	Мечеть	Сельская община (колхоз)	Родственные, клановые сообщества
Киргизия	0	0	0	3 %	97 %
Узбекистан	0	0	2 %	2 %	96 %

В связи с необходимостью смены политической повестки клановой организации Центральной Азии очевидно наметился разлом между интересами в большей степени вестернизированной элитной верхушки и рядовыми членами традиционных сообществ.

В этой связи многие исследователи отмечают реинтеграцию клановых сообществ вокруг региональных лидеров, способных предложить консолидирующие идеи, лежащие даже вне легального пространства.

Во-вторых, политический процесс новых независимых государств Центральной Азии характеризуется новой динамикой и качественными трансформациями, связанными с ростом общественного самосознания и нарастанием политической активности граждан этих стран. Волна протестного движения буквально захлестнула Центральную Азию.

Общественные акции, инициируемые тяжелым материальным положением населения, происходят с завидной периодичностью и по любому поводу. Достаточно указать на всплеск общественных выступлений, связанных с переименованием столицы Казахстана, волнения 2019 г. в узбекском Ургенче. В Киргизии и Таджикистане народное возмущение выливается в массовые акции, спонтанно и каждый раз грозит перерасти в вооруженные конфликты [13; 14; 15].

Кланы, составляющие органическую часть политической надстройки, испытывают, как и центральная власть, необходимость в социализации.

Как показывает общественная практика, существует возможность социальной мобильности клановой организации как в направлении, определяемом форматом партикулярных интересов вестернизированных элитных групп, так и в потенциальной консолидации клановых сообществ вокруг общенациональной повестки. В актуализации второго варианта социальной перспективы критически важная роль принадлежит центральной власти, которая с целью самовоспроизводства вынуждена адаптироваться к условиям возросшей общественной активности и направить усилия на презентацию повестки, способной преодолеть клановую разобщенность социумов.

Имея в виду наличие самых различных групп влияния, стремящихся обрести социально-политический статус за счет «укоренения» в клановой организации: олигархического, экстремистского, религиозного, прозападного и т. д., перспектива кланов Центральной Азии выглядит неоднозначно.

Согласно данным проведенного казахстанским агентством «365info» опроса (август 2019 г.), почти половина респондентов (45 %) считает, что нарастание дестабилизационных процессов в стране будет продолжаться, чему способствует «высокий уровень неформальных патрон-клиентских отношений» [16].

Направления социально-политической мобильности центральноазиатских кланов

Таким образом, динамика социально-политического процесса в постсоветских азиатских республиках неизбежно порождает их подвижность, не имеющую однозначного варианта развития.

Нарастание общественного скепсиса по поводу «проекта» вестернизации новых независимых государств актуализируется разломом клановой иерархии по линии, отделяющей элитный и «общинный» уровни. Элитные группы, находящиеся на «вершине» клановой пирамиды и использующие влияние на традиционные сообщества с целью укрепления собственного статуса, гарантирующего доступ к административному и материальному ресурсу, в большей степени чем другие граждане, испытавшие влияние модернизационных процессов, пытаются «развернуть» вектор общественной мобильности кланов в теряющую популярность направление либерально-демократических трансформаций, а точнее сказать, его имитацию.

В свою очередь, неизбежная социализация традиционных институтов актуализирует их конструктивный потенциал, а именно консолидации вокруг общенациональных ценностей справедливости, сохранения культурной самобытности, традиций и обычаев.

Наличие указанного «разлома» проецируется в разновекторности политического процесса стран Центральной Азии. Например, весной 2019 г. в столице Казахстана прошли две протестные акции с совершенно отличающимися социально-политическими ориентирами: выступление женщин под лозунгом «Жилье нашим детям!», призванное обратить внимание властей на жилищную проблему, усугубляющуюся по мере роста неравенства в стране, и молодежные акции А. Тулесовой и Б. Тольжбековой «От правды не убежишь», направленные на срыв избирательной компании президента страны. По оценкам экспертов, имеется достаточно оснований полагать, что молодежные протесты инициированы элитными группами, стремящимися реализовать собственные амбиции [17].

Безусловно, молодежная среда в большей степени, чем остальное гражданское сообщество, подвержена влиянию разнонаправленных политических сил, в том числе определяющих инициацию социальной мобильности кланов. О наличии разнонаправленных предпочтений молодежи стран постсоветской Центральной Азии говорят результаты проведенного контент-анализа содержания популярных блогов (Таблица 3) [18; 19; 20; 21; 22].

Таблица 3

Контент-анализ содержания популярных блогов

Вопросы	Казахстан	Кыргызстан	Узбекистан	Таджикистан
Либерально-демократический порядок (как на Западе)	64 %	34 %	31 %	18 %
Хочу, чтобы в стране реально правил народ	30 %	46 %	37 %	34 %
Поддерживаю власть	6 %	10 %	32 %	48 %

Разнонаправленные социальные ориентиры, демонстрируемые результатами контент-анализа, в полной мере отражают возможные векторы канализации клановой эволюции. Подтверждением вариативности такой эволюции может служить опыт общественного развития, например, Турции, в полной мере реализовавшей путь вестернизации, и, например, Ирана,двигающегося в направлении имплементации традиционных ценностей.

Вместе с тем отрыв кланов постсоветской Центральной Азии от «руководящего и направляющего» влияния элитных групп несет в себе не только конструктивный потенциал. Разворот в сторону традиционного этноса неизбежно сопровождается ростом влияния местных религиозных родоплеменных лидеров, целеполагание политической деятельности которых далеко не всегда совпадает с общенациональными интересами. Мало того, существует опасность использования кланов местными авторитетами в нелегальных целях или сепаратистских устремления, ведущих к фрагментации стран.

Подтверждением сказанного может служить, например, недавняя история с выборами акима (главы района) Аксыйского района Джалл-Абадской области Киргизии, которым препятствовали представители местных «уважаемых аксакалов». Об этой ситуации 6 марта 2019 г. заявил первый вице-премьер страны Кубайтбек Боронов: «По акиму Аксыйского района очень много предложений и споров. Скажем откровенно: в том числе споры из-за племенного деления. Почему бы не говорить об этом открыто? Будем и дальше молчать? Мы должны открыто говорить о наших болячках» [23].

Заключение

Таким образом, феномен кланов сохраняет актуальность и жизнеспособность в социально-политическом процессе республик постсоветской Центральной Азии. Актуальности клановых сообществ, в том числе, способствует динамика происходящих в этих странах трансформаций, прежде всего связанных с ростом общественной активности и самосознания и проявлением нерелевантности «проектов» вестернизации новых независимых государств.

В условиях динамичных изменений социально-политической реальности постсоветских стран Азии клановая организация испытывает влияние разнонаправленных векторов эволюции, определяемых либерально-демократической и традиционно ориентированной стратегиями общественного развития.

Важнейшая роль в окончательном укоренении кланов в одном из направлений социальной динамики зависит прежде всего от способности центральной власти государств постсоветской Азии генерировать повестку национальной консолидации.

Ссылки / References

1. Сысоев Т. Матрица постсоветской элиты // Эксперт. 2019. № 45–46. С. 54–59.
2. Рогожина Г. А. Клиентализм в рекрутировании политических элит в Российской Федерации и постсоветских государствах Центральной Азии: дис. ... канд. полит. наук. М., 2010. 241 с.
3. Starr F. Clans, Authoritarian Rulers and Parliaments in Central Asia. Washington, 2006. P. 6–25.
4. Collins K. Clans, Pacts, and Politics in Central Asia // Journal of Democracy. 2002. Vol. 13. P. 137–152.
5. Назарбаев вспомнил о недемократичных страницах истории США // Журнал «Орбита Спутник»: сайт. [2019]. URL: <https://www.ru.sputnoknews.ratiya.html> (дата обращения: 16.12.2019).
6. Schatz E. Modern Clan Politics: The power of Blood in Kazakhstan and Beyond. L., 2004. 280 p.
7. Сужиков Б. М. Не надо думать, что человеческая натура кардинально изменилась, просто лекала западной демократии стали диктовать иные формы поведенческих практик // «История Казахстана»: сайт. [2020]. URL: <https://e-history.kz/ru/expert/view/10> (дата обращения: 20.05.2020).
8. Назарбаев Н. Социальная модернизация Казахстана. Двадцать шагов к обществу Всеобщего труда // Департамент юстиции Костанайской области: сайт. [2020]. URL: kstadilet.gov.kz/ru/articles-innertobshchestvo-vseobshego-truda-22 (дата обращения: 17.05.2020).

9. Мизес Л. фон. Социализм. Экономический и социальный анализ. М.: Cattallaxy, 1994. 416 с.
10. Жовтис Е. Кто попирает право частной собственности в центральной Азии? // Портал «За рубежом»: сайт. [2019]. URL: <https://www.zarubejom.ru/news/show/14357.html> (дата обращения: 01.01.2020).
11. Laruelle M. Kazakhstan: Nation-branding, Economic Trials, and Cultural Changes. Washington: The George Washington University, 2017. 217 p.
12. Collins K. The Political Role of Clans in Central Asia // Comparative Politics. 2003. January. P. 171–190.
13. Люди устали. Протесты в 2019 году: причины и последствия // Портал «Азаттык»: сайт. [2019]. URL: <https://www.rus.azattyg.org/akazakhstan-2019-year-protest-sauses-and-consequence/3031048.html> (дата обращения: 17.01.2020).
14. Волнения в Ургенче. Что произошло? // Портал «Anhor»: сайт [2020]. URL: <https://www.anhor.uz/society/volneniya-v-urgenche-cto-proizoshlo> (дата обращения: 25.01.2020).
15. По данным генерального прокурора в Таджикистане в 2019 г. было совершено 1060 преступлений экстремистской направленности, что на 306 случаев больше, чем в 2018 г. // Портал «Авеста»: сайт. [2020]. URL: <https://www/avesta.tj/2020/01/27/v-tajzhikistane-za-popytky-organizatsii-buntov-k-novym-srokam-prigovoreny-70-zaklychennyh> (дата обращения: 16.01.2020).
16. Что ждет Казахстан в ближайшие 5 лет? // Портал «365 инфо»: сайт. [2019]. URL: 365info.kz/2019/09/cto-zhdet-kazahstan-v-blizhajshie-10-let-eksperty (дата обращения: 11.12.2019).
17. Примаков Е. Нынешние протесты, интеллигенция, элиты и революция // Портал «Вести.ру»: сайт. [2020]. URL: vesti.ru/doc.html?id=3179585 (дата обращения: 17.03.2020).
18. Что могут блогеры в современном Узбекистане // Новости «Stanradar»: сайт. [2019]. URL: stanradar.com/news/full/38713-cto-mogut-blogery-v-sovremennom-uzbekistane.html (дата обращения: 11.12.2019).
19. ТОП-30 самых популярных казахстанских знаменитостей в Instagram // Pandaland.kz: сайт. [2020]. URL: pandaland.kz/articles/semya/raznoe-i-poleznoe-270/top-30-samyh-populyarnyh-kazahstanskih-znamenitostej-v-instagram (дата обращения: 15.07.2020).
20. Топ-10 популярных кыргызстанских пользователей Instagram. Кто они // «Спутник»: сайт. [2020]. URL: <https://ru.sputnik.kg/society/20181103/1041846416/kyrgyzstan-instagram-akkaauty-populyarnost.html> (дата обращения: 17.07.2020).
21. Юксалиш назвал топ-30 общественных активистов // Газета.ру: сайт. [2019]. URL: www.gazeta.uz/ru/2019/10/23/community-activists/ (дата обращения: 10.07.2020).
22. Шесть перспективных таджикских блогеров, которых интересно смотреть // Портал «Limu.tj»: сайт. [2020]. URL: https://limu.tj/main/vseti/6_perspektivnykh_tadzhikskikh_blogerov_kotorykh_interesno_smotret/ (дата обращения: 03.04.2020).
23. Кунешова Р. Выборы акима Аксы. Правительство заявило о родоплеменном делении // Радио «Азаттык»: сайт. [2019]. URL: <https://rus.azattyk.org/a/kyrgyzstan-aksy-akim-election/29808151.html> (дата обращения: 25.06.2020).

Youth and children's public associations of Yaroslavl: state, activities and prospects for the development of the public sector

M. V. Ivanov¹

¹MAI "INDSI", 8 Maximova str., Yaroslavl 150000, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-260-273

Research Article
Full text in Russian

The article presents the results of a comprehensive sociological study of the Yaroslavl youth movements, associations, as well as informal groups and their participation in the life of the city. 500 Yaroslavl citizens aged 14 to 35 were interviewed. The level of awareness of Yaroslavl youth about youth organizations, movements and movements, including operating in the city, the degree of involvement of young citizens in these organizations was assessed. Modern youth is poorly absorbing the difference between formalized public youth organizations and informal youth groups. Yaroslavl youth is rather apolitical. In the youth sector, military-patriotic and volunteer trends are developed and popular. Organizations of this orientation have a high recognition rating. If we compare formal and informal youth groups, then the Yaroslavl youth is most informed about the latter. Almost 60% of youth organizations and movements, according to their members, take part in the public life of the city. Most often, such participation is limited to involvement in citywide events, holidays and promotions (32%), as well as in the creation of performances that affect the urban environment and public life (30%). Potentially, one can try to attract from 70 to 84% of participants in youth associations of Yaroslavl to socially significant activities. The main points of application of their labor for the benefit of the city, youth sees social labor, creative, search and rescue and scientific activities.

Keywords: youth; youth associations; informal groups; participation; involvement; motivation; social life

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ivanov Mikhail V. | E-mail: ivanovmv@indsi.ru
Head of Analytical and Sociological Research

For citation: Ivanov M. V. Youth and children's public associations of Yaroslavl: state, activities and prospects for the development of the public sector // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 260-273. (in Russ.)

Молодежные и детские общественные объединения Ярославля: состояние, участие, перспективы развития общественного сектора

М. В. Иванов¹

¹МАУ «ИРСИ», ул. Максимова, 8, Ярославль, 150000, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-260-273

УДК 316.353

Научная статья

Полный текст на русском языке

В статье изложены результаты комплексного социологического исследования ярославских молодежных движений, объединений, а также неформальных групп и их участие в жизни города. Были опрошены 500 ярославцев в возрасте от 14 до 35 лет. Исследовались уровень информированности ярославской молодежи о молодежных организациях, движениях и течениях, в т. ч. действующих на территории города, оценивалась степень вовлеченности молодых горожан в данные организации. Современная молодежь плохо усваивает разницу между формализованными общественными молодежными организациями и неформальными молодежными группами. Ярославская молодежь достаточно аполитична. В молодежном секторе развиты и популярны военно-патриотическое и волонтерское направления. Организации этой направленности имеют высокий рейтинг узнаваемости. Если сравнивать формальные и неформальные молодежные группы, то ярославская молодежь наиболее информирована о вторых. Почти 60 % молодежных организаций и движений, по мнению их членов, принимают участие в общественной жизни города. Чаще всего такое участие ограничивается вовлеченностью в общегородские мероприятия, праздники и акции (32 %), а также в создание перформансов, которые влияют на городскую среду и общественную жизнь (30 %). Потенциально к общественно-значимой деятельности можно попытаться привлечь от 70 до 84 % участников молодежных объединений Ярославля. Основными точками приложения своего труда на благо города молодежь видит общественно-трудовую, творческую, поисково-спасательную и научную деятельность.

Ключевые слова: концептуализация детства; гендерная роль; гендерная социализация; гендерный контракт; феминность

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Иванов Михаил Владимирович

Email: ivanovmv@indsi.ru

Начальник отдела аналитических и социологических исследований

Для цитирования: Иванов М. В. Молодежные и детские общественные объединения Ярославля: состояние, участие, перспективы развития общественного сектора // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 260-273.

Введение

Несмотря на то, что проблема молодёжи рассматривается и изучается уже не первое десятилетие, ни в общественных науках, ни в государственно-правовой практике до сих пор нет четкого подхода к определению этого понятия. Более того, отсутствуют даже элементарные временные рамки, которые бы содержательно конкретизировали данный термин [1, с. 19].

Обычно в социологии к категории «молодежь» принято относить молодых людей в возрасте от 16 до 30 лет. Вместе с тем в зависимости от правовых, социально-экономических, политических, культурных и других факторов нижняя и верхняя границы её могут быть сдвинуты. Так, например, Всемирная программа действий в интересах молодежи Организации Объединенных Наций определяет молодежь как людей в возрасте от 15 до 24 лет¹. В Российской Федерации (а до этого в СССР) большинство ученых к молодежи причисляли лиц в возрасте от 15 до 29 лет, условно выделяя такие возрастные когорты, как: подростки – до 18 лет, собственно «молодежь» – 18–24 года и «молодые взрослые» – 25–29 лет.

Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года определяет временные рамки «молодёжи» от 14 до 30 лет. В случаях, когда речь идет об официальных документах, то есть о правовом статусе данной социальной группы, важны четкие границы молодежного возраста. Это прежде всего необходимо для того, чтобы определить тех, кому государство хочет оказать поддержку. Например, при разработке государственных программ для молодежи по льготным кредитам на приобретение жилья. В федеральном законодательстве до сих пор пока нет специальных правовых норм, кого считать «молодежью» [2, с. 16–17; 4, с. 85–86].

В ряде субъектов РФ [3] такие нормы есть, в частности, если касаться вопросов предоставления жилья для молодых семей, то многие регионы и муниципальные образования уже давно отодвинули верхнюю границу для молодёжи до 35 лет² и активно ратуют за то, чтобы поднять её и до 40 лет³.

За последние десятилетия физическое, в частности половое, созревание индивидов заметно ускорилось, что закономерно привело к снижению границы юношеского возраста. Напротив, усложнение общественно-трудовой, интеллектуальной деятельности, в которой должен участвовать человек, повлекло за собой увеличение сроков, необходимых для обучения. Новое поколение молодежи значи-

¹ Общепризнанного международного определения возрастной группы «молодежь» не существует. Однако для статистических целей Организация Объединенных Наций без ущерба для любых других определений, данных государствами-членами, определяет «молодежь» как лиц в возрасте от 15 до 24 лет. Это определение, которое появилось в контексте подготовки к Международному году молодежи (1985 год), было одобрено Генеральной Ассамблеей в ее резолюции 36/28 от 1981 года. Все статистические данные ООН по молодежи основаны на этом определении, что отражено в ежегодных статистических ежегодниках, публикуемых системой ООН по демографии, образованию, занятости и здравоохранению. См. Доклад о мировом развитии. 2007 // Развитие и новое поколение. М., 2007. С. 31.

² Например, в Ярославской, Московской, Курской, Рязанской, Нижегородской, Саратовской, Кемеровской, Свердловской, Тюменской, Омской областях, Алтайском и Ставропольском краях и т. д.

³ Глава ЯНАО Д. Артюхов дал поручение проработать вопрос о поднятии предельного возраста для молодых семей до 36 лет, а в соседнем ХМАО депутат регионального заксобрания на прямой линии с президентом В. Путиным выступил с инициативой поднять возрастные рамки до 40 лет.

тельно позже начинает трудовую жизнь, чем их ровесники в прошлом, дольше сидит за школьными партами. Большинство после школы продолжает учебу. Поэтому, руководствуясь соображениями адекватного и объективного представления проблемы, мы в проведенном исследовании считали «молодёжь» людей в возрасте от 14 до 35 лет.

Исследования по теме

В последние годы органы власти всё чаще и чаще обращают внимание на новые подходы к формированию современного молодого поколения: молодежь рассматривается как некий стратегический ресурс, как дополнительная мобильная и малозатратная общественная сила настоящего и будущего развития страны. Молодежь является носителем значительного инновационного потенциала, который может при активном его востребовании содействовать общественным преобразованиям. Молодёжь всё чаще начинает восприниматься не только как объект, но и как полноправный субъект общественно-политической, экономической и социокультурной деятельности [4, с. 213]. Однако, как справедливо отмечают М. С. Безбогова и М. В. Ионцева, «несмотря на свое желание коммуницировать и быть в социуме, они [молодёжь] склонны к индивидуализму, им важно выразить свою точку зрения и обозначить свое место в мире» [5, с. 7]. Такое стремление молодежи к общественному участию осуществляется, как правило, через деятельность в молодежных общественных организациях и объединениях.

В отношении молодежных организаций и объединений также не существует устоявшихся единых понятий, критериев и определений. Так, в научной литературе по социально-культурной деятельности одновременно рассматриваются и используются различные формы активности молодежи, такие как: «молодежная организация», «молодежное общественное движение», «молодежное общественная организация», «молодежное сообщество», «молодежное объединение», «молодежное общественное объединение».

Молодежные объединения, как подчеркивает С. Б. Бурбаева, имеют ряд конкретных характеристик:

- некоммерческая направленность деятельности;
- безусловная добровольность членства;
- развитая система традиций, символики, ритуалов, правил и норм жизни, что создаёт неповторимый облик объединения;
- возможность самостоятельно (без вмешательства извне) определять и реализовывать принципы своей жизнедеятельности, содержание и формы своей деятельности;
- гуманистический (уважительный, внимательный по отношению к человеку) стиль отношений в объединении [6, с. 226].

Часть данных характеристик применима и для выделения специфических черт современных молодежных субкультур. Так, О. В. Власова относит к таким признакам:

- требование к участникам придерживаться определённого стиля, который внешне реализуется в общении, символике, сленге, музыкальных увлечениях, моде;
- неоднородность составляющих её культурных компонентов, неустойчивость как социального явления;
- ориентированность на досуг и коммуницирование;

– социальное окружение и его характеристики (социальный состав семьи, уровень образования и возраст её членов) [7, с. 92].

Специфика современных процессов строительства и развития детских и молодёжных организаций и объединений заключается в том, что идет, с одной стороны, попытка государства и властных институтов взять этот процесс под управление и сделать его контролируемым, но в то же время, с другой стороны, и сама молодёжь, самоорганизуясь в свои объединения и группы по интересам, отнюдь не стремится влиться в те форматы, которые предлагает власть, более того, есть основания говорить об аполитичности нынешней молодёжи [8, с. 10]. По словам И. М. Ильинского и В. А. Лукова, проанализировавших возможности и перспективы государственного строительства массовой молодёжной организации всероссийского масштаба, «в этих условиях необходимо особенно бережно относиться к автономности «третьего сектора» по отношению к государству и учитывать естественные процессы развития гражданского общества, включая и молодёжное движение» [Там же. С. 19–20]. Поэтому перед властью поставлена трудная задача – найти приемлемые форматы и векторы эффективного взаимодействия молодёжи, власти и общества. Причем ситуация усугубляется ещё и тем, что в «государстве нет чёткого понимания того, для чего нужны такие [детские и молодёжные] организации, какая помощь им необходима и как грамотно взаимодействовать с ними для обоюдной пользы» [9, с. 171].

Этой же логикой пользуется и О. А. Родина, обосновывая тот факт, что «объединения, созданные для достижения утилитарных целей властных или бизнес-кругов, а не для реализации актуальных потребностей общества и молодёжи, по определению неэффективны» [10, с. 16].

При этом, как справедливо отмечает А. В. Кострикин, «молодежные объединения, как и вообще некоммерческие организации, сами стоят перед проблемой самоидентификации» [11, с. 182]. В частности, они должны сделать выбор между пониманием своей деятельности либо в качестве поставщиков услуг, либо – структур, формирующих ценностные ориентации. В связи с этим в широком понимании молодёжные объединения охватывают совокупность различных форм активности молодёжи от неформальных групп по интересам до формально организованных и юридически оформленных структур. Основная направленность их деятельности связана, с одной стороны, с реализацией «стремления молодёжи к самоактуализации, обретению социальной субъектности» [12, с. 51]. С другой стороны, молодёжные объединения призваны способствовать усилиям общества и государства «по мобилизации, управлению и контролю молодёжи в социально желаемом и социально приемлемом русле» [Там же]. В связи с этим можем согласиться с мнением Е. В. Великановой о том, что «современным молодёжным движениям не обойтись без поддержки государства, а молодёжному общественному движению – без общественной поддержки» [13, с. 150].

При этом необходимо учитывать и понимать, что на государственно-правовом уровне вне зоны воздействия, а следовательно, и господдержки остаются:

- молодёжные и детские коммерческие организации;
- молодёжные и детские религиозные организации;
- молодёжные и студенческие объединения, являющиеся профессиональными союзами;

– молодежные и детские объединения, учреждаемые либо создаваемые политическими партиями¹.

В то же время непосредственными объектами господдержки выступают только зарегистрированные в установленном законом порядке молодежные объединения граждан в возрасте до 30 лет, объединившихся на основе общности интересов при соблюдении ими следующих условий:

– объединение является юридическим лицом и действует не менее одного года с момента его государственной регистрации;

– в объединении насчитывается не менее 3000 членов².

В опросе, проводимом МАУ «ИРСИ», молодёжные общественные объединения мы понимали в более широком контексте. А именно как совокупность различных форм (вне зависимости от их правового статуса) взаимодействий и активностей молодых людей (в возрасте от 14 до 35 лет), формируемую ими на основе общих интересов и социальной практики в целях удовлетворения потребностей в самореализации, осуществлении прав и свобод на принципах добровольности и самоуправления.

Методы

По заявке Управления по молодежной политике мэрии г. Ярославля № 01-09/1193 от 21.12.2018 специалисты МАУ «ИРСИ» в августе 2019 г. провели опрос, посвященный изучению и оценке состояния и развитости детских и молодежных движений, объединений, а также неформальных групп и их участие в жизни города.

Для реализации поставленной цели были выдвинуты следующие задачи:

- – выявить уровень информированности ярославской молодёжи о молодёжных организациях, движениях и течениях, в т. ч. действующих на территории города;

- – оценить степень вовлеченности ярославцев в деятельность молодёжных организаций;

- – проанализировать основные мотивы и способы вступления в молодёжные организации;

- – охарактеризовать участие молодёжных движений и организаций в общественной жизни города;

- – определить отношение молодёжи к деструктивным молодёжным течениям.

В рамках исследования были опрошены 500 ярославцев в возрасте от 14 до 35 лет. Выборка случайная, бесповторная и статистически репрезентативная по полу, возрасту и районам проживания. Ошибка выборки не превышает 4,5 %.

Результаты

Согласно полученным нами данным, около половины опрошенных молодых ярославцев (46 %) отметили, что знают о наличии в городе молодёжных формальных и неформальных объединений, но в то же время почти каждый второй из них

¹ См. п. 2 ст. 1 Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» № 98-ФЗ от 28.06.1995.

² См. п. 1 и 2 ст. 4 Федерального закона «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» № 98-ФЗ от 28.06.1995 (в ред. Федерального закона от 22.08.2004 № 122-ФЗ).

(47 %) не смог навскидку привести ни одного названия. Таким образом, объективно только примерно каждый четвертый (24 %) респондент реально информирован о деятельности молодёжных общественных организаций в городе.

В числе наиболее популярных ответов чаще всего упоминались такие молодёжные объединения, как молодёжное трудовое движение «ЯрОтряд» (его отметили 22,5 % опрошенных), ЛГБТ-сообщество (6,5 %), «Союз студентов» (6 %), сообщества «анимешников» (6 %), «Молодой Ярославль» (5,6 %), панк-движение (4,3 %) и набирающее обороты молодёжное движение К-попперов (3,9 %).

Что интересно, в своих ответах респонденты упоминали как формализованные, юридически оформленные организации (например, движения «ЯрОтряд» и «Молодой Ярославль», организации «Союз студентов», РСМ, поисково-спасательный отряд «ЯрСпас»), так и неформальные группы и движения. Причем в отношении последних конкретные названия звучали реже, в основном их определяли с точки зрения тематики и ценностно-культурных ориентаций и молодёжных субкультур (например, ЛГБТ, «анимешники», К-попперы, «панки», «эмо», «готы», «блогеры», «ютуберы» и т. д.).

Говоря о формальных молодёжных организациях и объединениях, мы отметили, что им оказывает поддержку государство. Также есть целый ряд организаций, которым оказывается поддержка на уровне города и области. Большинство из них собраны в «Реестр общественных организаций города Ярославля». На основании данного Реестра и частоты упоминаемости в местных СМИ мы составили список из примерно двух десятков молодёжных и детских общественных объединений и попросили молодых ярославцев выбрать те, о которых они что-то слышали либо знают.

Как видно из полученных результатов, список организаций и объединений получился достаточно полный – лишь 4 % опрошенных отметили, что не знают / не слышали ничего ни об одной из перечисленных организаций. При этом пятерку лидеров составили всё те же организации, которые были названы респондентами навскидку, а именно: молодёжное трудовое движение «ЯрОтряд» (53 %), «Союз студентов» (50 %), «Молодой Ярославль» (38 %), Российский Союз молодёжи/РСМ (35 %) и поисково-спасательный отряд «Ярспас» (32 %).

Основываясь на анализе основных направлений деятельности представленных в списке молодёжных общественных объединений, мы разделили их на пять условных типов (см. таблицу 1).

Самую большую группу составили молодёжные **движения общественно-политической направленности**. Сюда мы включили *профсоюзные* молодёжные организации и объединения («Союз студентов», «Российский союз молодёжи», Городской координационный совет старшекласников), а также *политические* («Молодая гвардия Единой России») и *общественно-политические* организации («Молодёжный совет г. Ярославля», «Молодёжная палата Ярославской области»). Наибольшим рейтингом узнаваемости среди этих молодёжных объединений обладает «Союз Студентов» и его дочерние организации – 50 %, наименьшим – Городской координационный совет старшекласников – 18 %.

Вторую большую группу образуют молодёжные **движения военно-патриотической направленности**. К их числу мы отнесли Общественное движение «Юнармия»; Военно-патриотический клуб «Десантник» им. гвардии сержанта ВДВ

Л. Палачева и Ярославскую региональную военно-патриотическую молодежную общественную организацию «Гвардия». Рейтинг узнаваемости этих организаций в принципе достигает средней величины и сопоставим (порядка 23–25 %).

В третью группу вошли **волонтерские молодежные объединения**. Основные направления деятельности данных организаций – поисковая и поисково-спасательная деятельность, экологическая и военно-патриотическая направленность. Наибольшим рейтингом узнаваемости пользуется отряд «ЯрСпас» (32 %), наименьшим – поисковый отряд «Группа «Поиск»» (11 %).

Таблица 1

Типология молодежных и детских общественных организаций и движений

Направления деятельности	Молодёжные объединения
Общественно-политическое (рейтинг от 18 % до 50 %)	Союз Студентов; Российский Союз молодёжи (РСМ); Молодежный совет г. Ярославля; Молодая гвардия «Единой России»; Молодежная палата ЯО; Городской координационный совет старшеклассников
Военно-патриотическое (рейтинг от 23 % до 25 %)	Общественное движение «Юнармия»; Военно-патриотический клуб «Десантник» им. гвардии сержанта ВДВ Л. Палачева; Ярославская региональная военно-патриотическая молодежная общественная организация «Гвардия»
Волонтерское (рейтинг от 11 % до 32 %)	Поисково-спасательный отряд «Ярспас»; Поисковый отряд «Высота 76»; Волонтерское движение «Экодесант»; Поисковый отряд «Группа "Поиск"»
Профориентационное (рейтинг от 10 % до 53 %)	Молодёжное трудовое движение «ЯрОтряд»; Движение «Юные друзья полиции»; «Содружество детей Ярославии»; Ассоциация молодых профессионалов
Досугово-клубное (рейтинг от 10 % до 38 %)	«Молодой Ярославль»; Ярославский клуб интеллектуальных игр «Яркий»

Четвертую группу молодёжных объединений сформировали **профориентационные молодёжные организации**. К ним мы отнесли Молодёжное трудовое движение «ЯрОтряд»; движение «Юные друзья полиции»; «Содружество детей Ярославии» и Ассоциацию молодых профессионалов. Наибольшим рейтингом узнаваемости пользуется «ЯрОтряд» (32 %), наименьшим – поисковый отряд «Группа «Поиск»» (11 %).

И, наконец, в пятую группу молодежных объединений вошли **досугово-клубные молодёжные организации**. В их число мы включили движение «Молодой Ярославль» с рейтингом узнаваемости в 38 % и Ярославский клуб интеллектуальных игр «Яркий» (10 %).

По аналогии с перечнем условно «формальных» молодёжных объединений нами также был подготовлен список из наиболее часто упоминаемых в соцсетях и СМИ перечень неформальных молодёжных групп и движений, причем некоторые группы были укрупнены и объединены, чтобы можно было представить как можно больше молодёжных групп, движений и субкультур. Молодым респондентам был

задан всё тот же вопрос: Какие из представленных групп и движений, существующих на территории города, вам известны?

Лидерство в этом рейтинге узнаваемости поделили «анимешники» и борцы за здоровый образ жизни (т. н. ЗОЖники), набравшие по 69 %. Также в топ-5 вошли «блогеры», «стримеры», «ютуберы» – 65 %, представители ЛГБТ-сообществ – 62 % и «геймеры» – 59 %.

Если сравнивать процент узнаваемости неформальных групп и объединений из перечня «формальных», то сразу в глаза бросаются две особенности. **Во-первых**, высокий рейтинг узнаваемости неформальных объединений: из семнадцати позиций рейтинга только четыре имеют рейтинг узнаваемости ниже 30 %. Напомним, что в рейтинге «формальных» объединений из девятнадцати организаций выше 30 % рейтинг узнаваемости был лишь у пяти. И, **во-вторых**, высокая плотность результатов «неформалов», что может говорить о достаточно развитых и разнообразных интересах и познаниях молодых ярославцев о неформальных объединениях и современной молодёжной субкультуре. Однако для того, чтобы исследовать глубину и характер этих интересов, было бы правильно оценить степень охвата молодежи данными объединениями.

Для оценки степени вовлеченности молодых ярославцев в деятельность молодёжных организаций и объединений респондентам был задан вопрос: «Являетесь ли Вы (или Ваши знакомые, друзья) участником какого-либо детского или молодёжного объединения, группы?». По итогам полученных ответов оказалось, что 25 % опрошенных являются членами той или иной молодёжной группы или объединения, а ещё у 21 % таковыми являются их близкое окружение (друзья и знакомые). Ещё 5 % не вовлечены в деятельность организаций, но хотели бы стать их участниками.

То есть предварительно потенциал вовлеченности молодых ярославцев в молодёжные организации и объединения можно оценить в 46–51 %. Но поскольку данный вопрос задавался только тем представителям молодежи, которые заявили о том, что знают о существовании в городе детских и молодёжных объединений и организаций (а таких, напомним, оказалось 46 %), то в масштабах всей ярославской молодёжи **показатель вовлеченности** реально будет гораздо ниже и составит порядка 21–23 %. Иными словами, каждый пятый молодой ярославец в возрасте от 14 до 35 лет является участником какого-либо молодёжного объединения, движения или неформальной группы.

Для понимания того, каковы место и роль молодёжных общественных объединений в жизни современного Ярославля, важно понять, каковы основные мотивы создания этих объединений и вступления в них (см. диаграмму 1).

Как можно заметить, большинство мотивов имеет ярко выраженный эгоистичный, утилитарный характер и заточено сугубо на личности молодых жителей города. Единственный мотив, оперирующий понятием общественного блага, имеет средний показатель в 31 % и к числу значимых не относится. Ведущими мотивами, лежащими в основе вступления молодёжи в организации и объединения, по её мнению, являются: поиск новых знакомств (64 %), возможность самореализации (59 %) и проведение досуга (53 %). Данные проведенного исследования в этой части хорошо коррелируются с аналогичным исследованием молодёжных объединений города Самары, где в числе доминирующих мотивов участия были названы те же возможность для самореализации и фактор общения с друзьями и знакомыми [14, с. 85].

Основные мотивы создания и вступления в молодежные организации (в процентах от числа опрошенных)¹

Вместе с тем признание приоритета личного над общественным в мотивации современной молодёжи отнюдь не означает, что ей безразлично то, как живет общество и что молодёжь не хочет ему помочь – всё-таки почти каждый третий молодой человек отметил, что желает принести пользу. Поэтому при работе с молодёжью, с молодёжными организациями и объединениями необходимо понимать, что в первую очередь она ждет удовлетворения своих потребностей, а уже затем требовать с неё решения общественно-значимых проблем. Современная молодёжь – это поколение так называемых «миллениумов», они «ждут немедленного вознаграждения за любой поступок, моментальной ответной реакции» [5, с. 8] на свои действия. Поэтому правильный подход и учет потребностей молодёжи позволит органам власти и местному обществу наиболее эффективно использовать её энергию и потенциал.

Молодежные объединения очень часто упоминаются как один из видов социальных институтов, и это справедливо, так как деятельность молодежных организаций основана на непосредственном участии молодежи в формировании и реализации проектов силами самих молодых людей. При этом фактор самоорганизации, совместной деятельности, коммуникации, дружбы и симпатии также имеет не меньшее значение, чем само содержание предлагаемой деятельности. Со стороны же власти существует закономерный резон воспользоваться потенциалом молодежных объединений с целью если и не взять их под контроль, то хотя бы с максимальной пользой использовать их на благо общества и государства. Тем более что, как показывают данные исследования, и среди участников молодежных групп есть запрос на то, чтобы принести пользу обществу. Напомним, что желание принести пользу обществу в качестве мотива создания и вступления в молодежные объединения отметил 31 % опрошенных.

¹При ответе на данный вопрос допускался выбор нескольких вариантов ответа.

Какие это могут быть точки приложения активности молодёжных объединений? Мы попросили молодёжь дать ответ на вопрос: деятельность в какой сфере или сферах молодёжных движений, объединений и групп была бы наиболее полезной для общества и города (см. диаграмму 2).

Диаграмма 2

Наиболее востребованные для общества направления деятельности молодёжных организаций (в процентах)¹

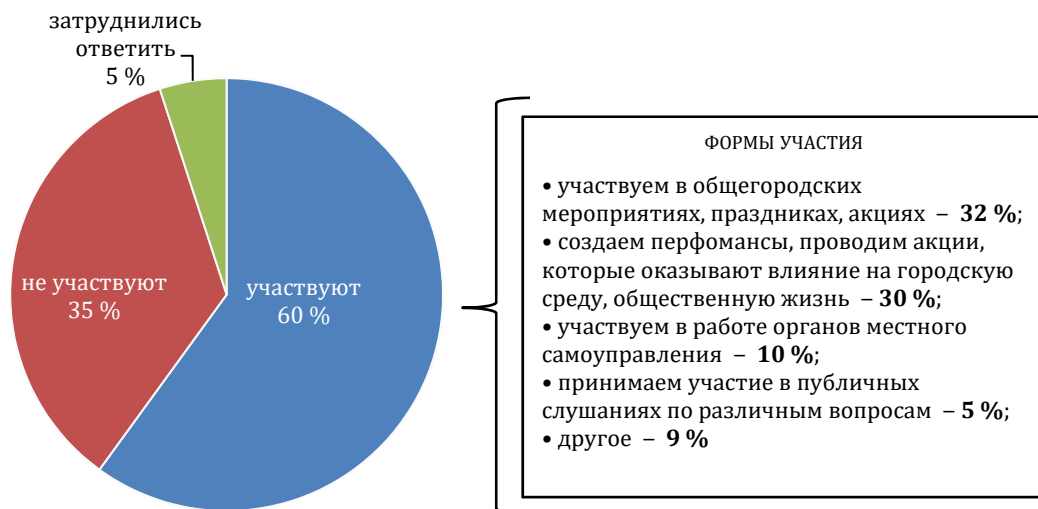
Данные опроса свидетельствуют о том, что молодые люди, считающие, что молодёжные объединения создаются для того, чтобы приносить пользу обществу, видят более активное участие молодёжных организаций в жизни города и общества, нежели их сверстники. Хотя лидирующее положение с точки зрения сфер, в которых следует реализовывать потенциал молодёжи, всё тот же. Во-первых, это общественная деятельность, во-вторых, творческая деятельность, в-третьих, поисково-спасательная деятельность и, в-четвертых, научная деятельность. Патриотическое воспитание и просвещение, а также политическая деятельность завершают список. По-видимому, ярославская молодёжь досыта «наелась» мероприятиями патриотической и политической направленности.

¹ При ответе на данный вопрос допускался выбор нескольких вариантов ответа.

Что касается участия в общественной жизни непосредственно самих членов молодёжных организаций и объединений, то такой вопрос также был задан (см. диаграмму 3).

Диаграмма 3

**Участие молодежных организаций и движений
в общественной жизни города
(в процентах от числа опрошенных)**

Данные опроса позволяют нам говорить о том, что почти 60 % опрошенных подтвердили факт участия их организаций в общественной жизни города в той или иной форме. Чаще всего такое участие ограничивается вовлеченностью в общегородские мероприятия, праздники и акции (32 %), а также в создание перформансов, которые, по мнению их участников, влияют на городскую среду и общественную жизнь (30 %).

Для тех, кто по каким-то причинам не принимает участия в общественной жизни, был также задан вопрос с целью прояснить мотивы их неучастия. Так, из тех 35 % членов молодежных общественных организаций, которые не принимали участие в жизни города и общества, порядка 10 % отметили, что, несмотря на то, что они не участвуют, им было бы интересно принять участие. Ещё 12 % отметили, что им это попросту неинтересно, а ещё 4 % посетовали, что их причина неучастия в том, что «их голос не будет услышан», 9 % не смогли обосновать причины своего неучастия.

Таким образом, потенциально участие молодежных организаций и объединений в общественной жизни города может значительно превышать 60 %. Если взять в оборот «группу не участвующих, но интересующихся», а также сомневающихся (то есть тех, кто затруднился дать ответ на вопрос), то можно говорить о том, что **к общественно-значимой деятельности можно попытаться привлечь от 70 до 84 % участников молодежных объединений Ярославля.**

Выводы

В ходе исследования уровня информированности ярославской молодёжи о деятельности городских молодёжных организаций были получены следующие интересные результаты. Так, реально *только каждый четвертый (24 %) опрошенный молодой ярославец реально информирован о деятельности молодёжных общественных организаций*. Современная молодёжь плохо усваивает разницу между формализованными общественными молодёжными организациями и собственными неформальными молодёжными группами и течениями. Ярославская молодёжь достаточно аполитична. В молодёжном секторе развиты и популярны такие направления, как военно-патриотическое и волонтерское. Организации данной направленности имеют очень высокий рейтинг узнаваемости. Если сравнивать формальные и неформальные молодёжные группы, то ярославская молодёжь наиболее информирована о вторых.

Показатель вовлеченности в деятельность молодёжных организаций, течений и групп в масштабах всей ярославской молодёжи невысок и составляет порядка 21–23 %. Иными словами, каждый пятый молодой ярославец в возрасте от 14 до 35 лет является участником какого-либо молодёжного объединения, движения или неформальной группы.

Главными **мотивами** вступления молодёжи в организации и объединения, по её мнению, являются: **поиск новых знакомств** (64 %), **возможность самореализации** (59 %) и **проведение досуга** (53 %). Дополнительной мотивацией, подстегивающей молодых людей к вступлению в молодёжные группы, по результатам нашего исследования, следует признать также **поиск смысла жизни и любви**.

По мнению опрошенных, почти **60 % молодёжных организаций и движений принимают участие в общественной жизни города**. Чаще всего это участие ограничивается вовлеченностью в общегородские мероприятия, праздники и акции (32 %), а также в создание творческих и социально-ориентированных перформансов (30 %). Потенциально к общественно-значимой деятельности можно попытаться привлечь от 70 до 84 % участников молодёжных объединений Ярославля.

Ссылки / References

1. Радченко А. Ф. Молодёжь и её возрастные границы // Социология власти. 2012. № 3. С. 19–29.
2. Луц Ю. А. Общественные объединения как ресурс социальной активности молодёжи России: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Архангельск, 2016. 26 с.
3. Возраст молодежи в России предложили повысить до 40 лет // m24.ru. URL: <https://www.m24.ru/news/obshchestvo/17062019/79957> (дата обращения: 06.05.2020).
4. Государственная молодёжная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений: науч. монография / Под общ. ред. В. А. Лукова. М: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2013. 718 с.
5. Безбогова М. С., Ионцева М. В. Социально-психологический портрет современной молодёжи // Интернет-журнал «Мир науки». 2016. Т. 4. № 6. URL: <https://mir-nauki.com/PDF/35PSMN616.pdf> (дата обращения: 06.05.2020).
6. Бурбаева С. Б. Развитие социальной активности молодежи в условиях общественного объединения // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 5. С. 226–228.

7. Власова О. В. Молодёжная субкультура как социологическая проблема // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2012. № 2. С. 90–97.
8. Ильинский И. М., Луков В. А. О перспективах развития организованного молодёжного движения в России (социально-философские, социологические, политико-правовые аспекты) // Знание. Понимание. Умение. 2016. № 1. С. 5–28.
9. Астафьева В. С. Роль детских и молодёжных организаций в формировании гражданского общества // Научный вестник МГТУ ГА. 2011. № 166. С. 170–173.
10. Родина О. А. Молодёжные общественные объединения в современной России: социологический анализ эффективности: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2006. 26 с.
11. Кострикин А. В. Молодёжные общественные объединения как институт гражданского общества // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 80. С. 181–185.
12. Чаплинская В. С. Молодёжные общественные объединения как опорный институт гражданского общества // Наука и образование сегодня. 2017. № 1. С. 50–52.
13. Великанова Е. В. Роль молодежных политических общественных объединений в Тамбовской области // Вестник ТГУ. 2011. № 1. С. 149–156.
14. Бухнер А. А. Влияние молодёжных организаций и объединений на участие молодёжи в гражданском обществе // Вестник Международного института рынка. 2016. № 1 (2). С. 83–88.

Distance (Remote) Learning: on the issue of its efficiency and accessibility

A. G. Kliucharev^{1, 2}

¹Institute of Sociology, Federal Scientific Research Center for Theoretical and Applied Sociology, RAS, 24/35, building 5 Krzhizhanovsky Str., Moscow 117218, Russian Federation

²Department of Philosophy, Sociology, Political Science after G.S. Arefyeva, Moscow Power Engineering Institute, 14 Krasnokazarmennaya St., 111250 Moscow, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-274-285

Research Article
Full text in Russian

The issue of the feasibility of a significant increase in the share of distance (remote) learning in modern higher education and a reduction in-side (auditorium) classes is discussed. The following factors were taken into account: the quality of education, its accessibility, the specifics of distance learning, economic benefits, the personification of training courses, the monitoring and evaluation of the acquisition of knowledge, the awareness of the possibilities of distance learning, the attitude of the faculty staff and university administrations towards them. It is shown that distance learning provides high-quality education, personifies the educational process, most fully implements the key-principle of LLL - "learn when, how and where you feel comfortable." Based on the internal needs of universities - the solution of personnel problems, the optimization of the educational process, the desire to improve the quality of education and its competitiveness - the possible benefits that stimulate the use of online courses in educational programs are indicated. The role of informal distance learning, which can become an effective means of educational work in higher school, is studied. It becomes an effective mean of socializing not only students, but other youth groups (for example, blogging community). Already today group self-education is actively developing, especially within the framework of informal network communities, public and religious associations. In these socio-political processes, universities can occupy an important domain that society initially assigned to them and which they more or less successfully mastered along while their entire history.

Keywords: digital technologies; distance education; online courses; non-formal education; personification of training courses; the benefits of distance learning; teacher functions

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Kliucharev Grigori A. | E-mail: kliucharev@mail.ru
| Doctor of Philosophy, Head of the Center for Sociology of Education and
| Science, Professor

For citation: Kliucharev G. A. Distance (Remote) Learning: on the issue of its efficiency and accessibility // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 3. P. 274-285. (in Russ.)

Дистанционное (удаленное) обучение: к вопросу об эффективности и доступности

Г. А. Ключарев^{1, 2}

¹Центр социологии образования и науки Института социологии ФНИСЦ РАН, ул. Кржижановского, 24/35, к. 5, Москва, 117218, Российская Федерация

²Кафедра философии, социологии, политологии им. Г. С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет – Московский энергетический институт, ул. Красноказарменная, 14, Москва, 111250, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-274-285
УДК 316.1

Научная статья
Полный текст на русском языке

Обсуждается вопрос о целесообразности значительного увеличения доли дистанционного (удаленного) обучения в современной высшей школе и сокращения аудиторных занятий. Во внимание приняты следующие факторы: качество образования, его доступность, специфика дистанционного образования, экономические выгоды, персонализация учебных курсов, контроль и оценка усвоения знаний, информированность о возможностях дистанционного обучения, отношение к нему профессорско-преподавательского состава и администраций вузов. Показано, что дистанционное обучение обеспечивает качественное образование, персонализирует учебный процесс, наиболее полно реализует принцип непрерывного образования – «учись когда, как и где тебе удобно». Исходя из внутренних потребностей университетов – решение кадровых проблем, оптимизация учебного процесса, желание улучшить качество образования и его конкурентоспособность – указаны возможные выгоды, которые стимулируют использование онлайн-курсов в образовательных программах. Изучена роль неформального дистанционного обучения, которое может стать эффективным средством воспитательной работы в высшей школе. Оно становится эффективным средством социализации не только студенческой, но других групп молодежи (например, блогерские коммуникации и сообщества). Уже сегодня активно развивается групповое самообучение, особенно в рамках неформальных сетевых сообществ, общественных и религиозных объединений. В этих социально-политических процессах университеты могут занять важную нишу, которую им изначально отводило общество и которую они более или менее успешно осваивали всю свою историю.

Ключевые слова: цифровые технологии; дистанционное образование; онлайн-курсы; неформальное образование; персонализация учебных курсов; выгоды дистанционного обучения; функции преподавателя

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ключарев Григорий Артурович

E-mail: kliucharev@mail.ru

Доктор философских наук, руководитель Центра социологии образования и науки, профессор МЭИ

Для цитирования: Ключарев Г. А. Дистанционное (удаленное) обучение: к вопросу об эффективности и доступности // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 274-285.

Актуальность

Очевидно, что современные российские университеты по своей структуре и функционалу недалеки от гумбольдтианской модели классического университета с его сложной иерархией профессоров, преподавателей, администраций, акцентом на лекционные и семинарские занятия, строгим контролем учебного процесса в виде зачетов и экзаменов. Однако, острая конкурентная борьба между высшими учебными заведениями за *контингент* (новых абитуриентов и студентов) и бюджетные трансферты заставляет искать новые формы учебного процесса, результативность которых проявляется прежде всего в хорошем трудоустройстве выпускников и качественном оказании образовательной услуги. Современные цифровые технологии радикально преобразуют нынешний университетский ландшафт. Используя метафору известного французского философа и социолога знания Ж. Лиотара, можно сказать, что благодаря развитию цифровых информационных технологий «Эра профессора» заканчивается и наступает эра дистанционного обучения.

Дистанционное (удаленное) обучение¹ – новый этап развития образования

Дистанционное обучение характеризуется несколькими важными признаками. Первый – это существенное сокращение количества аудиторных занятий и, как следствие, уменьшение времени непосредственного взаимодействия преподавателя и студентов. Второй – на авансцену выходит цифровое устройство, обеспечивающее доступ и работу в сети Интернет или в локальных сетях. Третий признак особенно важен – студенты получают возможность самостоятельно (в определенных пределах, конечно) определять содержание изучаемого материала [1]. В этом смысле дистанционное обучение можно отнести к форме *самообразования* [2], и именно этим определяется довольно «прохладное» отношение к нему многих работников высшей школы. Конечно, вопрос стоит гораздо шире: *что* является источником знаний и *кто* определяет формы процесса познания и учения. Самообразование у нас никогда особенно не приветствовалось. Более столетия назад в своей записке государю о воскресных народных школах (основателем которых считается знаменитый хирург Н. Пирогов) князь В. Долгоруков указывал: «Правительство не может допустить, чтобы половина народонаселения была обязана своим образованием не государству, а себе или частной благотворительности какого-либо отдельного сословия» [3]. Понятно, что такая позиция сохранилась в значительной степени и до настоящего времени. Затронула она, конечно, и высшую школу.

Сегодняшнее во многом «настороженное» отношение к дистанционному обучению обусловила еще советская педагогика, рассматривавшая самообразование как дополнительную форму учебного процесса, которая может ограниченно применяться для «сшивки» разрозненных учебных материалов в рамках различных курсов

¹ Под *дистанционным (удаленным) профессиональным образованием (ДО)* мы понимаем учебный процесс, который обеспечивает формальное и неформальное информационное взаимодействие (в том числе, с помощью искусственного / машинного интеллекта и самосовершенствующихся учебных программ) и при этом исключает прямую (очную) коммуникацию всех участников процесса вне зависимости от их статуса и места в университетской иерархии.

или же для избирательного углубления знаний в зависимости от потребностей участников учебного процесса [4].

Тем не менее появление и широкое распространение цифровых технологий изменило правила игры. Социально-экономические выгоды использования дистанционного обучения потребовали серьезного пересмотра организации учебного процесса в высшей школе [5]. По сути, речь идет о возникновении нового этапа развития образования. Соответственно, постепенно формируется такой тип учащегося, который сознательно управляет своей учебной деятельностью и вправе требовать оказания образовательной (особенно платной) услуги, которая видится ему наиболее привлекательной, качественной и полезной.

Отношение к дистанционному обучению

Приведем некоторые данные об отношении граждан к дистанционному обучению, как к профессиональному, так и к досуговому¹. Отвечая на вопрос о своих предпочтениях в сфере культуры и саморазвития, 53 % респондентов отметили, что им нравится обучаться с помощью компьютера. При этом группы тех респондентов, кто воспринимает цифровые технологии как источник своего культурного развития, и тех, кто считает самообразование прагматической ценностью, способом карьерного роста, в значительной мере пересекаются: среди «прагматиков» подавляющее большинство опрошенных (89 %) являются одновременно и «романтиками», для которых компьютер – источник саморазвития. По отношению к «романтикам» и «прагматикам» не выступают антиподом и «традиционалисты» – сторонники третьей модели – получение *формального* дистанционного образования. В группах респондентов с более высоким уровнем формального образования, как правило, больше доли сторонников первых двух форм неформального дистанционного образования. Таким образом, на практике, во всяком случае применительно к сегодняшней ситуации, три формы дистанционного образования оказываются взаимодополняющими. При этом *около половины респондентов (48,5 %) уже сегодня с помощью дистанционных цифровых технологий самостоятельно следят за литературой по специальности, регулярно посещают профильные сетевые ресурсы, участвуют в вебинарах, осваивают новые профессиональные навыки и учатся на онлайн-программах.*

Респонденты отличаются друг от друга не столько своей приверженностью к той или иной форме образования, сколько большей или меньшей склонностью к получению образования вообще. Исходя из этой логики, можем выделить три сильно различающиеся по объему группы: 7 % – респонденты с сильной мотивацией к образованию с помощью цифровых технологий (с высшим и незаконченным высшим образованием, воспринимающие образование как общекультурную и инструментальную ценность); 57 % – опрошенные со средней склонностью к образованию (посередине между предыдущей и последующей группами); 36 % – респонденты с низкой мотивацией. Это люди с неполным средним, средним и средним специальным образованием, относящиеся к образованию равнодушно или отрицательно и не

¹ За эмпирическую основу приняты данные второй волны (2017 г.) исследования ИС РАН по проекту РНФ № 14-28-00218 «Динамика социальной трансформации современной России в социально-экономическом, политическом, социокультурном и этнорелигиозном контекстах»; общероссийская репрезентативная выборка – 4000 респондентов, руководитель проекта – акад. М. К. Горшков

ставящие своей задачей повысить профессиональный уровень. Мотивация к дистанционному образованию в целом выше у женщин (чем у мужчин), у молодежи (по сравнению со средним и тем более старшим поколениями), у жителей мегаполисов (на фоне жителей областных центров и особенно районных центров и сел), у тех, кто никогда не состоял в браке (по сравнению с женатыми и разведенными, а также в особенности вдовыми). В группе респондентов с высокой склонностью к «цифровой» учебе процент работающих выше, чем в двух других группах: не работает в первой группе каждый пятый, во второй и третьей – каждый третий. Люди с высокой склонностью к образованию имеют больше шансов стать предпринимателями или руководителями разного уровня на предприятии или в учреждении, по сравнению с респондентами со средней мотивацией, при том что у опрошенных с низкой мотивацией к учебе эти шансы близки к нулю. Практически равны нулю для третьей группы опрошенных и возможности работать специалистом на должности, предполагающей высшее образование, во второй группе такой работой заняты 23 %, тогда как в первой группе свыше половины – 58 %. Отметим также, что респонденты, высоко мотивированные на учебу, практически не пополняют ряды рабочих. Высокая склонность к компьютерному образованию не только открывает возможности заниматься ответственной и интересной работой, но и позволяет при меньшем количестве рабочих часов получать более высокие доходы, как личные, так и на каждого члена семьи.

Положение на социальной лестнице семей респондентов также зависит от их склонности к образованию. Группа с низкой мотивацией за последние годы больше других пострадала (по собственным оценкам) от финансового кризиса, санкций, но надеется в ближайшее время вернуть утраченные позиции. Группы со средней и тем более высокой мотивацией к самообразованию не только потеряли меньше в сложных условиях, но и рассчитывают через пять лет занять более статусное место в обществе, чем было прежде.

Согласно этим прогнозам респондентов в отношении собственного будущего, в России ожидается углубление социального неравенства, и место человека на общественной лестнице во многом будет определяться его склонностью к *непрерывному образованию* и в первую очередь в дистанционной форме. Подтверждают этот прогноз и оценки россиянами собственного материального положения в динамике (плюс-минус год). Хотя за прошедший накануне опроса год материальный статус в каждой группе *«скорее понизился, чем повысился»*, первая (высокомотивированная) группа пострадала не столь существенно (ухудшения отмечают 35 %, улучшения – 18 %). Для сравнения: эти же показатели для третьей группы (низкомотивированные респонденты) составляют 61 % (изменение своего материального положения к худшему) и только 6 % видят позитивные сдвиги. Оценки собственных материальных перспектив на ближайший год в трех исследуемых группах, очевидно, связаны с вероятностью оказаться безработным. Так, полагают, что маловероятно или даже исключено потерять работу, свыше половины опрошенных в первой группе (56 %), во второй группе – треть (35 %), в третьей группе – один из пяти (18 %).

Группы респондентов с разной склонностью к цифровому образованию различаются не только по их отношению к труду, материальному и социальному статусу, но и по структуре свободного времени. Исследование выявило, что чем выше мотивация респондентов к учебе, тем разнообразнее их досуг. И это разнообразие оказывается доступным не только благодаря более высоким доходам в первой группе, но и за счет рационального использования свободного времени. Группа с высокой

мотивацией гораздо реже «*просто отдыхает*», расслабляется, в этой группе «ничего неделанием» в свободное время обычно занимаются только 21 % при 52 и 58 % в группах со средней и низкой мотивацией.

Дистанционное обучение и качество образования

Качество образования – предельно широкое понятие, содержание которого значительно варьируется от контекста [6]. Если оставить в стороне общее образование, которое в основном воспроизводит существующую социальную структуру, то содержание профессионального образования определяется ситуацией на рынке труда, а также спросом на те или иные профессии как со стороны работодателей, так и со стороны самих учащихся (студентов и их родителей). Качественное профессиональное образование стоит связать с *успешностью* вхождения выпускника на рынок труда, фактом трудоустройства по полученной специальности и в конечном счете размером вознаграждения за свой труд [7]. Такой прагматический подход вполне соответствует теории человеческого капитала, когда результаты обучения в итоге конвертируются в материальные и иные активы конкретного человека.

Понятно, что качество учебных программ и образовательных институций (а в иной терминологии – *качество и ассортимент образовательных услуг*) существенно варьируется и зависит от очень многих факторов, которые в своей совокупности обеспечивают *доступность* и, соответственно, *неравенство в доступности* образования [8]. На онтологическую природу образовательного неравенства указывают многие исследователи [9; 10]. Это означает, что благодаря существующему неравенству (экономическому, демографическому, интеллектуальному и др.) качественным должно быть любое образование, которое доступно конкретному человеку в конкретной ситуации. Но под качеством будет всякий раз пониматься успешность адаптации к конкретной микросреде.

Сказанное имеет прямое отношение к способам коммуникации участников учебного процесса. В модели классического университета, да и любого учреждения высшей школы, как уже кратко отмечалось выше, с необходимостью доминирует аудиторно-лекционная система организации занятий, которая требует личного и одновременного присутствия в определенном месте ограниченного числа людей. Лекционные и поточные аудитории организованы, как правило, в виде амфитеатра, в центре которого располагается специально оборудованное место для лектора или профессора. Лекция обычно проходит в форме монолога выступающего на протяжении полутора часов. Скорость изложения материала определяется интуитивно читающим лекцию. Обратная связь со слушателями отсутствует. Частично эти недостатки потом исправляются во время практических и семинарских занятий. Учебный процесс предельно формализован: контрольные недели, промежуточные аттестации, зачеты и экзамены – которые создают видимость более или менее успешного усвоения материала. Неформальная составляющая, которая связана с коммуникацией вне учебного процесса, обращению к иным источникам информации помимо рекомендованных кафедрой или преподавателем, не засчитывается при выставлении итоговых оценок.

Эти «особенности» (некоторые называют их недостатками) классического учебного процесса в высшей школе успешно преодолеваются дистанционным обучением, в рамках которого рождаются новые образовательные технологии. Возьмем, к примеру, блогосферу, в которой распространяются знания, составляющие предмет

обучения. Очевидно, что студенты, вне зависимости от того, в какой стране мира они находятся, гораздо охотнее примут участие в видеоблоге нобелевского лауреата по экономической географии Пола Кругмана (Paul Krugman)¹, чем станут слушать монотонную лекцию, содержание которой не меняется годами. В этой связи приведем отрывок из интервью, которое нам дал аспирант одного из провинциальных вузов: *«На первом курсе мы слушали лекции по общей физике, лектор пользовался своими конспектами, явно подготовленными несколько лет назад. На третьем курсе электродинамику читал тот же самый лектор. При этом он пользовался отдельными листочками-страницами из учебника, написанного им лет 15 назад. На пятом курсе теоретическую физику читал тот же преподаватель, а пожелтевшие листочки из учебника были наклеены на листы формата А4»*².

Радикальная персонификация учебного процесса («*учись когда, где и как тебе удобно*») – это, по сути, основной принцип концепции *непрерывного образования* [11; 12] – очень важный элемент современного онлайн-образования. Реализуется она в рамках Эмпорийской модели. Десятки университетов по всему миру (включая частные мегапроекты типа академии Салмана Хана³) открыли на территории своих студенческих городков большие компьютерные классы (на 200–500 и более человек), которые работают круглосуточно. Здесь можно войти во внутреннюю сеть университета, которая обеспечивает онлайн-доступ к видео- и аудиоматериалам, необходимым для выполнения учебной программы. Часто под такие помещения используются бывшие супермаркеты, число которых устойчиво сокращается по мере развития интернет-торговли [13]. Отсюда и происходит название модели.

Персонификация учебного процесса выражается и в адекватности выставляемой оценки – степени усвоенных знаний и приобретенных компетенций. Слабые места очной формы контроля в виде зачетов и экзаменов хорошо известны: это субъективность подхода, различные требования экзаменаторов (разрешено ли пользоваться конспектами или, не дай бог, смартфоном), общая стрессовая обстановка и т. д. Напротив, современные курсы и используемые софт-приложения позволяют зафиксировать, какие материалы требуют более одного просмотра, как и где ставится пауза, возврат к уже пройденному. При этом гарантируется 100 %-ная идентификация личности учащегося как при прохождении промежуточной аттестации, так и при сдаче финального экзамена по курсу [14].

Все эти элементы дистанционного обучения, в котором активное участие принимает специальный софт, называют *машинным обучением*. Благодаря этому накапливается *большая база данных* по реальной картине учебного процесса. Она позволяет не только существенно повысить эффективность обучения, но и отслеживать

¹Paul Krugmann. Он-лайн класс по экономической географии. URL: <https://www.masterclass.com/classes/paul-krugman-teaches-economics-and-society> (дата обращения 15.05.2020).

²Исследование «Непрерывное образование и наукоемкие технологии: институты и практики взаимодействия» № 16-18-10420 при поддержке РНФ (2016–2018 гг.), интервью № 61.

³Академия Салмана Хана. Главная страница сайта. URL: <https://www.khanacademy.org/> (дата обращения 15.05.2020).

и анализировать физиологические (частота пульса, уровень давления) и вазомоторные (выражение лица) показатели – в состоянии ли учащийся воспринимать материал, скучно ли ему и т. д.

Выше уже отмечалось, что дистанционное обучение может проходить в виде неформального образования, главным образом как самообразования или как части формального в институализированной среде учебных заведений. Ведущие российские университеты¹ в последние годы выстроили институциональную практику включения онлайн-курсов в учебный процесс. Это могут быть курсы как собственной разработки, так и других учебных заведений, включая зарубежные. Учебные курсы, реализуемые в цифровом формате, можно использовать как полноценную замену учебных дисциплин, входящих в учебные планы.

Обучение может быть модульным, где предусмотрены контрольные вопросы и налажена постоянная обратная связь; может проходить в виде записанных специалистами непродолжительных лекций-монологов, а чаще – диалогов, как это сделано, к примеру, на философском университете БГУ им. И. Канта (Калининград)². Конечно, имеет значение, насколько полно при разработке курсов учитываются требования Федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОСы). «Пионером» в этой работе выступает русскоязычная национальная платформа «Открытое образование», созданная Минобрнауки РФ и обеспечивающая внутреннюю экспертизу и сертификацию курсов.

Основания и технология использования онлайн-курсов

Существуют две основные модели создания и использования онлайн-курсов: собственные разработки и обращение к сторонним ресурсам. Причем второй путь может быть предпочтительнее, если университет-разработчик имеет многолетний опыт разработки программ, располагает квалифицированными кадрами, а сами программы прошли установленную сертификацию. В этом случае рекомендуется заключать договоры о сетевой форме реализации дистанционного обучения между университетами. Предполагается, что «покупка» происходит на институциональном уровне и выбор совершается университетом-реципиентом в целом. Далее университет-реципиент включает в свой учебный план приобретенный онлайн-курс (несколько курсов), а студенты обязаны изучить именно этот учебный курс(ы). По завершении университет-реципиент засчитывает результаты освоения курса.

Возможен и другой путь, когда студент университета-реципиента самостоятельно выбирает онлайн-курс, который согласовывается с преподавателем и кафедрой. После прохождения такого курса преподаватель выставляет зачет и фиксирует выполнение учебного плана.

¹ К примеру:

- Томский государственный университет. Страница обучающихся курсов на официальном сайте: <https://ido.tsu.ru/> (дата обращения 15.05.2020);

- НИУ-ВШЭ, Страница обучающихся курсов на официальном сайте: https://electives.hse.ru/mooc_students (дата обращения 15.05.2020);

- Уральский Федеральный университет имени Первого президента России Б.Н.Ельцина Страница обучающихся курсов на официальном сайте: <http://openedu.urfu.ru/> (дата обращения 15.05.2020);

- Ярославский государственный университет им. П.Г.Демидова, Страница обучающихся курсов на официальном сайте: <https://moodle.uniyar.ac.ru/> (дата обращения 15.05.2020).

² Курс он-лайн лекций по философии науки и техники БГУ им. И. Канта <https://www.youtube.com/playlist?list=PL48Q51pndTVkR-6uBcjNqX354iXx4yPXT> (дата обращения 15.05.2020)

Здесь стоит обратить внимание на то, что разработка и продажа обучающих онлайн-материалов может стать важной статьей дохода любого университета. В международной практике англоязычные курсы помогают в обучении миллионов студентов по всему миру и приносят университетам-разработчикам и провайдерам курсов доходы, сопоставимые с выгодами от основной (аудиторной) деятельности. Русскоязычный сегмент этого образовательного рынка несколько скромнее, но с учетом студентов на постсоветском пространстве может достигать нескольких сотен тысяч человек. Для разработки русскоязычных курсов любой университет может приглашать известных специалистов – научных селибрити, имя и авторитет которых станут наилучшей визитной карточкой и рекламой университета.

Вопрос о включении онлайн-курсов в учебные программы университетов решается на уровне ректоратов, факультетов, кафедр [15]. Основная сложность – это учет нагрузки преподавателя, студенты которого используют эту форму обучения. Как известно, нагрузка преподавателя исчисляется в основном часами аудиторной работы. Если онлайн-курсы включены в учебные планы, то некоторые администрации считают, что нагрузка преподавателя уменьшается и есть риск потери ставок. Но передовые университеты решают эту проблему за счет увеличения доли НИР в структуре времени занятости преподавателя, у которых появляется больше времени и сил для качественной научной работы и подготовки публикаций в рейтинговых журналах. Тем не менее информированность о возможностях и выгодах дистанционного обучения остается достаточно низкой. Ректораты не спешат признавать, что использование качественных онлайн-курсов повышает уровень преподавания, экономит фонд заработной платы профессорско-преподавательского состава, не говоря уже об уменьшении размеров коммунальных платежей и возможностях сокращения (высвобождения) аудиторного фонда.

Назовем возможные выгоды, которые могут стимулировать использование онлайн-курсов в образовательных программах университетов, исходя из внутренних потребностей: решение кадровых проблем, оптимизация учебного процесса, желание улучшить качество образования и его конкурентоспособность [16].

1. Университет не может обеспечить реализацию одной или нескольких обязательных дисциплин (в том числе т. н. «длинной» дисциплины) или дисциплин вариативной части в связи с отсутствием преподавателя требуемой квалификации либо значительными издержками по его найму.

2. Университету необходимо увеличить вариативность предлагаемых курсов и обеспечить студентам возможность выбора индивидуальных траекторий обучения, не увеличивая при этом издержки на найм дополнительных преподавателей.

3. Университету необходимо ликвидировать разницу в имеющихся знаниях и компетенциях у студентов (например, иностранных либо поступивших в магистратуру из других университетов). В этом случае необходимы адаптационные курсы, которые используются точечно (персонально), не требуя средств на формирование неэффективных малых групп.

4. Университет хочет решить задачу развития надпредметных компетенций студентов (работа в разнородных группах, решение коллективных задач, погружение в чужеродную неизвестную среду, способность к самоорганизации и самоконтролю и пр.) в ходе учебной деятельности.

5. Университет приветствует использование нескольких источников при обучении для формирования у студентов более объемного знания, способности к сопоставлению, развитию критического мышления.

6. Университет хочет усилить привлекательность своих образовательных программ за счет использования брендов сильных российских и зарубежных университетов, онлайн-курсы которых будут изучаться студентами (что может быть отражено в приложении к диплому и станет привлекательным для работодателей, родителей абитуриентов), при условии заключения с этими университетами договора о сетевой форме реализации образовательных программ.

7. Университет планирует увеличение численности абитуриентов и иногородних студентов за счет тех, кто по разным причинам (наличие хорошей работы, уход за родителями и т. д.) не может постоянно находиться на территории студенческого городка.

8. Университету необходимо реструктурировать нагрузку ППС, высвободив часть времени преподавателей для научной работы, не увеличивая штатную численность ППС.

9. Университету необходимо сократить штатную численность ППС, не уменьшая при этом качество образовательных программ и предложений студентам.

10. Есть еще один аргумент, который идет поверх этого списка и который очень хорошо узнали практически все преподаватели и студенты во время второго семестра 2019/2020 учебного года. Речь идет о самоизоляции и всеобщем переходе на дистанционную (удаленную) форму организации занятий.

Перечисленных аргументов вполне достаточно, на наш взгляд, чтобы администрации университетов и вузов стали более внимательны к дистанционному (удаленному) обучению.

Теперь посмотрим, как обстоит дело с нормативной и правовой базой, регулирующей деятельность системы высшего образования этой части. Оказывается, что никаких запретов на использование университетами онлайн-курсов (как самостоятельно разработанных, так и онлайн-курсов других университетов) не существует. Более того, приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»¹ в явном виде нацеливает университеты на расширение использования качественных учебных онлайн-курсов в образовательном процессе. Совокупность документов, которая позволяет делать выводы о возможности использовать онлайн-курсы, следующая:

Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ² содержит описание возможных способов интеграции ресурсов разных университетов при организации учебного процесса (т. н. сетевая форма реализации образовательных программ); использования в учебном процессе дистанционных образовательных технологий и электронного обучения; компетенций образователь-

¹ Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации». Утвержден Президиумом совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и приоритетным проектам (протокол от 25 октября 2016 г. N 9) // Правительство России. URL: <http://government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5IZYftvOAG.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ // Законодательство Российской Федерации. Сборник основных федеральных законов РФ. URL: <https://fzrf.su/zakon/ob-obrazovanii-273-fz/> (дата обращения: 16.05.2020). Статьи 13 (п.п. 1, 2), 15 (п.п. 1, 2), 16 (п.п. 1, 2, 4), 28 (п.п. 1, 2, 3(6), 3(12)), 34 (п. 1(4), 1(5), 1(6), 1(7), 1(24)), 47.

ных организаций по формированию образовательной программы и выбору технологий и методов обучения; прав студентов осваивать учебные дисциплины в других университетах, предъявлять на зачет внешние результаты, участвовать в академической мобильности; свободы выбора преподавателями форм и методов обучения, формирования программ дисциплин.

Далее можно сослаться на Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»¹.

И, наконец, приказ Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 г. № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ»², который регулирует правила применения университетами электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ.

Существующие в достаточном количестве более «мелкие» правовые акты еще больше легитимизируют практику дистанционного обучения.

Заключение

Таким образом, дистанционное обучение – один из наиболее эффективных путей производства и накопления человеческого капитала, экономического и социального развития. Вопрос заключается сегодня лишь в том, насколько университеты готовы выступить провайдерами формального и неформального дистанционного образования, в какой мере ученые советы, кафедры, администрации вузов готовы включить в учебные планы цифровые онлайн- и офлайн-технологии.

В самое ближайшее время неформальное дистанционное обучение может стать эффективным средством воспитательной работы, которую в университетах никто не отменял. В этом видится один из действенных путей социализации не только студенческой, но других групп молодежи (возьмем, к примеру, те же *блоговые коммуникации*). Следует ожидать развития группового самообучения, особенно в рамках неформальных сетевых сообществ, общественных и религиозных объединений, вне зависимости от того, предусмотрена ли в их уставе информационно-образовательная и просветительская деятельность. В этих социально-политических процессах университеты могут занять важную нишу, которую им изначально отводило общество и которую они более или менее успешно осваивали всю свою историю.

При этом традиционное формальное образование остается, как всегда, эффективным средством вертикальной мобильности, поскольку данный социальный рынок контролируется старшими поколениями и делегированными от них полномочиями соответствующим институтам общества.

¹ Паспорт приоритетного проекта «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации» // Правительство России. URL: <http://government.ru/media/files/8SiLmMBgjAN89vZbUUtmuF5IZYfTvOAG.pdf> (дата обращения: 16.05.2020).

² Приказ Министерства образования и науки РФ от 23 августа 2017 г. № 816 «Об утверждении Порядка применения организациями, осуществляющими образовательную деятельность, электронного обучения, дистанционных образовательных технологий при реализации образовательных программ» // Контур. Норматив. <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=300600> (дата обращения: 16.05.2020).

Ссылки / References

1. Бороненко Т. А., Кайсина А. В., Федотова В. С. Диалог в дистанционном обучении // Высшее образование в России. 2017. № 8-9. С. 131–134.
2. Шуклина Е. А. Технологии самообразования: социологический аспект // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 140–151.
3. Чехов Н. В. Народное образование в России с 60-х годов XIX века. М.: Книгоиздательство «Польза» В. Антик и К^о, 1912. 224 с.
4. Фертикова Д. О. Преимущества и недостатки дистанционного обучения // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2017. № 11. С. 40–42.
5. Осиленкер Л. Б. Социально-экономические аспекты использования дистанционного обучения в высшей школе: автореф. дис. ... канд. экон. наук. М., 2006. 22 с.
6. Попов Д. И., Попова Е. Д., Федоренко Н. М. К вопросу о качестве дистанционного обучения // Вестник МГУП имени Ивана Федорова. 2016. № 1. С. 91–93.
7. Зборовский Г. Е., Амбарова П. А. Риски образовательной неуспешности учащейся молодежи // Социологический журнал. 2020. Том 26. № 2. С. 60–81.
8. Константиновский Д. Л. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСП, 2008. 552 с.
9. Huei-Chuan Wei, Sciprofile linkChien Chou. Online learning performance and satisfaction: do perceptions and readiness matter? // Distance Education. Vol. 41. P. 48–69. URL: <https://www.scilit.net/article/a48b5781a1c8a623e9ff143e595d4296> (дата обращения: 15.05.2000).
10. Berg Gary A., Simonson M. Distance learning // Encyclopedia Britannica. 07.11.2018. URL: <https://www.britannica.com/topic/distance-learning> (дата обращения: 15.05.2020).
11. Непрерывное образование – стимул человеческого развития и фактор социально-экономических неравенств. М.: ЦСПиМ, 2014. 433 с.
12. Faure E. Learning to Be: The World of Education Today and Tomorrow. Paris: UNESCO, 1972.
13. Connecting online students to their higher learning institution / S. Skelcher, D. Yang, J. Jesús Trespalacios, C. Snelson. // Distance Education. Vol. 41. P. 128–147. URL: <https://www.scilit.net/article/d5558489f2753f4d0301d8458c394336> (дата обращения: 15.05.2020).
14. Перова Ю. П. Технологии тестирования в дистанционном обучении // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2015. № 1. С. 138–141.
15. Усачева О. В., Черняков М. К. Оценка готовности вузов к цифровой образовательной среде // Высшее образование в России. 2020. № 5. С. 53–62.
16. Требования и рекомендации по разработке онлайн-курсов, публикуемых на национальной платформе открытого образования // Открытый Политех. URL: https://open.spbstu.ru/wp-content/uploads/2016/02/npoed_treb.pdf (дата обращения: 15.05.2020).

Study of factors influencing behavioral stereotypes regarding health in students of medical specialties

E. K. Fedorishcheva¹, I. A. Gareeva², K. V. Kosilov³

¹Pacific State Medical University, 2 Ostryakova Ave., Vladivostok 690002, Russian Federation

²Pacific State University, 136 Tikhookeanskaya str., Khabarovsk, Russian Federation

³Far Eastern Federal University, Vladivostok, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-286-299

Research Article
Full text in Russian

This article, from the standpoint of a structural-functional approach, explores the influence of socio-economic, social, organizational, psychological factors of the educational space of a medical university on the choice of students' behavioral strategies in relation to health-saving behavior.

The results obtained indicate a low self-esteem by students of behavioral stereotypes regarding health. According to the data obtained, the average total variable quantitatively describing negative behavioral standards in the framework of the two-component model (stereotyping factors) is most strongly correlated with environmental factors such as disturbance in regular and rational nutrition, lack of comfortable living conditions and training, inaccessibility for various reasons of sports facilities, an uncomfortable class schedule and several others. The authors conclude that current models of beliefs about health, motivation-information-skills, planned behavior, subjective expected usefulness, motivation for protection, are poorly applicable to the studied category, which probably can be associated with a lack of propensity for introspection and reflection, rationalization of their own behavior, characteristic of student youth environment.

At the same time, a pilot study of the tendency to copy behavioral stereotypes regarding health made it possible to draw a preliminary conclusion that most students refer to the behavior of friends, university teachers, and to a lesser extent opinion leaders and parents as role models. These data can be the basis for further expanded study of the processes of formation of behavioral strategies in relation to health and analysis of the results in the light of ideas about socially acceptable behavior of a person as a result of learning and communicative impact on a person.

Keywords: students; educational space; environmental factors; health saving behavior; behavioral stereotypes; structural and functional approach; social processes

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Fedorishcheva E. K. | E-mail: katrina.kosilova@yandex.ru
Assistant

Gareeva Irina A. | E-mail: gar_ia@mail.ru
Doc. Sc. (Sociology), Professor

Kosilov Kirill V. | E-mail: oton2000@mail.ru
(correspondence author) | Doc. Sc. (Medicine), Professor

For citation: Fedorishcheva E. K., Gareeva I. A., Kosilov K. V. Study of factors influencing behavioral stereotypes regarding health in students of medical specialties // *Social'nye i gumanitarnye znaniya*. 2020. Vol. 6, No 3. P. 286-299. (in Russ.)

Факторы влияния на поведенческие стереотипы в отношении здоровья у студентов медицинских специальностей

Е. К. Федорищева¹, И. А. Гареева², К. В. Косилов³

¹Тихоокеанский государственный медицинский университет, пр-т Острякова, 2, Владивосток, 690002, Российская Федерация

²Тихоокеанский государственный университет, ул. Тихоокеанская, 136, Хабаровск, Российская Федерация

³Дальневосточный Федеральный университет, Владивосток, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-286-299
УДК 316.4.062-066

Научная статья
Полный текст на русском языке

В данной статье с позиций структурно-функционального подхода исследуется влияние социально-экономических, социально-бытовых, организационных, психологических факторов образовательного пространства медицинского университета на выбор поведенческих стратегий студентов в отношении здоровьесберегающего поведения.

Согласно полученным данным, студенты оценили свои поведенческие стереотипы в 2,6 балла из 5 возможных. Средняя суммарная переменная, количественно описывающая негативные поведенческие стандарты в рамках двухкомпонентной модели (факторы-стереотипы), наиболее сильно коррелирует с такими средовыми факторами, как нарушение регулярного и рационального питания, отсутствие комфортных условий проживания и обучения, недоступность по различным причинам спортивных учреждений, неудобное расписание занятий и ряд других. На основании проведенного анализа был сделан вывод о том, что актуальные модели поведения в отношении здоровья слабо применимы к исследуемой категории, что, вероятно, может быть связано с отсутствием склонности к самоанализу и рефлексии, рационализации собственного поведения, характерным для студенческой молодежной среды.

В тоже время пилотное исследование склонности к копированию поведенческих стереотипов в отношении здоровья позволило сделать предварительный вывод о том, что большинство студентов называют в качестве образцов для подражания поведение друзей, преподавателей университета, в меньшей степени лидеров мнений и родителей. Эти данные могут стать основанием для дальнейшего расширенного изучения процессов формирования поведенческих стратегий в отношении здоровья и анализа полученных результатов в свете представлений о социально приемлемом поведении личности как результате научения и коммуникативном воздействии на личность.

Ключевые слова: студенты; образовательное пространство; здоровьесберегающее поведение; факторы среды; поведенческие стереотипы; структурно-функциональный подход; социальные процессы

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Федорищева Е. К. | E-mail: katrina.kosilova@yandex.ru
Ассистент кафедры общественного здоровья и здравоохранения

Гареева Ирина Анатольевна | Email: gar_ia@mail.ru
Доктор социологических наук, профессор кафедры социальной работы и психологии

Косилов Кирилл Владимирович | Email: oton2000@mail.ru
(автор для корреспонденции) | Доктор медицинских наук, профессор департамента социальных наук

Для цитирования: Федорищева Е. К., Гареева И. А., Косилов К. В. Факторы влияния на поведенческие стереотипы в отношении здоровья у студентов медицинских специальностей // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 286-299.

Введение

Изучение социальных процессов, происходящих в образовательном пространстве медицинских университетов и связанных с приобретением студентами профессиональных навыков и компетенций, принято проводить не только в рамках рассмотрения социально приемлемых форм поведения, но и через призму анализа проявлений негативных поведенческих стереотипов [1, с. 18–19; 2, с. 11; 3, с. 10]. Бихевиоральный подход к исследованию и интерпретации девиантного поведения личности и социальной группы, изложенный в трудах Э. Торндайка, Дж. Уотсона и Б. Скиннера, нашедший развитие в работах С. Пинкера, Л. Выготского, А. Бандуры, Ч. Осгуда, Ж. Фреско, Р. Мертона [4, с. 12–18; 5, с. 120; 6, с. 43–45] и ряда других авторов, предполагает рассмотрение асоциальных поведенческих алгоритмов, в частности, с позиций теории научения. Основной идеей такого подхода является представление о социально приемлемом и девиантном поведении личности и группы как результате приспособления к особенностям социальной среды, адаптации к ее постоянно меняющимся условиям [7, с. 156; 8, с. 303–307].

Терминологическое пространство заявленной темы содержит ряд близких, но не тождественных конструктов, смысловую нагрузку которых было бы уместно оговорить заранее. К поведенческим стереотипам в отношении здоровья мы, следуя сложившемуся в специальной литературе подходу, относим относительно устойчивые привычки или шаблоны, характерные для поведения респондентов, типичные формы реагирования на внешние или внутренние факторы, связанные с их физическим или психологическим статусом. Соответственно, негативные поведенческие стереотипы соответствуют поведенческому рисунку, или алгоритму, являющемуся потенциально вредным для здоровья, способному при сочетании с неблагоприятными обстоятельствами нанести ущерб физическому и психологическому благополучию индивида. В свою очередь, «деструктивные», или «разрушительные», стереотипы поведения, подразумевают акты или действия, наносящие прямой непосредственный вред здоровью, связанные с риском возникновения у респондента тяжелых заболеваний или даже летальным исходом. В то же время девиантные формы поведения могут отражать особенности развития индивида, специфику его когнитивных возможностей, своеобразие воспитания и образования и далеко не всегда коррелируют с социально неприемлемыми поступками и действиями. В свете сказанного поведенческая модель представляет более широкое, обобщающее понятие и соответствует определенному набору поведенческих стереотипов, форм шаблонного реагирования на те или иные социально-средовые факторы влияния.

Перспективной методологической основой изучения факторов нерационального поведения в отношении здоровья в студенческой среде представляется также структурно-функциональный подход, предполагающий исследование функциональных зависимостей между поведенческими стандартами в отношении здоровья и структурой институтов поддержания физического и психического здоровья в рамках образовательного пространства. Этот подход, на наш взгляд, позволил бы сформировать модель социального процесса, описывающую формирование различных негативных поведенческих стереотипов в отношении здоровья при воздействии широкого спектра средовых факторов [5, с. 120–122; 7, с. 156; 8, с. 103–105], и мог бы способствовать определению закономерности значимого социального процесса – приспособления студенческой молодежи к заданным условиям образовательного

пространства – и выявить проблемные точки, деструктивные факторы, снижающие эффективность адаптации.

Использование структурно-функционального подхода предполагает оценку и углубленный анализ функциональных зависимостей между социальными средовыми факторами, непосредственно влияющими на процесс принятия тех или иных поведенческих решений, связанных со здоровьем, с одной стороны, а также имеющимися и формируемыми в социальной группе поведенческими стереотипами – с другой. Анализ подобных зависимостей ограничивается рамками социального института – образовательного пространства медицинского университета, структурированного согласно своему функциональному предназначению на различные подразделения: собственно учебные, хозяйственно-бытовые, медицинские, вспомогательные. С позиций структурно-функционального подхода наиболее конструктивным для достижения заявленной цели представляется формирование двухкомпонентной модели, одна из частей которой представлена несколькими совокупностями социально-средовых факторов, включающих функционально однородные элементы (административно-организационные, социально-психологические, медицинские, социально-бытовые, экономические), другая – устойчивыми поведенческими стереотипами, связанными со здоровьем и здоровьесбережением. Корреляционный анализ функциональных зависимостей между отдельными доменами, количественно описывающими структуру, характеристики, реализуемые функции образовательного пространства, и основными поведенческими шаблонами студентов позволил бы объективизировать характеристики социального процесса их адаптации к новым социальным условиям и оценить его успешность, эффективность. Методология функционализма, разумеется, не ограничивается эвристическим поисковым подходом, а предполагает и конкретно-научный и философский уровни изучения социальных процессов. Если исходный уровень может быть представлен составлением репрезентативной выборки, опросом и анкетированием, позволяющими определить наличие и субъективную значимость тех или иных социальных факторов, то конкретно-научный уровень может быть представлен корреляционным анализом полученного массива данных для выявления статистически значимых взаимосвязей, оценки «вклада» каждой переменной в конечный результат.

Попытки теоретического осмысления процессов, определяющих поведение представителей различных социальных страт в отношении здоровья, представлены моделями «убеждений о здоровье», «мотивации-информации-навыков», теориями запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты. В литературе представлена также попытка осмысления некоторых аспектов здоровьесберегающего поведения с позиций социально-когнитивной теории. Согласно последней, поведенческие стереотипы, имеющие отношение к здоровью, реализуются в том случае, когда индивид считает, что в состоянии не только их реализовать, но и осуществить эффективный контроль достижения конечного результата [9, с. 105–107]. Близки к данной теории и основные положения теории запланированного поведения, а также модель убеждений о здоровье, предполагающие, что поведенческая стратегия индивида в отношении здоровья складывается из убеждений о пользе и вреде и определенных поступков, способности (действительной или мнимой) к достижению поведенческих целей и намерения их реализовать. Конечное действие или бездействие определяется базовыми установками, субъективными индивидуальными нормами и воспринимаемым поведенческим контролем, который используется как индикатор эффективности поведения [10, с. 65–66; 11, с. 110–113].

Впрочем, данная группа идей и представлений в настоящее время справедливо подвергается критике в связи с множеством эмпирических данных о несоответствии между намерениями, предполагаемым и реальным поведением.

Близкая к перечисленным модель информации-мотивации-поведенческих решений постулирует, что поведение, связанное с рисками для состояния здоровья, определяется, соответственно, тремя основными факторами: объемом имеющейся у индивида информации, наличием достаточных мотиваций, имеющимися поведенческими стереотипами [13, с. 103–105]. Ее авторы допускают, что информированный (и способный осмыслить эту информацию) человек в процессе жизнедеятельности и приобретения новых знаний изменяет поведенческие стереотипы в направлении здоровьесбережения, осваивает сложные, но более эффективные поведенческие стратегии. Однако экспертное сообщество довольно осторожно относится к основным идеям, заложенным в данной теории, учитывая существенное упрощение и формализацию изучаемых процессов и достаточно небольшой спектр оцениваемых факторов.

Популярная в социологической среде теория субъективной ожидаемой полезности во главу угла ставит представление о том, что ожидаемый индивидом полезный эффект от сочетания всех действий, направленных на здоровьесбережение, и определяет конфигурацию его поступков [10, с. 65–66; 14, с. 1–4.]. Терминологическое пространство, которым оперирует теория, включает понятие мультипликативного правила, то есть определение индивидом соотношения разных факторов по уровню их вклада в субъективную «полезность» или «вред» для здоровья. Ее основной концептуальный посыл и заключается в утверждении о постоянном сознательном и подсознательном анализе индивидом соотношения, с одной стороны, психоэмоционального и интеллектуального удовольствия, позитивных эмоций, которые сопровождают определенные действия, с другой – вероятных негативных последствий этих действий. Относительно узкий спектр рассматриваемых факторов авторы пытались компенсировать введением в концепцию понятия «уверенности» – индивидуального представления о шансах на достижение успеха – и ряда других расширений. Наконец, теория мотивации защиты предполагает оценку поведенческих стереотипов в отношении здоровья как адаптивную копинг-стратегию, определяемую субъективным сопоставлением индивидом опасностей и возможностей их предотвращения [15, с. 408–411]. Под опасностями подразумеваются заболевания разной степени тяжести, под возможностями преодоления – эффективность приспособительного поведения и оценка своих возможностей в этом смысле.

Каждая из перечисленных теорий и концепций, безусловно, заслуживает внимания и вносит вклад в понимание процессов приспособительного поведения, в частности, студентов к новым социальным пространствам с точки зрения отношения к здоровью и здоровьесбережению. Тем не менее целый ряд проведенных метаанализов, включая фундаментальное обзорное исследование Е. И. Рассказовой [16, с. 83], позволили определить средний, а иногда и слабый уровень детерминированности изучаемых социальных процессов указанным в упомянутых концепциях спектром факторов, что делает необходимым как минимум их дальнейшее уточнение, дополнение, а возможно, и пересмотр некоторых постулируемых положений, не находящихся прямого подтверждения.

Проблемы осмысления и понимания процессов адаптации студентов к образовательному пространству и анализа факторов, негативно влияющих на приспособительные стратегии, в настоящее время стоят довольно остро [17, с. 82; 18, с. 127–129;

19, с. 156]. Это связано прежде всего с насущной потребностью здравоохранения Дальнего Востока России в притоке высококвалифицированных молодых специалистов, обладающих к моменту окончания университета всеми навыками и компетенциями, необходимыми для работы в сложных условиях региона [20, с. 17].

Обучение медицинским специальностям в профильных университетах имеет ряд существенных особенностей и сопряжено со значительными материальными издержками, наиболее продолжительно по времени по сравнению с другими профессиональными направлениями и сопровождается интенсивными нагрузками на когнитивную сферу, необходимостью длительного ежедневного пребывания в специальных университетских аудиториях, оснащенных лабораторным, диагностическим, мультимедийным оборудованием, симуляторами физиологических процессов, макро- и микропрепаратами [21, с. 41–44]. Эффективность медицинского образования, как и любого другого, связана с множеством средовых социально-экономических, бытовых, психологических, организационно-административных и иных факторов [22, с. 281; 23, с. 16–18]. Тем не менее большинство авторов, занимавшихся изучением этих вопросов в последние годы, сходятся во мнении, что одним из наиболее важных, если не ключевых параметров, определяющим качество медицинского образования, является состояние здоровья студентов, во многом связанное с поведенческими стереотипами.

В доступной литературе высказывается мнение, согласно которому высокий уровень хронической соматической патологии у студентов-медиков может быть взаимосвязан не только с интенсивными психологическими, интеллектуальными и физическими нагрузками, сопровождающими образовательный процесс, и «шлейфом» подростковой патологии, но и с особенностями поведенческих моделей студента, приобретенных уже в процессе обучения при взаимодействии в новом микросоциуме – студенческой группе, курсе и т. д. [24, с. 1443; 25, с. 36]. Негативные поведенческие шаблоны и привычки, по различным данным, имеют от 40 до 72 % студентов. Из наиболее часто встречающихся можно назвать: курение, употребление алкоголя, «энергетиков», эпизоды приема психоактивных веществ, транквилизаторов, анксиолитиков, постоянное и грубое нарушение распорядка дня, промискуитет, зависимость от социальных сетей и т. д. Отсутствие регулярных физических тренировочных нагрузок отмечают до 80 % студентов университетов, в том числе медицинских [17, с. 82–84; 18, с. 127; 19, с. 155; 26, с. 78–84].

Здоровьесберегающее поведение (ЗСП) социология здоровья рассматривает как осознанные действия по формированию и принятию поведенческих решений, направленных на сохранение и упрочение здоровья, а также реализацию этих решений. [27, с. 115]. Судя по объему и качеству проводимых исследований, интерес экспертного сообщества к проблемам студенческого здоровья и ЗСП в настоящее время высок. Однако инструментарий, критерии и нормативы оценки поведения студентов в отношении своего здоровья в настоящее время не унифицированы, а большинство работ направлено на изучение поведенческих моделей, связанных со сравнительно узким спектром факторов влияния [28, с. 68–70; 29, с. 400–401].

В предыдущем исследовании нами была предпринята попытка оценить возможно более широкий спектр факторов, ассоциированных с поведенческими шаблонами в отношении здоровья. В процессе работы мы выявили ряд параметров, наиболее сильно коррелирующих с качеством жизни, связанным со здоровьем и индексом коморбидности Чарлсона – показателем текущего состояния здоровья, рассчитывае-

мым по количеству и тяжести заболеваний, а также по возрасту обследуемого. Однако неизученным остался вопрос взаимосвязи негативных средовых факторов с социальными, деструктивными поведенческими стереотипами в свете адаптации студентов к новой микросоциальной среде и научения адаптационному поведению, а также вопрос выбора и «копирования» студентами поведенческих моделей среди значимых других [30, с. 80–83]. В то же время подобные изыскания позволили бы сформулировать модель, описывающую социальный процесс приспособления студентов медицинских университетов к меняющимся условиям образовательного пространства с точки зрения воздействия негативных средовых факторов на поведение и состояние здоровья, и, возможно, выработать рекомендации по снижению уровня подобных влияний.

Исходя из этих предпосылок, мы определили следующую **цель** данной работы: провести анализ снижения эффективности социального процесса – формирования рационального здоровьесберегающего поведения под влиянием негативных средовых факторов среди студентов медицинских университетов

Методы

Эмпирическая часть исследования проведена с 01.10.2018 по 01.06.2019 года в Тихоокеанском государственном медицинском университете (ТГМУ) и Дальневосточном федеральном университете (ДФУ) в соответствии с принципами стратифицированной рандомизации. При формировании выборки учитывалась необходимость равного гендерного и пропорционального возрастного представительства, расчет ее объема проводился исходя из дисперсии исследуемых признаков в ранее проведенных подобных исследованиях. В итоге в выборку вошли 827 студентов медицинских специальностей: 411 девушек (49,7 %; средний возраст – 21,5 лет) и 416 юношей (50,3 %; средний возраст – 21,6 лет). Студентов, обучающихся на младших (1–3) курсах, оказалось 398 человек (48,1 %), соответственно, на старших (4–6) – 429 (51,8 %). В городском округе до поступления в университет проживали 617 человек (74,6 %), в сельской местности – 210 (25,4 %). Во время проведения исследования проживали в университетских кампусах 688 человек (83,2 %), 101 (12,2 %) студент – дома, еще 38 (4,5 %) заявили, что живут на съемных квартирах. Отклик составил 93,3 %.

В основу собранного информационного массива легли данные, полученные с использованием анкеты самооценки качества жизни студента вуза [31, с. 57–58], дополненной и уточненной авторами [30, с. 80–83]. Анкета состоит из 56 вопросов, сгруппированных в домены и связанных с социально-экономическими, демографическими, психологическими и другими факторами, влияющими на поведенческие стереотипы в отношении здоровья. При ответе на вопросы студентам предлагалось оценить наличие позитивного поведенческого стереотипа от 0 (минимальное, «негативное» значение) до 5 (максимально позитивный ответ). Ряд вопросов, касающихся негативных привычек оценивался по этой же шкале, но в «обратном» порядке, то есть отсутствие такой привычки расценивалось как позитивный стереотип (например, некурящим студентам предлагалось оценивать частоту курения в 5 баллов – как максимально позитивный ответ). Порядок работы с такими вопросами подробно разъяснялся респондентам, а также указывался в подстрочнике анкеты, сами вопросы для облегчения восприятия обозначались знаком *.

В предыдущих исследованиях мы провели корреляционный анализ, позволивший выявить ряд наиболее значимых средовых факторов, в том числе негативных, взаимосвязанных с успеваемостью и объективным состоянием здоровья студентов [26; 24, с. 83–89; 30, с. 79–80]. Однако их влияние на поведенческие стереотипы в отношении здоровья осталось за рамками проведенной ранее работы. В настоящем исследовании мы предприняли попытку анализа такой взаимосвязи. Для сбора информации о поведенческих стандартах и шаблонах анкета самооценки качества жизни студента вуза была также дополнена отдельным блоком вопросов относительно практикуемых студентами стереотипов поведения, также был внесен вопрос о значимых других, являющихся для студентов возможными ориентирами для подражания, поведенческие стереотипы которых являются «модельными», установочными при формировании собственных поступков и алгоритма поведения в целом [32, с. 579; 33, с. 65; 34, с. 12–15; 35, с. 21–23].

Статистическая значимость корреляции между средними значениями переменных определялась при расчете коэффициента Спирмена. Сила взаимосвязи связи переменных расценивалась как высокая в диапазоне значений коэффициента $R = 0,8–1,0$, как среднего уровня – при $R = 0,5–0,7$. Значимость отсутствующих переменных для сравнительного анализа определялась по значениям теста Вальда.

Результаты

В 31 (3,7 %) случае данные оказались неполными или неинтерпретируемыми.

Неполный набор данных был связан как с ошибками при заполнении анкет, так и с отказом 11 студентов, согласившихся на участие в исследовании, отвечать на конкретный вопрос в анкете. Сопоставление средних значений переменных по методу Вальда позволило подтвердить гипотезу об отсутствии статистической значимости отсутствующих данных для сравнительного анализа. Не было также обнаружено статистически значимых различий между средними значениями показателей у студентов младших и старших курсов, у студентов мужского и женского пола, за исключением частоты курения (средний балл $3,4 \pm 0,3$ у мужчин и $4,6 \pm 0,5$ у женщин, $p \leq 0,05$, оценка показателя реверсивная).

При количественной самооценке поведенческих шаблонов были получены следующие результаты. Средняя суммарная оценка студентами соблюдения режима сна и бодрствования составила 3,4 балла, наличие вредных привычек – 3,3 балла (реверсивная оценка), выполнение основных гигиенических правил – 4,5, физическое самосовершенствование – 2,1 балла, признаки профессионального выгорания – 1,5 (реверсивная оценка), выполнение назначений врача при заболевании – 2,3, отказ от самолечения – 2,9, самооценка и самоанализ физического и психологического статуса – 1,3, копирование позитивных/негативных поведенческих стереотипов – 2,9/2,1, самооценка патологических симптомов при их возникновении – 3,9, промискуитет – 0,9 баллов. Итоговая средняя суммарная самооценка составила 2,6 балла.

Средняя суммарная переменная, количественно описывающая негативные поведенческие стереотипы, оказалась наиболее сильно взаимосвязана с нарушением регулярного и рационального питания ($r = 0,91$, $p \leq 0,05$), отсутствием комфортных условий проживания ($r = 0,77$, $p \leq 0,05$) и обучения ($r = 0,67$, $p \leq 0,05$), недоступности по различным причинам спортивных учреждений для занятия физическими упражнениями ($r = 0,72$, $p \leq 0,01$) (рис. 1).

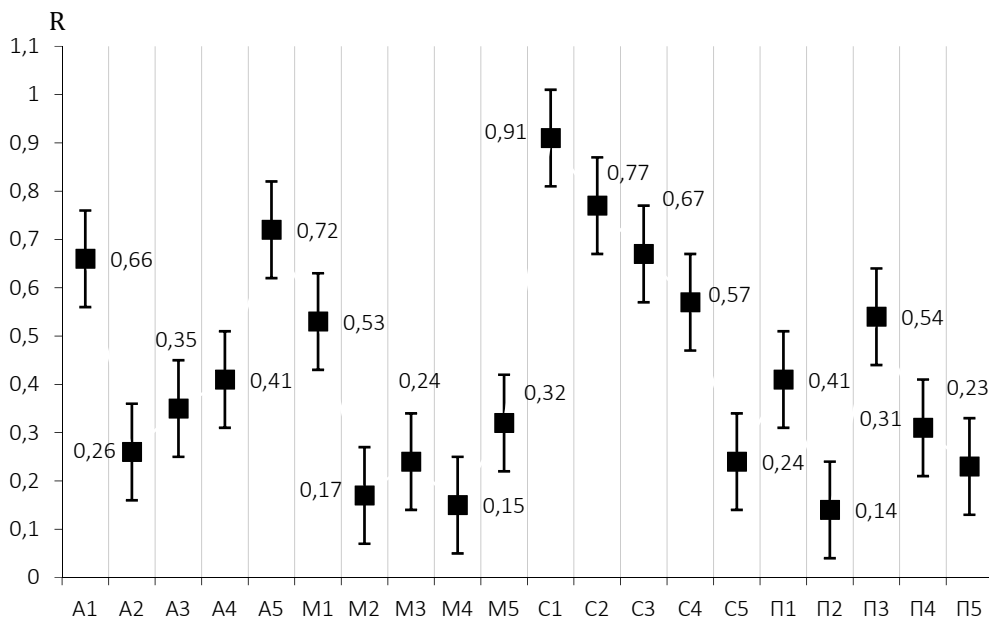

Рисунок 1. Корреляция описательных переменных, характеризующих негативные факторы среды и композитного показателя негативных поведенческих стереотипов в отношении здоровья у студентов медицинских специальностей (n=827)

Оа рисунке:

Средовые факторы

Административные: отсутствие

A1 комфортного расписания

A2 доступного изложения учебного материала

A3 достаточного методического и

инструментального обеспечения занятий

A4 возможностей для самообразования

A5 возможностей для занятий физическими

упражнениями

Медицинские: отсутствие

M1 доступной квалифицированной

медицинской помощи

M2 возможности диспансеризации

M3 возможностей для приобретения

необходимых лекарств

M4 информированности о заболеваниях

M5 возможностей для использования

медицинской контрацепции

Социально-бытовые и экономические: отсутствие

C1 регулярного и рационального питания

C2 комфортных условий проживания

C3 комфортных условий обучения

C4 достаточного личного дохода

C5 транспортной доступности университета

Социально-психологические: отсутствие

P1 полноценного отдыха

P2 эффективной коммуникации

P3 возможностей для самореализации

P4 значимых друзей, ориентированных на

позитивные ценности ЗОЖ

P5 мотивации к обучению

Корреляционная зависимость средней степени была установлена между суммарной переменной и количественной оценкой фактора отсутствия удобного, учитывающего потребность в отдыхе и обеденный перерыв расписания ($r = 0,66$, $p \leq 0,05$), уровнем личного дохода / материального достатка ($r = 0,57$, $p \leq 0,05$), возможностью творческой самореализации ($r = 0,54$, $p \leq 0,01$), слабой доступностью квалифицированной медицинской помощи ($r = 0,53$, $p \leq 0,05$). Прочие факторы оказались слабо взаимосвязаны с поведенческими стереотипами студентов.

Анализ результатов анкетирования позволил установить, что при формировании собственного поведенческого рисунка 47,4 % студентов ориентируются на лиц, с которыми они поддерживают дружеские отношения в университете, и 33,4 % – вне университета. В качестве примера для подражания 20,5 % студентов назвали преподавателей университета, 15,5 % – лидеров мнений в студенческой среде, с которыми они лично не знакомы, 13,8 % – родителей, 12,8 % – известных медийных личностей, 3,5 % – представителей администрации учебного заведения, другие ответы дали 4,6 % респондентов. Вопрос предполагал возможность более 1 ответа (сумма более 100 %). Таким образом, согласно данным опроса, подавляющее большинство студентов называют в качестве ориентира в поведении, касающемся здоровья и здоровьесбережения, университетских и школьных друзей (в сумме 80,8 %).

Обсуждение

Анализ полученных эмпирических данных позволил установить, что наиболее сильные корреляционные зависимости со средней суммарной переменной, количественно описывающей негативные поведенческие стереотипы в отношении здоровья, отмечаются для таких средовых факторов, как нарушение регулярного полноценного питания, отсутствие комфортных условий проживания и обучения, недоступность по различным причинам спортивных учреждений, тренажерных залов, бассейнов для занятия физическими упражнениями. Корреляционная зависимость средней степени была отмечена с такими факторами, как отсутствие комфортного, обеспечивающего потребность в отдыхе расписания, уровень индивидуального дохода / материального достатка, возможность творческой самореализации, слабая доступность квалифицированной медицинской помощи.

Полученный результат с позиций структурно-функционального подхода и формирования двухкомпонентной модели: средовые факторы – поведение, на наш взгляд, в значительной мере можно интерпретировать как проявление влияния фоновой институциональной структуры образовательного пространства университета на поведенческий рисунок студентов и шире на реализацию основной социальной функции учащихся – процесса приобретения профессиональных знаний, навыков и компетенций [24, с. 1443]. Суммарная оценка поведенческих стандартов показала, что здоровьесберегающий компонент в поведении студентов представлен достаточно слабо. Итоговая суммарная оценка составила 2,6 балла, наиболее «проблемными» опциями оказались отсутствие самооценки и самоанализа физического и психологического статуса, наличие вредных привычек, невыполнение назначений врача при заболевании, отсутствие физического самосовершенствования, невыполнение рационального режима сна/бодрствования и работы/отдыха.

Данные исследования влияния факторов среды оказались в целом вполне ожидаемыми и подтвердили разрозненные результаты исследований других авторских коллективов. Так, отсутствие нормального питания, некомфортная образовательная

и бытовая среда, отсутствие условий для активного отдыха (часто при наличии собственных спортивных сооружений и приспособлений в кампусе), неудобное расписание, материальные проблемы, отсутствие эффективной рекреационной среды и условий для общения «оффлайн», недоступность своевременной квалифицированной медицинской помощи в той или иной мере описываются многими авторами, хотя в большинстве случаев и в виде предположений, не подкрепленных достаточной эмпирической базой. В то же время мы не обнаружили среди значимых факторов, негативно влияющих на поведение в отношении здоровья, отсутствие возможностей для прохождения полноценной диспансеризации и приобретения необходимых лекарств в случае заболевания. То есть, с одной стороны, студенты указывают на наличие проблемы, с другой – мы не видим устойчивой взаимосвязи этих негативных факторов с поведенческим рисунком. Возможно, это связано с тем, что, несмотря на высокую хроническую соматическую заболеваемость, в силу высоких адаптационных возможностей и резервов, свойственных данному возрасту, симптоматика хронических болезней проявляется у студентов достаточно скудно [28, с. 70–72; 36, с. 252; 37, с. 277]. Кроме того, высокий уровень информационной загруженности, чрезвычайно активная коммуникация, повышенное психоэмоциональное и когнитивное напряжение, характерное для всего периода обучения в университете, предполагает «вытеснение» на периферию сознания самооценки поведения, активного использования рефлексии, самоанализа, формирование «стихийного» поведенческого рисунка, во многом определяемого непосредственным влиянием социально-бытовых, организационных, административных и иных средовых факторов. Вероятно, поэтому известные модели убеждений о здоровье, мотивации-информационных навыков, запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты в полной мере не могут служить удовлетворительными конструктами для интерпретации мотиваций поведения в отношении здоровья для исследуемой когорты.

Подводя итоги, можно сказать следующее. Используемая в рамках структурно-функционального подхода двухкомпонентная модель процесса формирования поведения в отношении здоровья позволила установить, что средняя суммарная переменная, количественно описывающая негативные поведенческие стереотипы, имеет сильную корреляцию с рядом социально-экономических факторов университетской образовательной среды. В то же время мы можем предположить, что в связи с высоким уровнем психоэмоциональных и физических нагрузок, выраженными компенсаторными возможностями и связанной с этими особенностями слабой склонностью к рефлексии имеющиеся модели убеждений о здоровье, мотивации-информационных навыков, запланированного поведения, субъективной ожидаемой полезности, мотивации защиты, в разной степени применимые к популяции в целом, у исследуемой социальной и возрастной категории – студентов медицинских университетов – могут иметь ограниченное применение и слабо отражать механизмы формирования поведенческих стратегий.

Предварительный анализ подражательной активности студентов при выборе поведенческой стратегии в отношении здоровья показал, что большинство студентов отмечают в качестве образов копирования поведение друзей, преподавателей университета, в меньшей степени – лидеров мнений и родителей. Данное пилотное исследование может стать основанием для более углубленного изучения процессов

формирования поведенческих стратегий в отношении здоровья и анализа полученных результатов в свете представлений о социально приемлемом поведении личности как результате научения и коммуникативном воздействии на личность.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Ссылки / References

1. Содержательные и организационные аспекты формирования навыков здорового образа жизни у студентов вузов / А. Э. Болотин, О. В. Миронова, С. М. Лукина, Л. В. Ярчиковская // Теория и практика физической культуры. 2016. № 6. С. 18–20.
2. Донченко В. И. Структурная модель обучения студентов-медиков здоровьесберегающим технологиям // Концепт. 2015. № 10 (октябрь). С. 111–115.
3. Рощина Я. М. Социальная дифференциация и образовательные стратегии российских студентов и школьников: информационный бюллетень. М.: ГУ-ВШЭ, 2007.
4. Бандура А. Теория социального научения. СПб.: Евразия, 2000. 320 с.
5. Мертон Р. К. Социальная теория и социальная структура // Социологические исследования. 1992. № 2–4. С. 118–124.
6. Пинкер С. Субстанция мышления: язык как окно в человеческую природу. Пер. с англ. Изд. 2-е, испр. 2016. 560 с.
7. Ковалёв А. Д. Формирование теории действия Тэлкотта Парсонса // История теоретической социологии. В 4-х тт. Т. 3. М.: Канон, 1997, С. 150–179.
8. Хабермас Ю. Теория коммуникативного действия (Фрагменты). Пер. А. Б. Рахманова // Личность. Культура. Общество. 2004. № 1 (21). С. 303–312.
9. Рассказова Е. И. Модели стадий изменения поведения в психологии здоровья: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2014. № 4. С. 102–119.
10. Мельник С. Н. Психология личности. Владивосток: Дальневосточный государственный университет, 2004. 97 с.
11. Рассказова Е. И., Иванова Т. Ю. Мотивационные модели поведения, связанного со здоровьем: проблема «разрыва» между намерением и действием // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12. № 1. С. 105–130.
12. Цветкова Л. А. Социально-психологические теории формирования аддикций // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2011. № 2. С. 166–178.
13. Каплыгина И. И. Теоретические аспекты исследования воздействия информационно-образовательного пространства на здоровье и поведение человека // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. 2016. № 14 (235). С. 143–150.
14. Кирякова Н. И. Теория ожидаемой полезности // Академия. 2015. № 3 (3). С. 1–4.
15. Роджерс Р. В. Мета-анализ исследований по теории мотивации защиты // Журнал прикладной социальной психологии. 2000. № 30 (2). С. 407–429.

16. Рассказова, Е. И. Психологические факторы поведения, связанного со здоровьем: на пути к интегративной модели // Теоретическая и экспериментальная психология. 2016. Т. 9, № 4. С. 124–139.
17. Бруснева В. В., Клименко Т. В. Значимые факторы и условия жизни, влияющие и формирующие состояние здоровья студенческой молодежи города Ставрополя // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2012. № 3. С. 82–86.
18. Гареева И. А., Соболевская Т. В. Роль социальных барьеров в формировании стратегий поведения в отношении здоровья у студентов // Материалы секционных заседаний 56-й студенческой научно-практической конференции ТОГУ: в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. С. 127–130.
19. Джураева Н. С. Здоровье, здоровьесберегающее поведение и качество жизни студентов // Модели, системы, сети в экон. техн. природе и о-ве. 2014. № 3. С. 155–160.
20. Улумбекова В. Г., Калашникова А. В. Факты о бюджете здравоохранения РФ на 2018–2020 года // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. 2019. № 4. С. 17–20.
21. Алексеенко С. Н., Дробот Е. В. Категории жизнестойкости и качества жизни у студентов медицинского ВУЗа в сопряженности с самооценкой здоровья // Земской врач. 2014. № 2 (23). С. 41–44.
22. Новохатская Э. А., Яковлева Т. П., Калитина М. А. Заболеваемость студентов, обусловленная характером питания в современных условиях обучения // Проблемы социальной гигиены и история медицины. 2017. № 5. С. 281–285.
23. Гареева И. А. Неравенства в социальном пространстве здравоохранения // Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы междунар. науч.-практ. конф. в рамках III Всерос. науч. форума «Наука будущего – наука молодых». Нижний Новгород 14–15 сент. 2017 г.: в 2 т. Т. 2. Н. Новгород, 2017. С. 16–19.
24. Киенко Т. С. Институциональные и не-институциональные факторы формирования здоровьесберегающего поведения // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 1443.
25. Бакаев В. В., Болотин А. Э. Показатели готовности студентов к здоровьесберегающему поведению // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. 2013. № 12 (106). С. 36–39.
26. Новый индекс здоровьесберегающего поведения / В. В. Кузнецов, К. В. Косилов, Р. А. Байрамов, Е. К. Косилова (Федорищева), Н. И. Ющенко, Е. А. Смирнов // Медицинское образование и профессиональное развитие. 2019. Т. 10 (4). С. 76–92.
27. Журавлева И. В., Иванова Л. Ю., Ивахненко Г. А. Студенты: поведенческие риски и ценностные ориентации в отношении здоровья // Вестник института социологии. 2012. № 6. С. 113–129.
28. Биловус В. К., Минасян Л. А. Установки молодежи на здоровьесберегающее поведение // Создание условий в учебных заведениях высшего профессионального образования, обеспечивающих охрану и укрепление физического, психологического и социального здоровья обучающихся, формирование устойчивой мотивации на здоровье и здоровый образ жизни: мат. межвуз. науч.-практ. конференции. Шахты, 2008. С. 68–79.
29. Лепихина Т. Л., Карпович Ю. В. Анализ факторов, формирующих здоровьесберегающее поведение работников // Фундаментальные исследования. 2014. № 8–2. С. 400–403.

30. Федорищева Е. К. Комплексная оценка здоровьесберегающего поведения студентов медицинских специальностей и направления его оптимизации // Власть и управление на Востоке России. 2019. № 3 (88). С. 97–116.
31. Поздеева Т. В. Научное обоснование концепции и организационной модели формирования здоровьесберегающего поведения студенческой молодежи: дис. ... докт. мед. наук: 14.00.33: защищена 09.09.2008 / Поздеева Татьяна Васильевна. М., 2008. 340 с.
32. Корниенко Д. С., Козлов А. И., Отавина М. Л. Взаимосвязь самооценок здоровья и психологического благополучия у практически здоровых и имеющих хронические заболевания молодых людей // Гигиена и санитария. 2016. № 6. С. 577–581.
33. Скрининг ресурсов здоровья студентов и формирование внутри-вузовской профилактической среды: клинические, образовательные и воспитательно-педагогические аспекты / М. Е. Евсеева, В. И. Кошель, М. В. Еремин и др. // Медицинский вестник Северного Кавказа. 2015. № 1. С. 64–69.
34. Здоровье и поведение школьников: Социально-педагогический мониторинг здоровья, физической активности и образа жизни школьников: Уральский федеральный округ / Сост. А. И. Федоров, С. Б. Шарманова. Челябинск: УралГАФК, ЧГНОЦ УрО РАО, 2004. 88 с.
35. Борисова Л. М., Белокурова Е. С., Лопатин С. А. Здоровьесберегающие технологии – как профилактические меры по сохранению и укреплению здоровья студентов вузов // Безопасность жизнедеятельности. 2014. № 8. С. 21–26.
36. Здоровье студентов: социологический анализ / Отв. ред. И. В. Журавлева. Институт социологии РАН. М., 2012. С. 252–257.
37. Гареева И. А. Социальные барьеры современной системы здравоохранения // Современные проблемы экономического развития предприятий, отраслей, комплексов, территорий: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 25 апр. 2016 г.): в 2 т. Т. 2. Хабаровск: Изд-во ТОГУ, 2016. С. 275–278.
38. Хабермас Ю. Проблематика понимания смысла в социальных науках // Социологическое обозрение. 2008. № 7(3).
39. Хабермас Ю. Теория рационализации Макса Вебера // Социологическое обозрение. 2009. № 8(3).
40. Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш., Гульдэн В. В. Способы заботы о здоровье и соматические жалобы в норме: роль представлений и роль действий // Психологические исследования. 2016. № 9(50). С. 4.
41. Бобылева О. В. Состояние здоровья студенческой молодежи как социально-экологическая проблема // Вестник ТГУ. 2013. Т. 18. Вып. 3. С. 852–854.

Research of the gender aspect of filmonym's translation

S. A. Pankratova¹

¹Saint-Petersburg State Institute of Film and Television, 13 Pravda Str., St. Petersburg 191119, Russian Federation

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-300-307

Research Article
Full text in Russian

The article deals with the translation of feminine film titles on the example of English filmonyms of the last decade. The article is aimed at the study of the filmonyms' translation in the Russian film discourse, which leaves its specific imprint on the translator's decisions. The paper treats the translation of feminine-marked filmonyms as a topical problem of the linguistics of gender and the theory of translation – the study of the means of translation of feature film titles from English to Russian from the point of view of gender-marked translators' slant. The application of the method of typological synchronous comparison allows to compare translation from the point of view of the feminine-masculine balance and the presence of feminine markers. The comparison is based on the thesis of adaptation and deformation of the source English film title. If the adaptation focuses on the convergence of the translation to the source culture and its specifics and is oriented on the mutual cultural dialogue, then the deformation, on the contrary, prioritises the peculiarities of the accepting culture. The author of the article proves the thesis that in many cases the translation is not tolerant, the point of view of the translator affects the translation and therefore women are presented as nervous, obese, mentally different and emotionally unstable.

Keywords: filmonym; localization; gender; translation; transcreation; appropriation; domestication

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pankratova Svetlana A. | E-mail: svetpankrat@yandex.ru
| Doc. Sc. (Philology)

For citation: Pankratova S. A. Research of the gender aspect of filmonym's translation // Social'nye i gumanitarnye znaniya. 2020. Vol. 6, No 2. P. 300-307. (in Russ.)

Исследование гендерного аспекта перевода фильмонимов

С. А. Панкратова¹

¹Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения ул. Правды, 13, Санкт-Петербург, 191119, Российская Федерация

DOI: 10.18255/2412-6519-2020-3-300-307
УДК 81'373.612.2

Научная статья
Полный текст на русском языке

В работе рассматривается перевод феминно-маркированных фильмонимов на примере англоязычных киноназваний последней декады. Целью статьи является исследование перевода фильмонимов в российском кинодискурсе, накладывающем специфический отпечаток на переводческие решения. В фокусе внимания актуальная проблема гендерной лингвистики и теории перевода – изучение способов перевода названий художественных фильмов с английского языка на русский с позиций гендерно-маркированного отношения переводчиков к женщинам. Применение метода типологического синхронного сравнения позволяет сопоставить переводы на предмет баланса маскулинных и фемининных маркеров. Сравнение базируется на постулате об адаптации и деформации исходного англоязычного варианта киноназвания. Если адаптация фокусируется на приближении транслята к исходной культуре, ее специфике и ориентирована на взаимный диалог культур, то деформация, напротив, ставит в приоритет особенности принимающей стороны. Автор доказывает тезис о том, что во многих случаях такой перевод является нетолерантным и показывает женщин как людей с низким уровнем интеллекта и неконтролируемыми эмоциями. Тенденция к апроприрующему переводу с наложением позиции переводчика приводит к представлению женщин как существ нервных, тучных и неуравновешенных.

Ключевые слова: фильмоним; локализация; гендер; перевод; транскреация; апроприация; доместикация

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Панкратова Светлана Анатольевна | Email: svetpankrat@yandex.ru
Доктор филологических наук

Для цитирования: Панкратова С. А. Исследование гендерного аспекта перевода фильмонимов // Социальные и гуманитарные знания. 2020. Том 6, № 3. С. 300-307.

Введение

Общепринятым является тот факт, что киноназвание – это визитная карточка фильма, именно оно впервые знакомит зрителя с фильмом, дает некое обобщенное представление о его содержании и определяет то место, которое кинокартина займет в прокате. Актуальность исследования гендерных фильмонимов несомненна потому, что броскость киноназваний с феминными лексическими единицами служит поводом к полемике касательно места и роли женщины в социуме как среди переводчиков, так и среди кинозрителей. Список переводов фильмонимов с дисбалансом гендерно-маркированных единиц постоянно пополняется, выступая в роли повода к размышлению о переводческой интерпретации. Теоретическая значимость исследования заключается в соотнесении классической теории перевода (Н. К. Гарбовский, В. В. Кабакчи, Т. А. Казакова, В. Н. Комиссаров, С. С. Толстой, С. В. Тюленев, А. В. Федоров, А. Д. Швейцер и др.) с ее современной интерпретацией, постулирующей, что перевод есть апроприрующий транскреативный процесс, предполагающий поиск оптимальных переводческих решений при условии соблюдения количественной и смысловой эквивалентности как критерия успешности интерпретации. Разнообразные сентенции касательно существования единственно верной переводческой стратегии носят двойкий, субъективный характер по причине того, что «... любая концепция (модель) перевода – это теория с человеческим лицом, продукт интерпретации фрагмента коммуникативной действительности, «вырезанного» из реальности сознанием исследователя» [1, с. 70].

Несмотря на широкую популярность кинематографа, каких-либо фундаментальных исследований в области фильмонимов практически не существует. И вместе с тем даже немногочисленные авторы, интересующиеся проблемой фильмонимов, делают довольно меткие наблюдения. Так, А. Н. Ткачева, исследовавшая французские фильмонимы, отмечает: «Содержательно и эмоционально адекватные эквиваленты в русском языке отсутствуют. К сожалению, уникальные смысловые компоненты, эффектность и выразительность французского заголовка при этом полностью и неизбежно утрачиваются» [2, с. 147].

Новизна исследования во многом связана с исследованием гендерного аспекта локализации фильмонимов и базируется на ряде научных исследовательских направлений.

В предлагаемой вниманию заинтересованных читателей статье фигурирует ряд специальных понятий, требующих расшифровки. Фильмонимы понимаются как названия кинофильмов, содержащие личные имена людей или животных, мест, организаций и т. п., которые пишутся с заглавной буквы и могут содержать 1–2, реже 3–5 лексических единиц. Под локализацией (от лат. 'locus' – место) понимается перевод и культурная адаптация наименования кинопродукта к особенностям определенной страны, региона или группы населения. Кинозаголовок в кинодискурсе является организующим элементом, он в сжатой форме передает основную идею содержания. Кинозаголовки могут быть однозначные, двузначные и многозначные, информативно насыщенные или «вапидные» (малоинформативные) [3]. Существует устойчивая взаимозависимость между кинозаголовком и кинопродуктом. «Взаимодействие двух кодов: словесного и кинесического

рождает мощнейший убедительный эффект, влияющий на формирование яркого впечатления при восприятии кинопродукта, который накладывает отпечаток на сознании кинозрителя» [4, с. 357–359].

Методы

Метод типологического синхронного сравнения позволяет сопоставить исходник и перевод принимающей культуры на предмет баланса маскулинных и фемининных маркеров. Сравнение базируется на постулате об адаптации и деформации исходника. Если адаптация фокусируется на приближении транслята к исходной культуре, ее специфике и ориентирована на взаимный диалог культур, то деформация, напротив, ставит в приоритет особенности принимающей стороны [1, с. 69–78]. В статье также применяется метод функционального анализа фильмонимов, рассчитанный на то, чтобы оценить, в какой мере транслируют ответы нормам и лексическим стандартам принимающей культуры, степень «чуждости/приемлемости» итогового перевода в принимающей культуре.

Женское начало в языке рассматривается в теории гендера (О. Вейнингер, Дж. Хиггинс) и в отечественных исследованиях [5]. С женщинами, полагают авторы зарубежных исследований, ошибочно связывают особый, эмоциональный когнитивный стиль, сходный с мышлением людей креативных и непрофессионалов-любителей [6]. О. Вейнингер говорит о том, что женское мышление впечатлительно и носит «партикулярный» характер. Женщины, по его убеждению, мыслят «генидами» – рудиментарными, смешанными с чувствами единицами мысли, лишёнными логики. Мужчина всегда «зрит в корень» вещей, женщина «скользит по поверхности» [7]. Считают, что основанная на «маскулинной» (мужской) логичности картина мира прямолинейна, а женщина лишь косвенно своей впечатлительностью, созерцательностью, инстинктивностью выражает себя [8, с. 48]. Все это пережитки некорректного, маскулинного уклада.

Результаты

Углубление в тематику киноперевода не может обойти стороной само содержание фильмов, ту общую основу, на которой в идеальном мире должен опираться перевод. При анализе переводных названий мы обратимся к содержанию фильма, укажем его содержательные атрибуты. На примере уже упомянутого выше фильма поясним, что содержательные атрибуты фильма в том виде, в каком они представлены в кинопрограммах, содержат самую лишь общую информацию. Это, прежде всего, собственно название фильма «*Бегущий по лезвию*», его перевод *Blade Runner*, год выхода – 1982, жанр – фантастический триллер, постановщик – Ридли Скотт, первые исполнители – Гаррисон Форд, Рутгер Хауэр, Шон Янг, и то, что в кинематографии принято называть «логлайн» (от англ.: logline – основная фабула), история, изложенная в одном развернутом предложении объемом максимум 15–20 слов. По роману Филипа К. Дика. Бывший полицейский космического патруля должен выследить и уничтожить вышедших из-под контроля андроидов.

Рассмотрим ряд фильмонимов с привлечением героев-мужчин и проанализируем, насколько полно содержание фильма отражено в его заголовке. Нами

было обнаружено несколько фильмонимов с героями-мужчинами. Приводим список и краткое обсуждение:

1. «Вышибалы» (*DodgeBall: A True Underdog Story*) (2004) комедия.
2. «Герой-одиночка» (*Last Man Standing*) (1996) спортивная драма.
3. «Герой супермаркета» (*Mall Cop*) (2009) комедия.
4. «Мальчишник в Вегасе» (*Hangover*) (2009) эксцентрическая комедия.
5. «Образцовый самец» (*Zoolander*) (2001) эксцентрическая комедия.
6. «Солдаты неудачи» (*Tropic Thunder*) (2008) пародийная комедия.
7. «Хеллбой: Герой из некла» (*Hellboy*) (2004) ужасы/фантастика.

Комедия 2004 года «Вышибалы» (*DodgeBall: A True Underdog Story*) (2004) режиссера Роусона Маршалла Тёрбера с Винсом Воном и Кристин Тейлор в главных ролях рассказывает о владельце крупной сети фитнес-центров. Содержание лишь частично отражено в названии, ибо детская игра в вышибалы, в которой дети, находясь напротив друг друга, бросают мяч, чтобы выбить противника из круга, представляет завязку, исходный момент фильма. Мужские провалы в переводе киноназваний замалчиваются, как это имеет место в названии «Вышибалы» (*DodgeBall: A True Underdog Story*). Понятие «неудачник» (*underdog*) исключается из фильмонима, имеет место деформирующий перевод с компенсацией исходника. На первый план выносятся положительная сторона персонажа. «Герой-одиночка» (*Last Man Standing*), «Герой супермаркета» (*Mall Cop*), «Образцовый самец» (*Zoolander*). Очевидно, что мужской образ в переводе фильмонимов поддерживает стереотип о мужском превосходстве.

Обсуждение

Обращаясь к переводу феминных фильмонимов, отметим, что материалом для исследования послужили более десятка обнаруженных в современных источниках (билборды, сайты и пресса) киноназваний [9]:

1. «Дочь и мать ее» (*Captured*) (2017) комедия.
2. «Дикая штучка» (*Wild Target*) (2009) комедия.
3. «Замерзшая из Майами» (*New In Town*) (2008) ромком.
4. «Заложница» (*Taken*) (2008) криминальный боевик.
5. «Зараженная» (*Maggie*) (2015) хоррор.
6. «Конченная» (*Terminal*) (2018) триллер.
7. «Красотки в бегах» (*Hot Pursuit*) (2015) криминальная комедия.
8. «Красотка на всю голову» (*I Feel Pretty*) (2018) комедия.
9. «Красавица для чудовища» (*Mary Shelley*) (2017) драма.
10. «Моя ужасная няня» (*Nanny McPhee*) (2005) фильм-сказка.
11. «Невеста с того света» (*Over Her Dead Body*) (2008) комедия.
12. «Несносные леди» (*Mother's Day*) (2016) драма.
13. «Отпетые мошенницы» (*The Hustle*) (2019) комедия.
14. «Очень опасная штучка» (*One For The Money*) (2012) экшн-комедия.
15. «Очень плохие девчонки» (*Rough Night*) (2017) комедийный триллер.
16. «Поймай толстуху, если сможешь» (*Identity Thief*) (2013) комедия.
17. «Проклятие моей матери» (*The Guilt Trip*) (2012) ромком.
18. «Проклятие монахини» (*The Nun*) (2018) мистика.

В этой категории представлено 18 киноназваний с женщинами в заглавных ролях. Судя по переводу, женщин подразделяют на несколько категорий:

- **неудачницы:** «Замерзшая из Майами» (New In Town);
- **неумные:** «Красотка на всю голову» (I Feel Pretty);
- **жертвы:** «Красавица для чудовища» (Mary Shelley);
- **преступницы:** «Красотки в бегах» (Hot Pursuit);
- **стервозные:** «Конченная» (Terminal);
- **тучные:** «Поймай толстуху, если сможешь» (Identity Thief).

Проанализируем степень учета содержательной стороны фильмов в переводе киноназваний. Так, в первой из выделенных нами категорий (неудачницы) актриса Рене Зеллвегер в фильме *«Замерзшая из Майами» (New In Town)* играет карьеристку Люси Хилл, которая прибывает из солнечного Майами в снежную Миннесоту в рабочую командировку. Явное акцентирование женских неудач в переводе фильмонима никак не оправдано, девушке оказывают всяческую поддержку обитатели снежного штата Миннесота.

Итак, налицо явный сексистский уклон киноназваний. Вышедший в 2002 году Словарь гендерных терминов так трактует явление сексизма: «... гендерная асимметрия, воспроизводящая ущербность образа женщин в картине мира» [10, с. 232]. Гендерные стереотипы тесно связаны с культурным типом наций. В культурологии даже существует деление на маскулинные (Австрия, США, Великобритания) и феминные (скандинавские страны, Чили, Таиланд) культуры (концепция Г. Хофстеде). В маскулинном обществе гендер важен, а от мужчины требуют быть «стойким оловянным солдатиком», иначе вы – «лузер», т. е. неудачник. В феминном обществе важны социальные роли, но не пол, все имеют право на слабость, приветствуется скромность и консенсус, превалирует стремление к улучшению качества жизни и взаимная забота.

Киноназвания с невыгодным образом женщин работают на усиление стереотипа о женщинах как эмоциональных, нестабильных созданиях. Во многом этот стереотип есть производная общественного нежелания по достоинству воспринимать женщин, отводить им равное место в общественной иерархии, результат зависти. Р. Лакофф отметил, что женщины как социальный субъект вынуждены проводить жизнь в ситуации так называемой «двойной связанности» (от англ.: double bind – двойной переплет). Данная ситуация предполагает, что женщины, успешно сигнализирующие о своем авторитете и высоком социальном статусе, становятся мишенью общественного осуждения по причине несовпадения общественных представлений и их фактической жизненной позиции по вопросам женственности и ее роли в обществе. В то же время женщины, демонстрирующие более феминные модели поведения, могут вызвать осуждение как неспособные к социальному и личностному росту.

Много сказано о роли личных местоимений и наименованиях профессий, ограничивающих гендерное равноправие. Это касается явных языковых проявлений сексизма. Теперь проблема состоит не в том, чтобы обнаружить в тексте сексистский подтекст, а в том, чтобы объяснить, каким именно образом этот подтекст манипулирует читателем, и показать, как подобный текст сконструирован. На современном этапе сексизм процветает на уровне предположений, недомолвок, иронии и юмора [11]. Как отмечает А. А. Григорян, это есть скрытый, но не менее обидный «неявный сексизм» [12, с. 231–236]. Так, выражение 'top totty'

(классная телка), используемое в телепрограмме, как бы предполагает юмор и иронию, его сложнее оспорить. Юмор служит маскировкой сексизма и ширмой, помогающей отрицать наличие сексизма [13, с. 231–234]. Это происходит «на правах сильного», как полагает Н. Е. Камовникова [14, с. 154–157]. Во многих источниках сообщения о женщинах в общественной сфере подрывают образ компетентных, способных и знающих работниц, общественная деятельность которых подается как исключительная, как небывалый успех [15; 16]. Как нам представляется, преувеличенное подчеркивание качеств, присущих тому или иному полу, негативно сказывается на общественном раскладе сил, вызывая чувство солидарности у одной гендерной группы против другой.

Выводы

Подводя итог, хотелось бы отметить, что популярное за рубежом направление политической корректности поощряет уважительное отношение ко всем социальным слоям и группам, а языковая политика корректности предписывает избегать в речи слов и выражений, ведущих к дискриминации личности по расовому, этническому, религиозному, половому, социальному статусу, внешнему виду, возрасту и состоянию здоровья. Результаты проведенного в статье исследования гендерного аспекта фильмонимов показали, что политическая корректность пока не стала в нашей стране всеобъемлющей идеологией, идеологией, влияющей на образ мыслей и манеру речи массового зрителя. Как показал анализ, при переводе фильмонимов с феминным гендерным компонентом происходит неравнозначная, деформирующая исходник трансформация, а мировоззренческая позиция переводчика накладывает свой отпечаток на переводимый материал. Рекомендацией может стать характеристика мужчин и женщин в единой системе координат, выравнивание гендерных статусов.

Ссылки / References

1. Леонтьева К. И. Дискурсивная онтология, субъективный принцип, перспективизация: интегративный анализ переводческой деятельности с антропоцентрических социокогнитивных позиций // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 4. С. 69–78.
2. Ткачева А. Н. Особенности российской локализации французских кинозаголовков // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2019. Том 12. Выпуск 2. С. 144–148.
3. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988. 215 с.
4. Петухова Т. И. Языковая актуализация концептуальных пространств как фактор формирования ценностного аспекта кинотекста // Когнитивные исследования языка. 2016. № 26. С. 357–359.
5. Киселева С. В. Сущность многозначного слова в английском языке. СПб.: Астерион, 2009. 216 с.
6. Дэвидсон Д. Что означают метафоры // Теория метафоры. М., 1990. С. 173–194.
7. Вейнингер О. Пол и характер М.: Терра, 1992. 480 с.

8. Хиггинс Р. Седьмой враг; Человеческий фактор в глобальном кризисе // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С. 34–55.
9. Петербургский телезритель. 2018. № 36 (1107).
10. Словарь гендерных терминов. М.: Информация XXI век, 2002. 256 с.
11. Hardman M. J. The Sexist Circuit of English // The Humanist. 1996. March-April. Vol. 56. № 2. P. 25–32.
12. Григорян А. А. Неявный сексизм: об одном из способов его проявления в современной англоязычной литературе // Англистика XXI века: Материалы IX Всероссийской межвузовской научно-методической конференции. СПб., 2019. С. 231–236.
13. James D., Clark S. Women, men and interruptions // Gender and Conversational Interaction. New York: Oxford University Press, 1993. P. 231–280.
14. Камовникова Н. Е. На правах сильного: художественный перевод в контексте языковой политики // Перевод. Язык. Культура. Сборник трудов VII международной научно-практической конференции. СПб: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2016. С. 154–157.
15. Herbert R. K. Sex-based differences in compliment behavior // Journal of Pragmatics. 14. 1990. № 2. P. 193–218.
16. Holmes J. Women, Men and Politeness. London: Longman, 1995. 254 p.

